РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ

ИЗДАВАВШИЙ

П. Песоцкимъ.

III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 31 дня 1842 года.

Цензоры: *П. Корсаковъ и А. Очкинъ.*

III.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЦѢПЬ,

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ ПРОЗѢ,

СОЧИНЕНІЕ

Е. Скриба.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Представлена, въ первый разъ, въ Парижѣ, на Французскомъ Театрѣ (Théâtre Français), 29-го Ноября нов. ст. 1841 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эммерикъ д'Альбре, молодой композиторъ.
Клерамбо, негоціянтъ, его дядя.
Дѣ Сенъ-Жеранъ, Контръ-Адмиралъ.
Гекторъ Баландаръ, адвокатъ.
Алина, дочь Клерамбо.
Луиза, жена Сенъ-Жерана.
Слуга Сенъ-Жерана.
Слуга Эммерика.
Слуга.
Нотаріусъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ красиво убранную комнату артиста. Направо стоятъ фортепіаны; возлѣ нихъ, насупротивъ зрителей, столъ, покрытый богатымъ ковромъ. На столѣ разбросаны альбомы, ноты.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕКТОРЪ *входитъ въ заднюю дверь;* ЭММЕРИКЪ *сидитъ за фортепіанами, поддерживая голову рукою.*

ГЕКТОРЪ, *весело.*

Это я, другъ мой.... профанъ въ храмѣ искусствъ!

ЭММЕРИКЪ (*поднимая голову*).

Здравствуй, любезный Гекторъ.

ГЕКТОРЪ.

Я помѣшалъ тебѣ? Ты, кажется, работалъ, отыскивалъ какую нибудь мелодію?

Эммерикъ.

Нѣтъ.... я не дѣлалъ ничего.

Гекторъ.

Тѣмъ хуже! Мы ждемъ отъ тебя втораго творенія, которое было бы достойно перваго дебюта.... Въ двадцать пять лѣтъ имѣть на первой лирической сценѣ успѣхъ, который вскружилъ всѣмъ голову!... Превосходно, единственно!... И мнѣ, адвокату первой инстанціи, можно сказать съ гордостію въ Палатѣ: «Эммерикъ д'Альбре мой землякъ, другъ дѣтства. Мы родились въ Бордо, и никогда не разлучались.» (*Подаетъ ему письмо.*) Вотъ письмо: я получилъ его сегодня утромъ; оно было адресовано на мое имя.

Эммерикъ (*положивъ письмо въ карманъ*).

Благодарю.... Письмо это отвлекло тебя отъ занятій....

Гекторъ.

Нисколько! Мнѣ надобно итти въ Палату только часовъ въ двѣнадцать. Еще успѣю. (*Дотрогивается до кармана, куда Эммерикъ вложилъ письмо*). Это письмо вѣроятно касается процесса, о которомъ ты хотѣлъ со мною поговорить.

Эммерикъ.

Да, мой другъ.

Гекторъ.

Всегда готовъ служить тебѣ.... Такой кліентъ, какъ ты, можетъ выставить адвоката въ блистательномъ свѣтѣ.

Эммерикъ.

Тебѣ это не нужно.... Благодаря своей дѣятельности, дарованіямъ, а особенно репутаціи честнаго человѣка, ты принадлежишь къ лучшимъ адвокатамъ въ Парижѣ.

Гекторъ.

Что дѣлать? Теперь это единственное средство отличиться..... Адвокатъ съ такими достоинствами—человѣкъ оригинальный.... и оттого число моихъ кліентовъ удвоилось.

Эммерикъ.

Такъ же какъ и доходы... Говорятъ, будто ты получаешь въ годъ до сорока тысячъ франковъ.

Гекторъ.

Немногимъ побольше, немногимъ поменьше.... Я прозябаю въ пыли приказныхъ дѣлъ, посреди аукціоновъ и конфискацій недвижимыхъ имуществъ, или, въ важныхъ оказіяхъ защищаю въ судѣ какое нибудь дѣло о чрезполосномъ владѣніи, за которое не хочетъ приняться ни одинъ адвокатъ. А что пользы? Меня не знаетъ никто, кромѣ кліента, который обращается ко мнѣ въ день процесса, и часто забываетъ обо мнѣ, когда надобно подумать о вознагражденіи!... Другое дѣло твоя жизнь! Какое блистательное поприще! Рукоплесканія; богатство, слава! Жизнь артиста—жизнь наслажденій. Утро ты проводишь съ хорошенькими актрисами; вечеромъ посѣщаешь высшее общество, гдѣ музыка въ такой чести, что (*понижая голосъ*) многія знатныя дамы, такъ, по крайней мѣрѣ, я слышалъ, герцогини, маркизы, просто бѣгаютъ за тобою....

Эммерикъ (*съ живостію*).

Что, что?

Гекторъ.

Изъ любви къ музыкѣ! — Кстати: у меня есть до тебя просьба.... Скоро будутъ давать твою новую оперу.

Эммерикъ.

Теперь пока разучиваютъ первое дѣйствіе, а больше ничего не написано....

Гекторъ.

Сдѣлай одолженіе, возьми меня на репетицію.

Эммерикъ.

Съ удовольствіемъ.

Гекторъ.

Какъ я благодаренъ тебѣ! (*Съ замѣшательствомъ.*) Но могу ли я попасть на сцену, за кулисы; не могу ли говорить съ актрисами?

Эммерикъ.

Разумѣется....

Гекторъ.

Страшно что-то!

Эммерикъ (*смѣясь*).

Помилуй!

Гекторъ.

Еще просьба.... Если бы ты выхлопоталъ мнѣ, у какой нибудь герцогини Сенъ-Жерменскаго Предмѣстья, приглашеніе на балъ или на концертъ....

Эммерикъ.

Изволь.

Гекторъ.

Чтобы я могъ показать, или, по крайней мѣрѣ, чтобы у меня видѣли приглашительный билетъ.... Это мнѣ весьма нужно.

Эммерикъ.

Зачѣмъ?

Гекторъ (*таинственно*).

Я намѣренъ жениться.

Эммерикъ (*съ живостію*).

И хорошо сдѣлаешь; особенно если по любви.

Гекторъ.

Да, мой другъ, по любви.... и по необходимости! Прекрасная дѣвица, прекрасное приданое, которымъ я могу заплатить за свое званіе.... На первый случай, отецъ даетъ двѣсти тысячъ франковъ, а послѣ дастъ еще.... Онъ богатый купецъ изъ Берси. Дочка его, Викторія Жиро, мнѣ очень нравится.... Она мила и отлично воспитана.... Училась живописи и музыкѣ.

Эммерикъ.

А, у ней есть голосъ?

Гекторъ.

По счастію, нѣтъ. Она, какъ и я, поетъ фальшиво, и въ этомъ отношеніи у насъ будетъ согласіе!.... Но вотъ въ чемъ мы никогда не сойдемся: Викторія, дѣвица съ поэтическимъ воображеніемъ; она мечтала о мужѣ идеальномъ, туманномъ; ей нужна сильная страсть.... а я просто адвокатъ, который никогда ни за кѣмъ не волочился.... у меня на то и времени не было! Всю недѣлю я занятъ. Только одинъ разъ, до адвокатства, я какъ-то влюбился.... Но о гризеткѣ не стоитъ и вспоминать....

Эммерикъ.

Однако жъ, между гризетками есть много премиленькихъ.

Гекторъ (*презрительно*).

Да, конечно, есть и между ними порядочныя.... Да нѣтъ ничего благороднаго.... Поѣздки на ослахъ въ Монморанси, пикники, обѣды на травкѣ, хохотъ!... Скука!

Эммерикъ.

Превесело!

Гекторъ.

И все это ни къ чему не ведетъ.... Вотъ, если бы я, какъ ты, былъ человѣкъ модный, если бы могъ похвастаться разными приключеніями, Викторія Жиро обожала бы меня.... Третьяго дня, я ей сказалъ, что мы съ тобою друзья.... Ты не сердишься, любезный другъ?... Слова мои произвели чудесное дѣйствіе!... А когда она узнаетъ, что я попаду за кулисы, особенно къ герцогинямъ, тогда я стану въ ея глазахъ еще выше.

Эммерикъ.

Понимаю.

Гекторъ.

Признаться, я всегда мечталъ о герцогиняхъ.... Бывало, вечеркомъ, послѣ занятій, когда я былъ еще главнымъ писцомъ у нотаріуса, пойду къ подъѣзду Большой Оперы или Италіянскаго Театра,

любуюсь богатыми нарядами герцогинь, ихъ гордою, величественною осанкою, ливреями лакеевъ, гербами экипажей, и думаю: неужели есть счастливцы, которыхъ любятъ такія женщины? Быть любимымъ маркизою, графинею, даже баронессою, должно быть непзъяснимое наслажденіе!... Я возвращался домой, пѣшкомъ, обрызганный грязью при ихъ проѣздѣ.... Тутъ я вспоминалъ о тебѣ: товарищъ мой, Эммерикъ, счастливъ!... И только въ этомъ завидовалъ я тебѣ ...

Эммерикъ.

Напрасно! Помнишь ли ты басню объ Икарѣ?

Гекторъ.

Какъ не помнить! Адвокатство еще не выбило у меня изъ головы миѳологіи.... Но ты, слава Богу, не Икаръ; ты не падаешь...

Эммерикъ.

А скоро упаду!... Вихрь высшихъ странъ, къ которымъ я хотѣлъ подняться, мѣшаетъ мнѣ упрочить состояніе почетное, независимое, какъ, напримѣръ, твое.... Модный, пустой свѣтъ, гдѣ я не могъ пріобрѣсти ни какихъ успѣховъ, и куда попалъ по неволѣ, совершенно отвлекаетъ меня отъ дѣла.... Свѣтскія удовольствія часто соединены съ такими обязанностями, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ избранному нами поприщу... Да, вотъ, напримѣръ, письмо, что ты принесъ.... (*Вынимаетъ письмо изъ кармана*).

Гекторъ.

Вѣдь оно касается процесса?

Эммерикъ (*улыбается иронически, и распечатываетъ письмо*).

Да, процесса, который давно уже кончился.... Чтобы отвратить подозрѣніе, чтобы имя мое не обратило на себя вниманія моихъ знакомыхъ, письма адресуются къ тебѣ, адвокату.... Какъ не подумать, что письмо непремѣнно дѣловое.

Гекторъ.

Вѣрно, любовная записочка отъ какой нибудь маркизы?

Эммерикъ.

Маркиза напоминаетъ мнѣ, что завтра, въ Оперѣ, чрезвычайный спектакль, бенефисъ, что я долженъ ѣхать съ нею.

Гекторъ (*съ живостію*).

Какъ, вмѣстѣ, въ одной каретѣ?... И потомъ сидѣть въ ея ложѣ?

Эммерикъ (*садясь за столъ*).

Разумѣется.... Но ложи всѣ заняты, а достать все таки надобно.... (*Вынимаетъ билетъ изъ ящика, и показываетъ его*). Нумеръ десятый, съ правой стороны, между колоннами. Знаешь ли, чего мнѣ это стоитъ?

Гекторъ.

Вѣроятно, франковъ 25 или 30 за мѣсто.

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ*).

Я говорю не объ этомъ.... (*Онъ бросаетъ на столъ конвертъ, и прячетъ между бумагами письмо, которое держалъ въ рукѣ; потомъ запечатываетъ въ другой конвертъ, вынутый изъ стола, билетъ, кладетъ въ карманъ, и встаетъ въ продолженіе слѣдующихъ фразъ*), но о рысканьѣ, о потерѣ времени.... Вчера, цѣлый день, пробѣгалъ я за ложею, вмѣсто того, чтобы сидѣть за фортепіанами, и писать квинтетъ, котораго мотивъ изгладился у меня изъ памяти.... квинтетъ, котораго дожидались актеры.... Вотъ отчего я не работаю, отчего моя опера никогда не будетъ кончена!

Гекторъ.

Тѣмъ хуже! Я знаю многихъ, которые давно и съ нетерпѣніемъ готовятся къ первому представленію.

Эммерикъ.

Кто же это?

Гекторъ.

Твои родные, Г. Клерамбо, твой дядя, и дочь его, прекрасная Алина.

Эммерикъ.

Моя кузина?....

Гекторъ,

Если я не ошибаюсь, она нарочно для этого пріѣхала въ Парижъ.... Она давно желала....

Эммерикъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Гекторъ.

Ея изнурительная болѣзнь....

Эммерикъ.

Бѣдная Алина! Я видѣлъ, какъ она страдала....

Гекторъ.

Теперь, другое дѣло! Она свѣжа и мила, какъ амурчикъ.... Алина увѣрила отца, что столичный воздухъ поможетъ ей.... Какъ же, послѣ этого, первому негоціянту въ Бордо, отцу такой дочери, не ѣхать!..

Эммерикъ.

Скоро ли они пріѣдутъ!

Гекторъ.

Я думаю, ужъ пріѣхали.

Эммерикъ.

Почему же ты знаешь?

Гекторъ.

Да вѣдь я занимаюсь дѣлами Г. Клерамбо!... Развѣ ты забылъ, что я выигралъ ему запутанный процессъ, и что по этому случаю ѣздилъ, въ прошедшемъ году, два раза въ Бордо?.... Онъ поручилъ мнѣ нанять для него квартиру.

Эммерикъ.

Что же ты?

Гекторъ.

Мнѣ кажется, что на углу Ришельевской Улицы и Италіянскаго Бульвара есть очень удобный домъ....

Эммерикъ.

Ты нанялъ въ домѣ, гдѣ я живу?..

Гекторъ.

Первый этажъ, по 2000 франковъ въ мѣсяцъ.... Дядя твой богатъ, и притомъ пріятно жить въ одномъ домѣ съ племянникомъ.

Эммерикъ (*бросается ему на шею*).

Другъ мой! какая чудесная мысль! Какъ весело увидѣть родныхъ!... Алина, сестра моя, подруга, ученица!... Мы будемъ вмѣстѣ заниматься музыкою.

Гекторъ.

И ни шагъ не отпустимъ ихъ отъ себя.

Эммерикъ.

Ты будешь ходить съ дядюшкою.

Гекторъ.

Вездѣ перебываемъ.... Въ Судѣ....

Эммерикъ.

На первомъ представленіи моей оперы.

Гекторъ.

Которая не кончена!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Будетъ кончена!... Хочу, чтобы Алина была свидѣтельницею торжества.... Въ этомъ дѣлѣ, она знаетъ толкъ. У нея прекрасный голосъ, вкусъ.... Сажусь за работу (*бѣжитъ къ фортепіанамъ*). Квинтетъ вспомнилъ; мотивъ не пропалъ.... слушай.

Гекторъ (*беретъ стулъ*).

Какъ пріятно! (*Останавливается*) Перестань!

Эммерикъ (*останавливаясь.*)

Что такое?

Гекторъ. (*прислушиваясь.*)

Кто-то идетъ по лѣстницѣ..... Слышишь?

Эммерикъ (*также прислушивается*).

Да, да!... Знакомый голосъ!....

(*Дверь отворяется.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Гекторъ, Клерамбо, Алина, Эммерикъ.

Эммерикъ (*кричитъ издали*).

Дядюшка!.... Кузина!... (*Бѣжитъ къ Алинѣ и обнимаетъ ее нѣсколько разъ.*) Милая Алина! Какъ я счастливъ, что опять васъ вижу!....

Клерамбо (*становится между ними*). (*)

Ну!... а меня?....

Гекторъ (*пожимая ему руку*).

Добрый дядюшка! (*Смотритъ на Алину.*) Съ прошедшаго года, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у васъ въ Бордо.... кузина моя похорошѣла.

Алина.

А папенька говорилъ, что нисколько...

Клерамбо (*беретъ ее за руку*).

Поклонись же нашему другу, нашему адвокату, Г. Баландару, и поблагодари его за выборъ квартиры.

Алина.

Квартира очень мила!

Клерамбо.

А вы и не писали мнѣ, что племянникъ живетъ въ этомъ же домѣ...

Гекторъ.

Я хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Алина.

Однимъ этажемъ ниже!... Какъ будетъ удобно для кузена... (*Потупивъ глаза обращается къ отцу*) посѣщать насъ...

Клерамбо (*грубо*).

Я этого не требую.... Хочу, чтобы онъ обращался съ нами безъ чиновъ.... какъ и мы съ нимъ... Видишь, мы прямо пріѣхали къ тебѣ съ визитомъ; но это не возлагаетъ на тебя ни малѣйшей обязанности.

Эммерикъ.

Помилуйте, дядюшка!....

Клерамбо.

Тебѣ надобно работать.... Артистъ долженъ трудится.

Эммерикъ.

На все можно найти время.... Моя обязанность всегда быть съ вами.... Я васъ повезу въ общества.

Клерамбо.

Благодарю покорно....

Гекторъ (*Клерамбо*).

Онъ живетъ въ высшемъ кругу.

Клерамбо.

Тѣмъ хуже! Нравственность этого круга устрашаетъ меня за молодую дѣвицу.

Эммерикъ.

Кто вамъ это сказалъ?

Клерамбо.

Ваши книги и журналы.... Вѣдь мы въ Бордо читаемъ все, что выходитъ въ Парижѣ.

Эммерикъ (*беретъ его за руку, съ видомъ состраданія*).

Бѣдный дядюшка!....

Клерамбо.

А что такое?

Эммерикъ (*улыбаясь*).

О васъ надобно пожалѣть, если вы судите по книгамъ и журналамъ..... Наши нравы гораздо благороднѣе всѣхъ

(*) Гекторъ, Алина, Клерамбо, Эммерикъ.

сочиненій.... Поживите съ нами, и вы найдете еще благопристойность, хорошій тонъ въ гостиныхъ, добродѣтель въ семейномъ кругу, хорошихъ хозяекъ въ свѣтѣ, однимъ словомъ, вездѣ найдете честныхъ людей.... даже въ Палатѣ.... Спросите у Баландара.

Клерамбо.

Этотъ человѣкъ — другое дѣло! Я его знаю... онъ изъ Бордо..... Въ наше время трудно найти (*смотритъ на племянника*) такую скромность, такую чистоту нравовъ.... Рано или поздно, онъ всетаки оканчиваетъ процессы, а другіе....

Эммерикъ.

Вы сами видите....

Клерамбо.

Исключеніе ничего не доказываетъ.... Ты, племянникъ, всегда смотришь на вещи съ хорошей стороны, какъ покойный твой батюшка, мой любезнѣйшій своякъ.... Онъ, бывало, вѣчно живетъ въ идеальномъ мірѣ, а я въ положительномъ.... Изъ любви къ твоей матери, моей бѣдной сестрѣ, я хотѣлъ взять его въ товарищи по торговлѣ.... Можно было бы нажить состояніе независимое.... Такъ нѣтъ! Вмѣсто того, чтобы продолжать службу въ купеческомъ флотѣ, гдѣ платятъ хорошія деньги.... онъ перешелъ въ военный флотъ.....

Эммерикъ.

Гдѣ награждаютъ эполетами.... славою....

Клерамбо.

И ядрами!.... Отецъ твой убитъ подъ Навариномъ, и на мое попеченіе оставилъ вдову, мою сестру, которая скоро послѣдовала за нимъ.... Тебя мнѣ хотѣлось пріучить къ торговымъ дѣламъ.... Ты началъ бы съ прикащика... (*взглянувъ на дочь*), а потомъ дальше, и дальше.... Можетъ быть, въ Бордо, домъ Клерамбо не прекратился бы никогда... Но, куда!... Вдругъ стали мнѣ твердить со всѣхъ сторонъ, что племянникъ мой имѣетъ наклонность.... дарованіе.... геній!....

Эммерикъ.

Вы не такъ судите, дядюшка.... Я не хотѣлъ быть вамъ въ тягость, хотѣлъ возблагодарить васъ за благодѣянія....

Клерамбо.

Благодѣянія!... Да кто тебѣ говорилъ о нихъ?...

Эммерикъ.

Я никогда ихъ не забуду!

Клерамбо.

Такъ неужели только для этого надобно было бросить меня.... и погнаться за геніемъ.... Кто внушилъ тебѣ такія мысли?.... Ужъ вѣрно не я!... Кто пристрастилъ тебя къ музыкѣ?... Да я въ жизнь свою не могъ понять ни одной ноты!....

Гекторъ (*проходитъ мимо Алины, и подаетъ руку Клерамбо*).

Весьма пріятно найти товарища.... *Алина становится между Клерамбо и Эммерикомъ*) (*).... Я тоже никогда не понималъ музыки, а люблю это искусство.

Клерамбо.

А я ненавижу всѣ искусства вообще, и музыку въ особенности!.... Къ чему годны живописцы, музыканты?.... Нарушать семейное спокойствіе, кружить головы молоденькимъ дѣвушкамъ, заставлять ихъ терять за фортепіанами время, которое онѣ могли бы употребить на веденіе счетныхъ книгъ.

Алина.

Папенька!

Клерамбо.

До тебя это не касается.... Ты занимаешься у меня счетными книгами и корреспонденціею....

Алина.

И хозяйствомъ....

(*) Гекторъ, Клерамбо, Алина, Эммерикъ.

Клерамбо.

Правда! Но, если я имѣю неудовольствіе слышать каждый день: «Дочь наша поетъ какъ Малибранъ....» такъ ужъ въ этомъ я нисколько не виноватъ... Вся вина падаетъ на племянника.... Поправить дѣло невозможно.... время упущено. Бывало, сижу въ конторѣ, а сестрица съ братцомъ поднимутъ такой шумъ, что лучше бѣги вонъ!... Любезный племянничекъ сочинялъ еще въ дѣтствѣ, и вмѣстѣ съ Алиною все время проводилъ за финалами, квинтетами, дуэтами.... И теперь ты все тотъ же. «Люблю тебя.... Всю жизнь любить меня ты будешь....» А какъ можно запретить?... Дочь одна... боишься потерять ее, и по неволѣ измѣнишь своимъ правиламъ.... Но если бы Палата, которая уже уничтожила литературную собственность.... если бы она, руководствуясь бережливостію и усовершенствованіями, уничтожила вдругъ искусства и артистовъ, я первый закричалъ бы: браво, браво!... Тамъ есть нѣкто, не припомню его имени, но онъ можетъ твердо надѣяться на мой голосъ, доколѣ я буду избирателемъ... Этотъ пріятель желалъ бы изломать всѣ арфы, всѣ фортепіаны, и обратить ихъ въ Жакардавы станки!... Вотъ, такой человѣкъ понимаетъ, что значитъ промышленость и общія выгоды....

Гекторъ.

Кромѣ выгодъ Эрара и Плейеля.

Клерамбо.

А мнѣ какое до нихъ дѣло!

Алина.

Нѣтъ, папенька, это дѣло и для васъ не совсѣмъ постороннее.... Вспомните, когда вы были на представленіи оперы Эммерика.... (*Обращается къ Эммерику.*) Вашу оперу недавно давали въ Бордо, и съ какимъ успѣхомъ!... Всѣ были въ восторгѣ!... А я, я въ это время вполнѣ была счастлива, я имѣла полное право гордиться.... При оглушительныхъ крикахъ, я старалась быть смиренною, потупляла глаза, краснѣла отъ вашей славы, какъ будто сама участвовала въ вашемъ торжествѣ... Тутъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго.... Вы, Эммерикъ, нашъ родной.... Вспомните, папенька, что было послѣ втораго дѣйствія, послѣ чудеснаго дуэта, исполненнаго любви.... Всѣ зрители рукоплескали, вызывали отсутствующаго автора, своего земляка.... и, по какому-то невольному движенію, обратились потомъ къ нашей ложѣ, привѣтствовали насъ радостными восклицаніями, дѣлали насъ участниками славы Эммерика.... Нѣтъ, папенька, вы не могли оставаться равнодушными.

Клерамбо.

Помилуй, не то....

Алина.

Да, папенька, я сама видѣла.... вы плакали, вы были восхищены.... вы дрожали....

Клерамбо.

Не мудрено... я перепугался.... тебѣ сдѣлалось дурно.

Эммерикъ.

Возможно ли?

Клерамбо.

Музыка всегда производитъ на Алину сильное дѣйствіе, музыка, какая бы то ни была.... А когда дочери моей сдѣлается дурно, я забываю все, готовъ все отдать....

Алина.

Я это знаю, папенька, и никогда не употребляю во зло вашей привязанности.

Клерамбо.

Да, ты скоро пришла въ себя.

Алина.

И ни о чемъ васъ не просила.

Клерамбо.

Правда! Только, чтобъ впередъ этого не было!...

Алина.

Да вѣдь эта музыка такъ мила!

Всѣ говорили: «онъ никогда лучше не напишетъ....,» а я отвѣчала: «непремѣнно напишетъ еще лучше....» Не правда ли, Эммерикъ? Вѣдь ваше второе сочиненіе будетъ еще лучше?

Эммерикъ.

Постараюсь, Алина.

Алина.

На зло имъ, напишите какъ можно лучше.... А сегодня вечеромъ, сыграйте намъ что нибудь?....

Эммерикъ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Гекторъ *(говоритъ Алинѣ съ довольнымъ видомъ.)*

Я отправляюсь на репетицію!

Алина.

Вы, Г. Баландаръ?

Гекторъ.

Эммерикъ обѣщалъ взять меня съ собою.

Алина.

Стало быть, и намъ можно быть на репетиціи?...

Эммерикъ.

Если удостоите....

Клерамбо.

Однако жъ, пора.... не надобно мѣшать... Простись съ братомъ, и пойдемъ. *(Беретъ Алину за руку и отходитъ; между тѣмъ Эммерикъ становится по лѣвую сторону, возлѣ Гектора.)* (*)

Алина.

Еще минуту... Какъ весело быть въ комнатѣ молодаго человѣка, разумѣется, съ папенькою.... У Эммерика прекрасная квартира, чудесныя фортепіаны.... Такъ вотъ гдѣ вы работаете, гдѣ находите такія восхитительныя мелодіи..... *(Беретъ со стола тетрадь.)* Это ваша опера.... Можно посмотрѣть?....

(*) Гекторъ, Эммерикъ, Клерамбо, Алина.

Клерамбо.

Что ты, вѣдь это нескромность, Алина!..

Эммерикъ.

Въ чемъ?...

Гекторъ.

Для того-то опера и написана, чтобы всѣ ее видѣли.

Алина.

А эту оперу Эммерика навѣрное всѣ увидятъ.... И такъ, начать можно съ меня.... *(Возвращается на авансцену, читая рукопись.)* Тутъ есть и стихи....

«Въ тебѣ моя душа, вся жизнь, все бытіе!
«А безъ тебя мнѣ—смерть!... Свиданье — возрожденье!»

Клерамбо *(поднимаетъ упавшую бумажку)*.

Да, не дурно!... А вотъ это что: «Ахъ, какъ я радуюсь завтрашнему вечеру, въ оперѣ!»

Алина *(съ безпокойствомъ)*.

Мой другъ....

Клерамбо *(Эммерику)*.

Извини.... племянникъ. *(Обращаясь къ Алинѣ.)* Что съ тобою, Алина?

Алина *(стараясь прійти въ себя)*.

Ничего, папенька!.... Отдайте письмо Эммерику.

Эммерикъ *(въ смущеніи)*.

Нѣтъ, Алина, письмо это писано не ко мнѣ....

Алина.

Къ кому же?

Эммерикъ *(запинаясь)*.

Къ Баландару.

Гекторъ.

Ко мнѣ!....

Клерамбо *(смѣется)*.

А какъ бы насъ убѣдить....

Эммерикъ (*идетъ къ столу, на право*).

Очень легко.... вотъ адресъ... почеркъ одинъ и тотъ же... посмотрите: «Господину Баландару, адвокату, и проч.» — (*Возвращается на прежнее мѣсто.*)

Алина (*радостно*).

Возможно ли?....

Гекторъ (*тихо Эммерику*).

Послушай, что это значитъ?...

Эммерикъ.

Молчи.

Клерамбо (*съ изумленіемъ разсматриваетъ конвертъ вмѣстѣ съ дочерью*).

Точно!... Печать съ гербомъ.... Знатная дама!.... Ну кто бы подумалъ! Гекторъ Баландаръ, котораго я считалъ цѣломудреннѣйшимъ изъ всѣхъ адвокатовъ... первой инстанціи.....

Гекторъ (*удерживаемый Эммерикомъ*).

Что жъ, это не мѣшаетъ....

Клерамбо.

Теперь судите же о другихъ!.... стыдно сударь!

Гекторъ (*становится между Клерамбо и Алиною*).

Выслушайте меня.

Эммерикъ.

Онъ пришелъ посовѣтоваться о ложѣ въ оперу, и узнать, какъ бы достать ее.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Гекторъ, Эммерикъ, Клерамбо, Алина, Оливье.

Оливье.

Спрашиваетъ Г. Клерамбо, и съ дочерью.

Алина.

Кто?

Оливье.

Баринъ лѣтъ сорока; онъ въ вашихъ комнатахъ.

Алина.

Вѣрно, папенька крестный. Онъ обѣщалъ къ намъ прійти....

Клерамбо.

Какъ можно заставлять дожидаться вельможу.... Пера....

Алина.

До скораго свиданія, Эммерикъ!... Прощайте Г. Баландаръ.... Не забудьте о ложѣ....

Гекторъ.

Да помилуйте...

Клерамбо.

(*Обращаясь къ Эммерику.*)

Ну, что? Не правду ли говорилъ я тебѣ, что въ Парижѣ....

Алина.

(*Въ глубинѣ театра.*)

А вы остаетесь, папенька?

Клерамбо.

Сію минуту, Алина.... Безнравственность вкралась даже въ приказъ.... Иду, иду...

(*Уходитъ съ Алиною.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эммерикъ, Гекторъ.

Эммерикъ (*удерживая Гектора, который идетъ къ дверямъ*).

Нѣтъ, говорю тебя, оставайся....

Гекторъ.

Я долженъ.....

Эммерикъ.

Къ чему?.... Какое тебѣ дѣло?....

Гекторъ.

Такое, что твой дядя кліентъ богатый

и нравственный, а ты выставилъ меня въ неблагопріятномъ видѣ..... Если черезъ письмо, черезъ побѣду, которую ты мнѣ приписалъ, я лишусь его довѣренности.....

Эммерикъ.

Будь покоенъ!

Гекторъ.

Зачѣмъ же ты, холостой человѣкъ, отрекаешься отъ своего счастіе, и передаешь его мнѣ, человѣку женатому, или почти женатому?....

Эммерикъ.

Зачѣмъ?.... Одна мысль, что Алина могла бы подумать....

Гекторъ (*съ жаромъ*).

Тому, что совершенно справедливо.

Эммерикъ.

Конечно.... Но когда я увидѣлъ, что она блѣднѣетъ, въ смущеніи, я самъ не зналъ, что дѣлалъ и говорилъ.....

Гекторъ.

Стало быть, ты любишь Алину?

Эммерикъ.

Помилуй?... Развѣ я могу, развѣ я долженъ думать о томъ?

Гекторъ.

А почему же и не думать?

Эммерикъ.

Дядя мой чрезвычайно богатъ.... а я?....

Гекторъ.

На его сторонѣ богатство, на твоей талантъ: почему жъ этому и не соединиться?

Эммерикъ.

А слышалъ ли ты, что онъ говорилъ здѣсь?... Онъ ненавидитъ искусства и артистовъ!.....

Гекторъ.

За то дочь ихъ любитъ, и его заставитъ полюбить.

Эммерикъ.

Никогда!

Гекторъ.

Она упроситъ его.

Эммерикъ.

Онъ неумолимъ.

Гекторъ.

Ну, такъ упадетъ въ обморокъ, а ты знаешь, что для отца этотъ аргументъ безъ возраженія.

Эммерикъ.

Дѣло, во всякомъ случаѣ, невозможное!... Если бы ты зналъ, если бы я могъ, если бы я смѣлъ сказать тебѣ....

Гекторъ.

Слѣдовательно, есть другія причины?

Эммерикъ.

Да... есть....

Гекторъ.

Съ кѣмъ же и быть тебѣ откровеннымъ, какъ не съ другомъ и адвокатомъ.

Эммерикъ.

Выслушай меня!... Я уѣхалъ изъ Бордо, четыре года назадъ. Кузинѣ моей было тогда лѣтъ тринадцать или четырнадцать. Въ сравненіи со мною, она была ребенокъ. Я пріѣхалъ въ Парижъ, исполненный пылкаго честолюбія, мечтая объ успѣхахъ, славѣ, богатствѣ.... Я не зналъ безчисленныхъ препятствій, которыя останавливаютъ артиста при первомъ вступленіи на избранное имъ поприще. Какимъ образомъ могъ я доказать людямъ, что имѣю дарованія, что во мнѣ горитъ творческій огнь?... Живописцу нужны полотно и кисть; безъ подпоры, безъ покровителя, одинъ, на своемъ чердакѣ, онъ сочиняетъ картину, которую всѣ увидятъ на слѣдующей выставкѣ: «Остановитесь, взгляните; тутъ есть признаки таланта, быть можетъ, даже генія!...» Нельзя и сравнивать судьбу живописца съ судьбою композитора, несчастнаго музыканта, который, одинъ съ своимъ вдохновеніемъ, чувствуетъ въ себѣ мелодическіе звуки, и не можетъ передать ихъ слушателямъ!.... Чтобы обратить на себя вниманіе, онъ не можетъ, какъ живопи-

сецъ, купить полотно и другіе необходимые предметы; ему нуженъ жалкій либретто, или такъ называемая поэма, которой никто не хочетъ писать для неопытнаго композитора; ему нужны театръ, пѣвцы, оркестръ, публика, которой бы онъ сказалъ: «Слушайте!....» Для меня ничего не существовало!... Обольстительныя мечты уступили мѣсто унынію и безнадежности.... Я уже сталъ помышлять о бѣдности, позорѣ и, быть можетъ, о возвращеніи на родину съ прежнею неизвѣстностію.... Я былъ въ отчаяніи, хотѣлъ лучше умереть, нежели ѣхать назадъ въ Бордо!....

Гекторъ.

Ты никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ.

Эммерикъ.

Объ успѣхахъ люди говорятъ охотно, но несбывшіяся надежды, оскорбленное самолюбіе стараются скрывать, какъ бы жестоко ни страдали подъ гнетомъ несчастія..... Однажды вечеромъ, я былъ въ богатой гостиной Сенъ-Жрменскаго Предмѣстія, куда открылъ себѣ входъ игрою на фортепіанахъ. Здѣсь, посреди красавицъ, поставленныхъ на первомъ мѣстѣ истинною красотою или модою, я увидѣлъ молодую женщину, которую окружали двадцать поклонниковъ, графы, маркизы..... То была гордая, надменная красавица.... Но гордость возвышала ее; казалось, эта женщина была рождена для того, чтобы повелѣвать.... Всѣ молодые франты, всѣ вельможи, падая ницъ передъ модными идоломъ, вымаливали взгляда, которымъ она никого не награждала!.... Грустное лице мое, вѣроятно, обратило на себя вниманіе красавицы, или, по благородству чувствъ, она догадалась, что надобно помочь несчастному.... Она сѣла возлѣ меня.... Я трепеталъ... До тѣхъ поръ я еще не смѣлъ любоваться вполнѣ ея красотою....

Гекторъ.

Она сѣла возлѣ тебя!... Какое счастіе!

Эммерикъ.

Она не вымолвила еще ни одного слова, а я уже прочиталъ въ ея взорѣ: «Что съ вами?....» Черезъ нѣсколько минутъ, невольно открылъ я свои страданія и отчаяніе.... Слушая меня, она улыбалась тою ангельскою улыбкою, которая сулитъ помощь и покровительство.... Когда я кончилъ, красавица подозвала къ себѣ, движеніемъ опахала, одного изъ тѣхъ, кто, за минуту передъ тѣмъ, былъ въ числѣ ея ревностныхъ поклонниковъ.

Гекторъ.

Вѣрно какого нибудь герцога, маркиза?

Эммерикъ.

Нѣтъ.

Гекторъ.

Министра Внутреннихъ Дѣлъ?

Эммерикъ.

Просто литература, который перомъ умѣлъ создать себѣ независимость, въ чемъ его безпрестанно упрекали! Въ нашъ вѣкъ, когда всѣ мѣтятъ въ геніи, онъ не имѣлъ въ себѣ ничего геніальнаго; впрочемъ, былъ человѣкъ не глупый, а главное счастливый, потому что, въ продолженіе двадцати лѣтъ, пріобрѣталъ постоянные успѣхи. Вотъ что именно было мнѣ нужно! «Послушайте, сказала ему моя покровительница; вы сей часъ очень мило толковали мнѣ о своей преданности: даю вамъ случай доказать ее на самомъ дѣлѣ. Вотъ молодой композиторъ, вамъ незнакомый.... но я его знаю.... Дайте ему оперу такую, гдѣ бы вы думали не о себѣ, а о немъ.... ему нуженъ успѣхъ.» На другой день, я получилъ поэму, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пріобрѣлъ имя, славу, деньги и пріятную будущность....

Гекторъ.

Превосходно! Я боготворилъ бы такую женщину!

Эммерикъ.

Неужели я поступилъ иначе? Одна мысль овладѣла мною: вездѣ быть съ этою женщиною, на балахъ, въ концертахъ, и, скры-

ваясь въ толпѣ народа, съ упоеніемъ смотрѣть на нее!... Говорятъ, будто любовь воспламеняется въ уединеніи.... Нѣтъ, она могущественнѣе въ свѣтѣ, въ роскошныхъ собраніяхъ, при блескѣ люстръ и нарядовъ, въ тѣхъ великолѣпныхъ гостиныхъ, гдѣ наша повелительница является еще прекраснѣе посреди окружающихъ ее поклонниковъ, гдѣ всѣ страсти раздражены препятствіями и принужденіемъ, гдѣ цѣлый вечеръ проходитъ въ ожиданіи или обмѣнѣ одного взгляда.... Однимъ словомъ..... благородная женщина, гордая своимъ саномъ и славою, молодая, прекрасная, всѣми любимая, предметъ зависти, наконецъ тронулась моею признательностію, моею любовію, быть можетъ, и славою, которую сама создала!.....

Гекторъ.

И ты не причисляешь себя къ счастливѣйшимъ смертнымъ?

Эммерикъ.

Да, я счастливъ....

Гекторъ.

За такое счастіе я отдалъ бы всѣхъ своихъ кліентовъ, и хорошо понимаю, что тебѣ нечего желать.

Эммерикъ.

Твоя правда! Но когда успокоится бредъ, пройдетъ лихорадочное состояніе—разсудокъ начинаетъ освѣщать ослѣпленные глаза. Обольстительное, сладостное положеніе мало по малу выказывается въ настоящемъ видѣ, положеніемъ ложнымъ, страшнымъ, опаснымъ! Проводить жизнь въ вѣчной скрытности и обманѣ, безпрестанно наблюдать за своими поступками, словами, взглядами; не смѣть никому повѣрить своего счастія или страданій, нарушать семейное спокойствіе, обманывать человѣка, который подаетъ вамъ руку и даже награждаетъ дружбою, вотъ ежедневная жизнь такого человѣка, какъ я!.... И если, въ минуты досады, стыда, раскаянія, чувствуешь въ себѣ довольно мужества, чтобы отказаться отъ счастія, источника столькихъ страданій, если подумаешь о жизни, чуждой волненій, жизни, съ которою неразлучны тишина и спокойствіе, первыя потребности художника; если, наконецъ, станешь мечтать о мирномъ, семейномъ кругѣ—благодарность, долгъ запрещаютъ вамъ подобныя мысли... честный, благородный человѣкъ принадлежитъ вполнѣ той, которая всѣмъ для него пожертвовала.... Тутъ только замѣчаемъ мы, что уже не властны располагать будущностію..... и, какъ бы ни были пріятны узы, которыя насъ удерживаютъ или связываютъ, цѣпи изъ цвѣтовъ — все таки цѣпи!

Гекторъ.

Вѣроятно, ты можешь въ чемъ нибудь упрекнуть ее?

Эммерикъ.

Къ несчастію, ни въ чемъ!... Добра, любезна, преданна.... она на все рѣшится для меня.

Гекторъ.

Но въ чемъ нибудь она виновата же?

Эммерикъ.

Виноватъ во всемъ я!... Самая ужасная вина моя, къ которой она, вѣрно, не причастна, и противъ которой нѣтъ ни какихъ средствъ.... я чувствую, что....

Гекторъ.

Не любишь ее!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Не то хотѣлъ я сказать.... Я люблю ее, уважаю, почитаю; желалъ бы найти случай пожертвовать за нее жизнію: тогда бы мы расквитались....

Гекторъ.

Все же это значитъ, что ты не любишь ее.

Эммерикъ.

Я люблю ее меньше, или, вѣрнѣе, люблю иначе, съ тѣхъ поръ, какъ годъ на-

задъ, увидѣлъ, къ своему несчастію, другую....

Гекторъ.

Алину?

Эммерикъ.

Да.... Въ прошедшемъ году, когда Алина, которую я оставилъ ребенкомъ, явилась передо мною, украшенная всѣми прелестями юности; когда я могъ любоваться ея невинностію, ея чистымъ характеромъ, ея дѣтскимъ сердцемъ, я замѣтилъ, что привязанность ея ко мнѣ не измѣнилась, не охладѣла.... Алина видѣла во мнѣ брата, друга, мужа.... (*Съ любовію.*) Я, мужъ Алины!... (*Съ отчаяніемъ.*) А цѣпи, которыхъ я не могу разорвать?...

Гекторъ.

Не можешь?

Эммерикъ.

Потому что не могу быть измѣнникомъ, неблагодарнымъ. Я обязанъ ей всѣмъ; безъ нея я бы не достигъ до цѣли, и за такія благодѣянія, за любовь—отплатить ей низкимъ забвеніемъ.... именно низкимъ, потому что теперь она въ опасности!... Не смотря на величайшую осторожность, которою я старался сопровождать всѣ свои поступки, зависть, ненависть готовы пробудиться; различные слухи уже ходятъ по городу, и даютъ пищу подозрительности; мужъ знаетъ о насмѣшкахъ; онъ сталъ недовѣрчивъ.... Разрывъ откроетъ ему все, потому что въ горести, въ отчаяніи, она не пощадитъ ничего..... Репутація, состояніе, жизнь ея — все погибнетъ?.... Нѣтъ, нѣтъ, судьба моя рѣшена... я не могу поступать иначе; невольно долженъ я на вѣки быть привязаннымъ къ той цѣпи, къ которой жадно стремился, и за которую, можетъ быть, мнѣ еще завидуютъ!...

Гекторъ.

Но если бы можно было найти средство?

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ.*)

Средствъ нѣтъ никакихъ! (*Обращается къ вошедшему слугѣ.*) Что тебѣ надобно? Кто тамъ?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Оливье, Гекторъ.

Оливье (*въ глубинѣ театра*).

Прикажите принять?

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ*).

Я не принимаю; мнѣ некогда.

Оливье.

Такъ вотъ карточка....

Эммерикъ.

Дома нѣтъ, и только! (*Оливье кладетъ карточку на столикъ, который на лѣво, и хочетъ удалиться. Гекторъ идетъ черезъ сцену, а Эммерикъ, подойдя къ Оливье, отдаетъ ему запечатанный въ конвертъ билетъ на ложу, который вынулъ изъ кармана.*) Возьми; неси куда слѣдуетъ....

Оливье.

Слушаю-съ....

Гекторъ (*перешелъ въ это время на лѣвую сторону, и взялъ карточку, брошенную слугою на столикъ*).

Графъ де Сенъ-Жеранъ, Перъ Франціи...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Графъ де Сенъ-Жеранъ? Что это значитъ? Гдѣ же онъ?

Оливье.

Внизу, у вашего дядюшки.

Эммерикъ.

Проси скорѣе!

(*Слуга уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гекторъ, Эммерикъ.

Гекторъ (*все еще держитъ карточку.*)

Сенъ-Жеранъ... Перъ.... не родня ли онъ тому страшному моряку, тому отчаянному дуэлисту, который недавно произведенъ въ Контръ-Адмиралы, и который обыкновенно убиваетъ своего противника?....

Эммерикъ (*холодно*).

Онъ самый.

Гекторъ.

И ты хочешь принять его?

Эммерикъ.

Почему же нѣтъ?

Гекторъ.

Да онъ, вѣрно, ужасный человѣкъ.... ругается, пьетъ.... всегда съ трубкою или саблею!... А я человѣкъ мирный или, вѣрнѣе, приказный, люблю только тѣхъ, которые дерутся.... въ Судѣ.

Эммерикъ.

Ты не любишь моряковъ?

Гекторъ.

Боюсь ихъ, особенно этого....

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гекторъ, Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ.

Оливье.

Оливье (*докладываетъ*).

Контръ-Адмиралъ, Графъ де Сенъ-Жеранъ.

(*Эммерикъ и Гекторъ идутъ къ Графу на встрѣчу.*)

Сенъ-Жеранъ.

Господа! Не безпокойтесь, сдѣлайте милость. Если вы станете церемониться, я уйду....

Эммерикъ.

Помилуйте, Графъ....

Сенъ-Жеранъ.

Вы хотите заставить меня раскаяться, что я пришелъ утромъ.... за просто.... Я былъ у вашего дядюшки, и, не смотря на то, что могъ прервать какое нибудь образцовое произведеніе, хотѣлъ пожать у друга руку.

Эммерикъ.

Благодарю, Графъ....

Сенъ-Жеранъ.

Вотъ невыгодная сторона таланта и знаменитости: надобро сносить восторги и визиты любителей.

Гекторъ.

Вы, Графъ, любитель?

Сенъ-Жеранъ.

Да, абонированъ въ Италіянской Оперѣ! Какъ страстный дилеттантъ, я боготворилъ Италіянскую музыку. (*Обращается къ Эммерику.*) Вы примирили меня съ Французскою музыкою, которой мнѣ давно хотѣлось послушать.... Я терпѣть не могу шума и грома....

Гекторъ.

Вы не любите?.....

Сенъ-Жеранъ.

Готовъ бѣжать на край свѣта. (*Эммерику.*) Я пришелъ напомнить вамъ объ удовольствіи, которое вы обѣщали мнѣ доставить.... быть на первой репетиціи вашей оперы.

Гекторъ (*съ важностію*).

Я также буду на этой репетиціи.

Сенъ-Жеранъ.

Въ такомъ случаѣ, мнѣ готовится двойное наслажденіе.... Я почту за удовольствіе

ствіе сидѣть съ вами рядомъ. Вы, вѣрно, какъ и я, любитель?

Гекторъ.

Нѣтъ, Графъ, я не любитель и не вельможа.

Сенъ-Жеранъ.

Стало быть, еще лучше.... артистъ?

Гекторъ.

Я адвокатъ.

Эммерикъ.

Позвольте, Графъ, рекомендовать вамъ моего лучшаго друга, Гектора Баландара.

Сенъ-Жеранъ.

Адвоката, извѣстнаго честностію и благородствомъ!... Видите, что рекомендація не нужна..... мы уже знакомы... онъ вашъ другъ?

Эммерикъ.

Я поручаю ему всѣ дѣла.

Сенъ-Жеранъ.

Слѣдовательно, я могу поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ въ его присутствіи.

Эммерикъ.

Вы, Графъ, пожаловали ко мнѣ.....

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

На репетицію.... Да, еще по другому дѣлу.... Сядемъ-те.

(*Гекторъ беретъ стулъ и подаетъ его Сенъ-Жерану; Эммерикъ тоже беретъ стулъ, равно какъ и Гекторъ, для себя.*)

Сенъ-Жеранъ (*Гектору, который не садится.*).

Что же вы? садитесь, прошу покорно...

Гекторъ.

Нѣтъ, Графъ.

Сенъ-Жеранъ (*принуждаетъ адвоката сѣсть, и самъ садится.*)

Помилуйте, сдѣлайте одолженіе!...

Гекторъ.

Стою ли я такой чести!... Я имѣю удовольствіе говорить съ Графомъ Сенъ-Жераномъ, Контръ-Адмираломъ?

Сенъ-Жеранъ.

Такъ точно.

Гекторъ.

Съ тѣмъ самымъ, который недавно хотѣлъ вслетѣть на воздухъ съ кораблемъ....

Сенъ-Жеранъ.

Вы не ошиблись....

Гекторъ.

Простите моему невѣжеству.... До сихъ поръ я видѣлъ моряковъ только на сценѣ, и думалъ, что всѣ ихъ разговоры ограничиваются парусами и снастями.

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Можетъ быть, есть и такіе моряки.... Я, впрочемъ, ихъ не знаю!

Гекторъ.

Вѣрно меня обманули на счетъ васъ, какъ и на счетъ трехъ дуэлей....

Сенъ-Жеранъ.

Дуэли другое дѣло. — Разсказы о нихъ, къ несчастію, справедливы.

Гекторъ.

Какъ? вы, человѣкъ ласковый, вѣжливый....

Сенъ-Жеранъ.

Хочу оправдать себя передъ вами, чтобы вы не имѣли обо мнѣ слишкомъ дурнаго мнѣнія... Я всегда былъ человѣкъ тихій, спокойный, приверженный къ порядку, къ тому же я Перъ Франціи и женатъ.... все это, согласенъ, въ наше время подаетъ поводъ къ насмѣшкамъ. Но я человѣкъ странный еще въ другомъ отношеніи: ни надъ кѣмъ не люблю насмѣхаться, и не люблю также....

Гекторъ.

Понимаю.

Сенъ-Жеранъ.

Въ свободное отъ службы время, я, на сякій случай, не забывалъ шпаги и пи-

столета, но послѣ трехъ несчастныхъ случаевъ....

Гекторъ.

Несчастныхъ для вашихъ противниковъ, которые всѣ трое были убиты на повалъ....

Сенъ-Жеранъ.

Да; насмѣшники зимолкли, я примирился съ цѣлымъ свѣтомъ, и возвратился къ своему природному характеру, имѣя полное право быть человѣкомъ честнымъ и мирнымъ.... Теперь вы знаете мое правило.

Гекторъ.

...И не употреблю его во зло, не смотря на то, что оно дѣйствительно.... Однакожъ, вы хотѣли, Графъ, поговорить съ нами о дѣлахъ..... Дѣла — моя сфера!

Эммерикъ.

Признаюсь, я жду съ нетерпѣніемъ.

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Право?... Такъ приступимъ же къ дѣлу. Вы, любезный Эммерикъ, молодой человѣкъ достойный уваженія: люблю васъ за ваше дарованіе... и еще по другимъ причинамъ. Отецъ вашъ, поступившій на службу изъ купеческаго званія, былъ флотскимъ капитаномъ, а я, младшій сынъ благородной Бретанской фамиліи, мичманомъ.... Въ то время, молодые дворяне, служившіе во флотѣ, должны были отличить себя чѣмъ нибудь, чтобы получить чинъ.... Почтенный вашъ батюшка далъ мнѣ случай отличиться... Онъ полюбилъ меня, всегда выставлялъ впередъ, то есть, возлѣ себя, и, въ послѣдній разъ, я имѣлъ честь быть раненымъ тѣмъ самымъ ядромъ, которое его убило на мѣстѣ.....

Эммерикъ.

Графъ!

Сенъ-Жеранъ.

Вы понимаете, что такія дѣла не забываются, и что есть люди, у которыхъ мы вѣчно въ долгу. Если бы вы пошли по слѣдамъ покойнаго родителя, моя дружба могла бы принести вамъ пользу, но и теперь, на другомъ поприщѣ, я не долженъ забывать васъ.... Къ сожалѣнію, я находился въ дальной экспедиціи, когда вы пріѣхали въ Парижъ.... Черезъ годъ, я попалъ на первое представленіе вашей оперы, и хоть я не принадлежу къ числу забіякъ, но горе было бы тому, кто бы не захотѣлъ кричать браво!... По счастію, всѣ мы дѣйствовали согласно... И такъ, не сдѣлавъ ничего для вашей репутаціи и для вашей славы, я рѣшился устроить ваше счастіе, ваше состояніе.... я хочу женить васъ!

Эммерикъ.

Вы, Графъ?

Гекторъ.

Неужели?

Сенъ-Жеранъ.

Такъ точно!... Артистъ долженъ непремѣнно жениться: его внѣшняя жизнь окружена горестями, скукою, жестокими непріятностями, и онъ погибъ бы совершенно, если бы, у себя въ домѣ, не находилъ вознагражденія за всѣ несчастія, не находилъ любви, семейнаго блага. Артисту ежеминутно нуженъ такой другъ, который бы одушевлялъ его бодрость, утѣшалъ въ горѣ, раздѣлялъ съ нимъ торжество, воспламенялъ его, однимъ словомъ—жена!... Сердце его растерзано несправедливою, варварскою критикою; въ свѣтѣ, онъ долженъ прикрывать улыбкою внутреннее бѣшенство, удерживать слезы.... Передъ кѣмъ же осмѣлится онъ плакать?.... Передъ женою, которая будетъ плакать съ нимъ вмѣстѣ.....

Эммерикъ.

Все это справедливо.

Сенъ-Жеранъ.

Не такъ ли?

Эммерикъ.

Но при моемъ невѣрномъ положеніи, безъ обезпеченной будущности.....

Сенъ-Жеранъ.

Я не забылъ этого.... Артисты рѣдко наживаютъ состояніе; имъ надобно давать готовое.... богатую наслѣдницу, которая, устраняя всѣ матеріяльныя заботы, даетъ возможность свободно слѣдовать вдохновенію..... Что бы вы сказали, напримѣръ, о единственной дочери богатаго негоціянта изъ Бордо.... вашего дядюшки....

Гекторъ (*вставая*).

Боже мой!...

Эммерикъ (*такъ же*).

Невозможно!....

Сенъ-Жеранъ (*вставая вскорѣ послѣ нихъ*).

До васъ это не касается.... предоставьте все дѣло мнѣ.... Если бы не было ни какихъ препятствій, если бы все сладилось легко, я не оказалъ бы услуги, а я хочу чѣмъ нибудь услужить.... Алина моя крестница; мнѣ дорого ея счастіе.... Главное, любите ли вы ее?

Эммерикъ.

Я, Графъ?

Гекторъ (*съ живостію*).

Влюбленъ по уши, просто безъ ума отъ своей кузины... Вотъ, сію минуту, мы говорили о ней... Эммерикъ не смѣлъ даже надѣяться получить руку Алины.

Сенъ-Жеранъ.

Но обѣщаете ли вы мнѣ составить ея счастіе, когда она будетъ вашею женою?

Эммерикъ.

Клянусь честію!...

Сенъ-Жеранъ (*беретъ его за руку*).

Хорошо!... (*Холодно.*) Она ваша!

Эммерикъ и Гекторъ (*вскрикиваютъ*).

Какъ?

Сенъ-Жеранъ.

Я отдаю вамъ Алину!....

Эммерикъ.

Вы, Графъ?...

Сенъ-Жеранъ.

Да, и въ придачу сто тысячъ франковъ... Это на первый случай.... послѣ увидимъ....

Гекторъ.

Позвольте, позвольте.... Я, какъ человѣкъ дѣловой, не оканчиваю дѣлъ съ такою поспѣшностію, и прошу объяснить мнѣ все по порядку.

Сенъ-Жеранъ.

Извольте! Я уже сказалъ вамъ, что люблю крестницу почти столько же, какъ и васъ.... Она иногда писала ко мнѣ.... крестница моя пишетъ очень хорошо.... но объ Эммерикѣ ни слова! Я, однако жъ, догадался — вѣроятно и вы, — что Алина къ нему не равнодушна... Не трудно было, впрочемъ, и догадаться: она заболѣла, въ прошедшемъ году, въ тотъ самый день, когда отецъ ея сталъ говорить ей о желаніи своемъ имѣть зятемъ какого-то богатаго Медокскаго помѣщика... Узнавъ, что они пріѣхали въ Парижъ, я тотчасъ же рѣшился приступить къ дѣлу.

Гекторъ (*потирая руки*).

На абордажъ!... (*въ сторону*) До смерти люблю моряковъ!

Эммерикъ.

Что же отвѣчалъ вамъ дядюшка?

Сенъ-Жеранъ.

Что отвѣчалъ?.... Отказалъ наотрѣзъ!

Эммерикъ.

Боже мой!

Сенъ-Жеранъ.

И даже не совсѣмъ учтиво попросилъ меня, стараго друга, кума, не напоминать ему объ этомъ дѣлѣ.

Гекторъ.

Чортъ побери!... Я бы сей часъ ушелъ....

Сенъ-Жеранъ.

А я остался, и вотъ что отвѣчалъ ему: «Любезный кумъ! Помнишь ли ты тотъ

день, когда Англичане захватили твои три корабля съ товарами, когда торговый домъ Клерамбо готовъ былъ объявить себя банкротомъ, когда, наконецъ, одинъ почтенный негоціянтъ заперся въ кабинетѣ, и хотѣлъ размозжить себѣ голову, чтобы не быть свидѣтелемъ своего позора?.... Въ это время, къ нему постучались въ дверь, и сказали, что три его корабля приведены на рейдъ Капитаномъ Сенъ-Жераномъ.... Какъ теперь вижу почтеннаго негоціянта!... Онъ бросился ко мнѣ въ объятія. «Все мое имущество, говорилъ онъ, принадлежитъ вамъ»..... Въ то время я отказался, а теперь прошу удѣлить мнѣ изъ всего имущества драгоцѣннѣйшую частицу.... дочь! Неужели ты откажешь?...

Эммерикъ и Гекторъ.

Что же онъ?

Сенъ-Жеранъ.

Что? Вѣдь я предъявилъ ему старый вексель, по которому надобно же было наконецъ уплатить.... Старые купцы всегда жестоки, но ни за что не измѣнятъ своей подписи.... Клерамбо передалъ мнѣ дочь, и сказалъ: «Изволь! Вотъ уплата!»

Эммерикъ.

Графъ!... Спаситель мой!...

Сенъ-Жеранъ.

Передалъ, однакожъ, съ двумя условіями.... Не пугайтесь.... Первое условіе —купцы, кромѣ денегъ, имѣютъ свою спѣсь, и хотятъ чтобы зять, человѣкъ безъ состоянія, что нибудь да значилъ.... *(Съ живостію)*. Требованіе справедливое, и это наше дѣло! Второе условіе гораздо легче....

Эммерикъ и Гекторъ.

Какое же?

Сенъ-Жеранъ.

«Хоть я и придерживаюсь, сказалъ мнѣ Клерамбо, людей нравственныхъ, однако жъ не простираю своихъ требованій до того, чтобы зять мой былъ образцемъ разсудка и мудрости.... Я даже прощу ему проказы молодыхъ лѣтъ, проказы мимолетные, которые не имѣютъ завтрашняго дня, и проходятъ безвозвратно.»

Гекторъ.

Единственный отецъ!

Сенъ-Жеранъ.

«Но, заботясь о счастіи дочери, не хочу, чтобы зять мой имѣлъ связь дѣйствительную, серіозную, которая бы могла повредить ему въ будущемъ...»

Эммерикъ *(въ сторону)*.

Несчастный!

Сенъ-Жеранъ.

«Вы, другъ его, и будущій зять мой дайте мнѣ слово, что такой опасности нѣтъ, и я соглашусь сію же минуту.»

Эммерикъ.

Что же вы отвѣчали, Графъ?...

Сенъ-Жеранъ *(улыбаясь)*.

Я поклялся, что вы не имѣете ни какой подобной связи.... Вы, кажется, встревожены?...

Эммерикъ *(въ волненіи)*.

Потому что....

Сенъ-Жеранъ.

Продолжайте....

Гекторъ.

Именно.... онъ давно связанъ узами....

Эммерикъ *(съ живостію Сенъ-Жерану)*.

Клянусь, я расторгну ихъ.... Съ нынѣшняго дня, между нами все кончено, и на вѣки....

Гекторъ.

Дѣло! И не трудно!...

Сенъ-Жеранъ *(качая головою)*.

Нѣтъ, молодые люди, не такъ легко, какъ вы думаете....

Эммерикъ.

Но если я рѣшился.

Гекторъ.

Если онъ твердо намѣренъ.

Сенъ-Жеранъ.

Это ничего не значитъ.... Честь семейства или мужа, отчаяніе бѣдной женщины, ея любовь, слезы, собственная ваша слабость, тысячи непредвидѣнныхъ обстоятельствъ ежеминутно скрѣпляютъ звенья этой золотой цѣпи, которая мягка какъ свинецъ, когда ее носишь, и превращается въ желѣзную, когда ее хочешь разорвать... Я испыталъ это на себѣ.... Я любилъ также! Неосторожные друзья, желая уничтожить во мнѣ безумную страсть, предложили мнѣ богатую, знатную партію.... обширныя помѣстья въ нашихъ колоніяхъ, дочь маркиза, а что всего лучше, молодую, прекрасную женщину, которая, въ другое время, могла бы воспламенить во мнѣ истинную любовь.... Противу воли подчинивъ себя игу, и долго борясь съ роковою страстію, я оставался безчувственнымъ къ наслажденіямъ брачнаго союза... Я не обращалъ вниманія на жену, пренебрегалъ ею; но жена моя, по счастію, не знала тайны моей холодности, моего равнодушія...Все это можетъ, однако жъ, случиться.... И такъ, вы видите, что тесть вашъ правъ....

Эммерикъ.

Нѣтъ, вы можете сказать ему, что я свободенъ! Сегодня же, кротостію и разсудкомъ, я надѣюсь убѣдить эту женщину....

Гекторъ (*Сенъ-Жерану, который недовѣрчиво покачиваетъ головою*).

Я въ этомъ порукою.... мы вдвоемъ...

Сенъ-Жеранъ.

Втроемъ!...

Эммерикъ (*оборачиваясь*).

Кто тамъ?

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гекторъ, Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ и Оливье (*который выходитъ изъ задней двери на право, и приближается къ Эммерику*).

Оливье (*въ полголоса*).

Я принесъ, сударь, письмо.

Эммерикъ (*съ живостію*).

Хорошо, хорошо!...

Оливье (*также*).

Отвѣта не нужно.... Васъ ждутъ....

Эммерикъ (*Оливье, который уходитъ*).

Знаю, знаю!...

Сенъ-Жеранъ.

И я знаю....

Гекторъ (*Сенъ-Жерану*).

Письмо отъ извѣстной особы.... Мѣшкать нечего; надобно ѣхать.... не правда ли?

Сенъ-Жеранъ (*беретъ за руку Эммерика, который дрожитъ*).

Вотъ вы и дрожите!... Смѣлѣе!..

Эммерикъ.

Постараюсь!

Гекторъ (*смотритъ на часы*).

А у меня еще есть дѣло въ четвертомъ отдѣленіи,... Надобно отправляться въ Судъ.

Сенъ-Жеранъ.

Не угодно ли, я подвезу васъ.... карета моя здѣсь....

Гекторъ.

Помилуйте, Графъ!.. (*въ сторону*). Карета Пера, Контръ-Адмирала!... Если бы Викторія видѣла, какъ я поѣду....

Сенъ-Жеранъ.

Я давно уважаю васъ, Г. Баландаръ, какъ человѣка и адвоката, и хочу пого-

ворить съ вами о дѣлѣ, собственно своемъ, о значительномъ процессѣ....

Гекторъ.

Готовъ къ вашимъ услугамъ! На всѣхъ парусахъ... иду на непріятеля!

Сенъ-Жеранъ.

И прекрасно!

Гекторъ.

По первой командѣ, или со всѣхъ батарей!

Сенъ-Жеранъ.

Дорогою мы обо всемъ переговоримъ.

Гекторъ (*улыбаясь*).

И такъ, вы хотите взять меня на буксиръ?...

Сенъ-Жеранъ (*беретъ Гектора подъ руку и уводитъ*).

Разумѣется!.. Я поѣду потомъ въ Люксанбурскій Дворецъ, въ Палату Перовъ.

Эммерикъ (*беретъ шляпу*)

А я иду къ ней...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ богатую гостиную Жанъ-Жерменскаго предмѣстя. Въ глубинѣ театра и по бокамъ двери. По обѣимъ сторонамъ столы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луиз *сидитъ на лѣво, у стола, держитъ въ рукахъ вышиванье, но не работаетъ.* Сенъ-Жеранъ *входитъ изъ задней двери.*

Луиза (*оборачивался*).

Какъ рано! А рѣчь, которую вы хотѣли говорить въ Палатѣ Перовъ?...

Сенъ-Жеранъ.

Засѣданіе отложено... Я узналъ о томъ въ Судѣ...

Луиза.

Вы были въ Судѣ?

Сенъ-Жеранъ.

Что же дѣлать, когда связался съ процессами и адвокатами... а у меня есть отличный...

Луиза.

Процессъ?

Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ, адвокатъ.

Луиза.

Все равно!

Сенъ-Жеранъ.

Я объяснилъ ему дорогою дѣло по наслѣдству вашего дядюшки...

Луиза.

Объясненіе довольно трудное!

Сенъ-Жеранъ.

Правда! Онъ, однако жъ, тотчасъ понялъ меня, и лучше нежели я самъ понимаю дѣло... Человѣкъ опытный! Онъ зайдетъ къ намъ изъ Суда, куда я отвезъ его.... Я было хотѣлъ ѣхать въ Люксанбуръ, но встрѣтилъ въ галереѣ Виконта де Боже....

Луиза.

У Виконта тоже процессъ?

Сенъ-Жеранъ.

Да, съ женою о разводной!... Онъ только что выигралъ дѣло.... Виконтъ сказалъ мнѣ, что засѣданіе отложено, и что онъ не услышитъ моей рѣчи.... Для него сегодня радостный день....

Луиза.

А васъ, Графъ, опечалило извѣстіе объ отсрочкѣ засѣданія?...

Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ, нисколько.... потому что застаю васъ на единѣ, а это такъ рѣдко....

Луиза.

И къ тому же прескучно!

Сенъ-Жеранъ (*беретъ стулъ и садится возлѣ Луизы*).

Напротивъ!... Вмѣсто того, чтобы говорить рѣчь, я буду теперь слушать: это гораздо пріятнѣе.

Луиза (*оборачивается къ Графу*).

Знаете ли, Графъ, что вы дѣлаетесь очень милы и любезны!...

Сенъ-Жеранъ.

А знаете ли, Графиня, съ котораго времени?

Луиза.

Я не помню чиселъ...

Сенъ-Жеранъ.

То есть, вы не замѣтили... Кажется, съ тѣхъ поръ, какъ вы стали кокеткою!... Вы удивляетесь?...

Луиза.

Нисколько! По счастію, кокетство всегда влечетъ за собою такія послѣдствія... Въ первые три года замужства, я жила въ совершенномъ уединеніи, никого не видала, тщетно ожидала мужа, который обо мнѣ не думалъ, увлеченный бо́льшими прелестями...

Сенъ-Жеранъ.

Что вы хотите сказать, Графиня?

Луиза (*иронически*).

Прелестями славы! Въ то время, когда я была въ пренебреженіи, забыта, заживо похоронена въ двадцать лѣтъ, никто не нарушалъ молчанія и спокойствія моей могилы... я хотѣла сказать, моего дома... И вы, Графъ, какъ весь свѣтъ, не заботились даже о моемъ существованіи. Но теперь, когда доказано, что я существую, когда свѣтъ ухаживаетъ за мною, когда меня окружаютъ поклонники, когда я рѣшилась обратить на себя вниманіе, не по внутренней наклонности, но единственно отъ утомительнаго бездѣйствія, теперь и вы, Графъ, пробудились отъ шума, который не умолкаетъ вокругъ меня... Отъ нетерпѣнія, или изъ любопытства, вы взглянули на ту, на которую всѣ смотрѣли, и — что жъ это ваша жена!... Встрѣча неожиданная! Для насъ обоихъ она было какимъ-то очарованіемъ, особенно для меня... потому что я не могла оставаться равнодушною къ такой трогательной случайности!

Сенъ-Жеранъ.

Смѣйтесь, Графиня, надо мною!... Вы совершенно правы! Но, могло ли быть иначе?... Всю мою жизнь поглощали помыслы о честолюбіи, славѣ, богатствѣ....

Луиза.

Можетъ быть, и еще о чемъ нибудь?

Сенъ-Жеранъ.

Можетъ быть!... Но время, размышленіе, когда, два года назадъ, я получилъ рану, отъ которой едва не умеръ.... Я былъ вполнѣ увѣренъ въ смерти своей, такъ какъ въ журналахъ даже напечатали заранѣе....

Луиза.

Да, я помню.

Сенъ-Жеранъ.

Тогда же далъ я себѣ обѣтъ, когда нибудь сознаться во всѣхъ своихъ проступкахъ... недостаткахъ... заблужденіяхъ.

Луиза (*улыбаясь*).

Когда нибудь?... Когда впереди будетъ много времени!...

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь.*)

Разумѣется, чтобы можно было поговорить и о вашихъ недостаткахъ....

Луиза.

Стало быть, у меня есть....

Сенъ-Жеранъ (*покачивая головою*).

Кажется....

Луиза (*съ живостію*).

Какіе же именно? Говорите.... (*Видя, что Графъ колеблется*). Назовите хоть одинъ!

Сенъ-Жеранъ.

Вы поставляете меня въ затруднительное положеніе....

Луиза (*съ торжествомъ*).

Вотъ видите!...

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Я не знаю, съ чего начать....

Луиза.

Что это значитъ, Графъ!

Сенъ-Жеранъ.

Во-первыхъ: вы горды.... Впрочемъ, гордость очень идетъ къ вамъ.... и вы имѣете столько правъ на это, что никто не осмѣлится упрекать васъ.... Во-вторыхъ....

Луиза.

Есть еще и во вторыхъ!...

Сенъ-Жеранъ.

Непремѣнно!... Вы легко прощаете обиду... И тутъ не можетъ быть упрека: я, на вашемъ мѣстѣ, поступалъ бы точно такъ же..... Проступки тѣхъ, кого я люблю, быть можетъ, нашли бы во мнѣ судію строгаго, неумолимаго; но если бы я зналъ эти проступки, или подозрѣвалъ въ нихъ, то желалъ бы откровеннаго въ нихъ сознанія.... Откровенность — главное дѣло!... А мнѣ кажется.... и вотъ мой главный упрекъ... что вы иногда не откровенны....

Луиза (*вставая*).

Полноте, сударь, я сейчасъ вамъ хотѣла сказать....

Сенъ-Жеранъ.

Что такое?

Луиза.

То, въ чемъ двадцать разъ я хотѣла вамъ признаться, и даже теперь....

Сенъ-Жеранъ.

Вы не смѣете договорить.... Мнѣ кажется, вы дрожите?....

Луиза.

Ошибаетесь, Графъ!... Но вы не знаете, какую благородную любовь питала я къ вамъ!... Когда мнѣ, восемнадцатилѣтней дѣвицѣ, предложили жениха безъ состоянія, вдвое старше меня, всѣ думали, что я откажусь.... А я согласилась, потому что женихъ мой былъ человѣкъ съ достоинствами, съ душею, вся жизнь котораго мнѣ была извѣстна.... Да, Графъ, я, лучше нежели вы сами, могла бы исчислить всѣ сраженія, въ которыхъ вы участвовали, всѣ ваши подвиги, ваши раны.... Я почитала себя счастливою, что могу обогатить того, кто приносилъ мнѣ славу... я гордилась вами, гордилась вашимъ именемъ, а въ мои лѣта, такое чувство легко могло бы превратиться въ любовь. Вамъ стоило небольшаго труда пріобрѣсти сердце, которое стремилось къ вашему сердцу.... но вы не хотѣли... Не знаю, что тогда поставило между нами преграду....

Сенъ-Жеранъ (*въ смущеніи*).

И до сихъ поръ вы никогда не жаловались мнѣ!...

Луиза.

Помилуйте! Что въ жалобахъ, упрекахъ, ревности?... Вы сами признаете во мнѣ нѣкоторую гордость.... Я молчала.... Самолюбіе, гордость, въ которой вы меня сей часъ упрекали, ободряли меня къ борьбѣ и побѣдѣ; а когда, въ послѣдствіи, вы обратили на меня вниманіе, новое, сильнѣйшее препятствіе разлучало насъ: воспоминаніе о прошедшемъ и мое равнодушіе.... Теперь, можете ли еще обвинять меня въ недостаткѣ откровенности?...

Сенъ-Жеранъ (*откровенно*).

Нѣтъ, Графиня. Вы правы, и вашъ разсказъ не только не лишилъ меня надежды и мужества, но, напротивъ того, утвердилъ во мнѣ одно желаніе.... загладить прежніе проступки, и заботливостію, любовію, ежеминутнымъ самоотверженіемъ, снова пріобрѣсти сердце, котораго я ли-

шился... или, покрайней мѣрѣ, попытаться въ томъ. Этого вы не можете запретить мнѣ....

Луиза.

Конечно, не могу.

Сенъ-Жеранъ.

Я, хоть и мужъ вашъ, но могу, какъ и всѣ, стараться нравиться вамъ..... Оно гораздо труднѣе, слѣдовательно, и принесетъ мнѣ больше чести.... Къ несчастію, теперь у меня нѣтъ ни времени, ни случая: черезъ нѣсколько дней, я долженъ, по порученію начальства, выйти въ море, къ Антильскимъ Островамъ.

Луиза (*съ живостію*).

Вы уѣзжаете?

Сенъ-Жеранъ.

И нахожу прекрасный случай познакомиться съ вашими помѣстьями на Мартиникѣ, гдѣ васъ давно ожидаютъ, и гдѣ, по дѣлу о наслѣдствѣ, можетъ быть, потребуется ваше присутствіе. Я не говорю вамъ объ удовольствіи видѣть васъ на моемъ кораблѣ, на которомъ вы повелѣвали бы неограниченно.... Чтобы рѣшиться на такое путешествіе, должно бы любить... а вы, Графиня....

Луиза.

Я.... не люблю моря... вы это знаете!

Сенъ-Жеранъ.

Благодаренъ и за такой отвѣтъ!... Но, нѣтъ ли другой причины, которая бы васъ удерживала въ Парижѣ?...

Луиза (*встревожена*).

Что вы хотите сказать?

Сенъ-Жеранъ.

Простите и меня за мою откровенность.... Желаніе нравиться и блистать, въ чемъ вы даже не запираетесь, влечетъ за вами толпу поклонниковъ, которыхъ вы отъ себя не удаляете. Я знаю васъ, Луиза, и никогда дѣйствительное подозрѣніе не западало въ мою душу... Но ваша молодость, мои частыя отлучки, ваше положеніе, успѣхи въ свѣтѣ, могли пробудить зависть или оскорбить людское тщеславіе!.... Какъ легко пустому франту запятнать имя чистѣйшей женщины!.... Мнѣ показалось, что двѣ или три старухи уже обращались ко мнѣ съ намеками и съ насмѣшками... я началъ наблюдать, и мнѣ показалось....

Луиза.

Что такое?...

Сенъ-Жеранъ.

Вы встревожены?

Луиза.

Не встревожена, но мнѣ хочется знать..

Сенъ-Жеранъ.

Что я замѣтилъ!... Мнѣ показалось, что вашъ двоюродный братецъ, Виконтъ де Ланжакъ....

Луиза (*смѣется*).

Виконтъ де Ланжакъ!...

Сенъ-Жеранъ.

Этотъ франтъ Среднихъ Вѣковъ, который стыдится нашего столѣтія, и за котораго краснѣетъ наше столѣтіе, этотъ конюхъ-дворянинъ, который гоняется на Марсовомъ Полѣ изъ-за пустяковъ....

Луиза (*смѣется*).

И выигрываетъ на всѣхъ скачкахъ..

Сенъ-Жеранъ.

Вы должны сознаться, что онъ всюду слѣдуетъ, за вами открыто волочится.... И еще вчера....

Луиза.

Правда!... но я не могу ему запретить любить меня....

Сенъ-Жеранъ.

А я могу запретить ему вамъ о томъ говорить, признаваться въ любви.... и если онъ осмѣлится....

Луиза.

Что же вы сдѣлаете?

Сенъ-Жеранъ (*хладнокровно*).

Что сдѣлаю?... Лишу его возможности волочиться за кѣмъ бы то не было!

Луиза (*холодно*).

Пойдите!

Сенъ-Жеранъ (*холодно*).

Честное слово!

Луиза.

Не можетъ быть?...

Сенъ-Жеранъ.

Онъ глупый мальчишка!

Луиза (*смѣется*).

За это нельзя же убивать людей!... Вамъ пришлось бы тогда вѣчно держать въ рукѣ шпагу!... Для вашей же пользы, прошу васъ...

Сенъ-Жеранъ.

Такъ и быть.... изъ угожденія вамъ.... Но и я, съ своей стороны, попрошу у васъ услуги....

Луиза (*съ живостію*).

Съ большимъ удовольствіемъ, если могу...

Сенъ-Жеранъ.

Я долженъ поговорить съ вами о сынѣ стараго моего друга, Эммерикѣ д'Альбре, молодомъ человѣкѣ съ величайшимм дарованіями, котораго люблю, и котораго, можетъ быть именно по этому, не любите вы.

Луиза.

Помилуйге!

Сенъ-Жеранъ.

По крайней мѣрѣ, не смотря на всѣ мои старанія, онъ бываетъ у насъ рѣдко... на его мѣстѣ, я поступалъ бы точно такъ же.... вы его принимаете ужасно холодно... Конечно это сообразно съ свѣтскими правилами, но не такъ должно принимать артиста: они дорожатъ не вечерами, не пышными обѣдами, но открытымъ, радушнымъ пріемомъ... Впрочемъ, съ Эммерикомъ я не считаюсь визитами: когда онъ не навѣщаетъ меня, я самъ отправляюсь къ нему... Я только что былъ у него.

Луиза.

Вы?...

Сенъ-Жеранъ.

У него-то я и встрѣтилъ образцоваго адвоката, удивительнаго практика, о которомъ я вамъ говорилъ... Гектора Баландара...

Луиза (*въ волненіи*).

Баландара.

Сенъ-Жеранъ.

Вы его знаете?

Луиза.

Нисколько... но я читала его фамилію...

Сенъ-Жеранъ.

Вѣрно, въ журналахъ, въ аукціонныхъ продажахъ. Мы съ Баландаромъ придумали для друга нашего, Эммерика, отличное дѣло... Я разскажу вамъ, когда оно будетъ рѣшено... оно еще не кончено, а до тѣхъ поръ лучше молчать... Между тѣмъ, д'Альбре написалъ оперу, которая ставитъ его въ главѣ Французской Школы, и отечество должно вознаградить его...

Луиза.

Такъ что жъ?

Сенъ-Жеранъ.

Я могъ бы ходатайствовать за него у Министра, вашего дяди, но при сужденіи о послѣднемъ проектѣ закона, я говорилъ....

Луиза.

Противъ него.

Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ, за него... и мое ходатайство походило бы на просьбу, тогда какъ вы, племянница его...

Луиза.

Вы хотите, чтобы я...

Сенъ-Жеранъ.

Для меня было бы это гораздо пріятнѣе; но если вамъ не угодно...

Луиза.

Мнѣ, ничего... и для васъ, Графъ?...

Слуга (*докладываетъ*).

Г. Эммерикъ д'Альбре.

Сенъ-Жеранъ.

Проси!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Луиза, Эммерикъ, Сенъ-Жеранъ.

Эммерикъ (*почтительно подходитъ къ Луизѣ, и кланяется*).

Ваша здоровье, Графиня?

Луиза (*отдаетъ поклонъ, и отвѣчаетъ холодно*).

Покорно Благодарю... (*Садится на лѣво за пяльцы*). Вамъ нужно говорить съ Графомъ о дѣлахъ... я вамъ не помѣшаю...

Сенъ-Жеранъ (*отводитъ Эммерика на право, и говоритъ ему въ полголоса*).

Вѣрно, вамъ есть что поразсказать мнѣ... Вы отъ нея?

Эммерикъ (*встревоженный*).

То есть...

Сенъ-Жеранъ.

А обѣщаніе-то ваше?

Эммерикъ.

Я исполнилъ его... и, признаюсь, не безъ труда.... Но говорить не могъ ни о чемъ... Я засталъ тамъ неожиданныхъ гостей.

Сенъ-Жеранъ (*смѣется*).

И обрадовались тому.

Эммерикъ (*простодушно*).

Конечно! Все, что можетъ замедлить такое объясненіе...

Сенъ-Жеранъ.

Видите ли, что говорилъ я вамъ?.... Не всегда можно расторгнуть такую связь...

Эммерикъ.

Клянусь вамъ, что исполню обѣщаніе.

Сенъ-Жеранъ.

Такъ надобно воротиться, объяснить все дѣло... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Эммерикъ.

Ваша правда!

Сенъ-Жеранъ.

Прекрасно. Мы еще увидимся сегодня, когда все будетъ кончено?...

Эммерикъ.

По позже, вечеркомъ... надѣюсь...

Сенъ-Жеранъ.

Я жду друга вашего, Баландара: онъ обѣщалъ зайти ко мнѣ послѣ присутствія.... Надобно приготовить всѣ бумаги по процессу... Вы позволите?...

Эммерикъ (*кланяется*).

Помилуйте, Графъ!...

Сенъ-Жеранъ (*подаетъ ему руку*).

И такъ, до скораго свиданія!...

(*Уходитъ въ заднюю дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Луиза, Эммерикъ.

Эммерикъ (*послѣ нѣкотораго раздумья, подходитъ къ Луизѣ, которая все еще занимается вышиваньемъ.*)

Вы получили, Графиня, билетъ на ложу въ оперу, который я имѣлъ честь послать къ вамъ?

Луиза (*улыбаясь*).

Да.... я имѣла эту честь.... прелест-

пѣйшая ложа.... въ бель-этажѣ, между колоннами.... та самая, которую я желала имѣть..... Сколько хлопотъ причинила я вамъ... какая же я эгоистка.... я думала только о себѣ самой.... объ удовольствіи провести цѣлый вечеръ.... съ вами и подлѣ васъ.

Эммерикъ (*съ замѣшательствомъ*).

Конечно.... но вокругъ васъ всегда бываетъ столько...

Луиза (*весело и вставая*).

Мы будемъ не на единѣ, что дѣлать и мнѣ едва удастся взглянуть на васъ, едва удастся сказать вамъ нѣсколько словъ, но я буду знать, что вы близъ меня, позади моего кресла.... (*Съ живостію.*) Не безпокойтесь: я не обернусь.... но если бы мнѣ вздумалось.... отъ меня бы зависѣло, и это очень много.... А удовольствіе блистать въ вашихъ глазахъ..... Я буду прекрасна, и всѣ будутъ смотрѣть на меня. (*Съ живостію*) Я на это не буду обращать вниманія, увѣряю васъ, но вы, надѣюсь, замѣтите это.... А спектакль, каковъ бы онъ ни былъ, покажется мнѣ — заранѣе даю вамъ слово — восхитительнымъ!

Эммерикъ.

Право, не знаю какъ сказать вамъ....

Луиза.

Что такое?

Эммерикъ.

Что я не могу ѣхать завтра.... вмѣстѣ съ вами въ театрѣ.

Луиза.

Боже мой, уже не горе ли? не случилось съ вами какого нибудь несчастія?... Быть не можетъ! Васъ вѣрно задрживаютъ дѣла... тѣ самыя, о которыхъ мнѣ только что говорили... Да? Если такъ, займитесь ими... займитесь непремѣнно; я не поѣду въ театръ.... найду предлогъ... откажусь отъ этого удовольствія... Да и что за удовольствіе для меня, если не будетъ васъ!... Но вѣдь дѣла не помѣшаютъ вамъ у насъ сегодня обѣдать и провести вечеръ?... И такъ, прошу васъ?

Эммерикъ.

Меня!....

Луиза.

Да, я могу.... я имѣю право пригласить васъ... Меня уже упрекали за то, что я никогда не приглашаю васъ..... Но я все не смѣла.... не могла рѣшиться... у меня столько причинъ....

Эммерикъ.

Знаю....

Луиза.

Столько причинъ страшиться.... всѣ наблюдаютъ за нами, и какъ будто, угадываютъ.... ревность соперниковъ начинаютъ пробуждаться....

Эммерикъ (*съ живостію.*)

Да, точно.....

Луиза.

Есть и другія гораздо бо́льшія опасности, другіе упреки, другія страданія... мои собственныя.... Я вамъ не говорю о нихъ! Но черезъ нѣсколько дней все измѣнится къ лучшему: мы будемъ свободны, спокойны... потому что *онъ* уѣзжаетъ... *онъ* самъ сказывалъ мнѣ объ этомъ. — (*Съ живостію.*) Вы и не знаете, что меня хотѣли везти съ собою! Мнѣ!... покинуть Парижъ!... покинуть васъ!... Никогда!...

Эммерикъ (*въ сторону*).

Боже!

Луиза.

Впрочемъ, сегодня за обѣдомъ, или вечеромъ, вамъ, навѣрное, скажутъ о томъ.

Эммерикъ.

Нѣтъ, Луиза..... Я къ вамъ не пріѣду.

Луиза (*съ удивленіемъ*).

Какъ? Ни сегодня, ни завтра?

Эммерикъ.

Ни завтра.

Луиза.

Такъ когда же, мой другъ, когда же?

Эммерикъ.

Никогда! Я не долженъ васъ видѣть!...

Луиза.

Невозможно!... Я ослышалась; вы ли это сказали!

Эммерикъ.

Нѣтъ.... это голосъ сильнѣе моего.... голосъ чести и благодарности. Для меня, есть въ жизни страданія тяжелѣе самыхъ угрызеній совѣсти!... благодѣянія, противъ которыхъ я борюсь тщетно! дружба, которая тяготѣетъ надо мною и подавляетъ меня!.... Дружба вашего мужа!... Я ему слишкомъ много обязанъ!

Луиза.

А мнѣ, сударь, мнѣ, развѣ вы не обязаны ни чѣмъ?... Развѣ вы думаете, что упреки, подобные вашимъ, въ первый разъ доходятъ до души моей?.. Развѣ вы думаете, что мнѣ не такъ же тяжелы какъ вамъ, измѣна и притворство? Знайте же, что за минуту до вашего прихода, тронувшись его откровенностью, его благороднымъ сердцемъ, я хотѣла признаться ему во всемъ!!...

Эммерикъ.

Боже!

Луиза.

Я подумала о васъ и остановилась... Да, сударь, мнѣ стало страшно за васъ.... за васъ однихъ! Себя я бы спасла: я спросила бы у него, не имѣю ли я права отмстить ему за то, что онъ мною пожертвовалъ, пожертвовалъ почти тотчасъ послѣ свадьбы, — для другой..... Безмолвно перенесла я это оскорбленіе... У меня есть письма.... я берегу ихъ... Это моя защита, мое оправданіе— если еще есть для меня въ свѣтѣ оправданіе!

Эммерикъ.

Полно-те, Графиня!

Луиза.

Нѣтъ... нѣтъ... я не обманываю себя!... Быть можетъ, я не преступна въ его глазахъ, но преступна сама предъ собою; вы знаете, однако жъ, какъ я долго противилась склонности, которая увлекала меня. Я даже восторжествовала бы надъ ней, если бъ меня не обмануло роковое извѣстіе.... Я сочла себя свободною! Но тогда, не смотря на разстояніе, которое, по мнѣнію свѣта, находилось между вами и мной, я предложила вамъ мое состояніе, мою руку, я васъ любила; и когда извѣстіе объ этой смерти, разнесшееся ложно.... наконецъ были опровергнуто.... любовь, которую я считала благородною и законною, превратилось въ вѣроломство.... я была преступна.... не имѣла права васъ любить.... когда именно полюбила васъ еще пламеннѣе прежняго.... полюбила навсегда!...

Эммерикъ.

О, не васъ, а мевя должно обвинять: преступенъ я одинъ!

Луиза.

Тѣмъ съ большею радостію прощу я васъ!... и ежели нѣтъ другихъ причинъ.

Эммерикъ.

Есть..... онѣ касаются собственно до меня... зависятъ отъ меня самого.... отъ моей воли....

Луиза.

Такъ вы покидате меня добровольно?... Невозможно!... Вы обманываете меня!..., Вы отворачиваетесь.... Боже мой! Неужели онъ можетъ ревновать къ Ланжаку!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ланжакъ!

Луиза (*радостно*).

Ревнивъ!.... Онъ ревнивъ!... Прекрасно!

Я этого не ожидала, и страшилась, что вы вовсе не ревнивы; какъ же я ошиблась.... А еще сегодня, утромъ, думала я: онъ даже не замѣтилъ.... между тѣмъ, какъ другой.... Признаюсь съ нѣкотораго времени, я замѣчала, что вы холодны ко мнѣ.... равнодушны..,. по крайней мѣрѣ, я страшилась этого.... вѣдь когда любишь, боишься всего! И вотъ я, чтобы помучить васъ, чтобы заставить васъ ревновать, начала кокетничать съ досады, или лучше сказать изъ любви..... Конечно, это дурно.... Сознаюсь въ томъ, каюсь.... Но я наказана за это и только вчера замѣтила всю вину свою: этотъ фанфаронъ, котораго одобряла я только молчаніемъ, осмѣлиться, помогая мнѣ садиться въ карету, подать мнѣ записочку.

Эммерикъ (*гнѣвно*).

Возможно ли?

Луиза (*съ живостію*).

Я бросила бы ее передъ нимъ же.... разорвала бы ее въ глазахъ его, если бъ не былъ тутъ же Г. де Сенъ-Жерана.... Вѣдь вы знаете его: Виконтъ погибъ бы.... и, противу воли, я была принуждена....

Эммерикъ.

Вы сохранили эту записку?

Луиза.

Да, чтобы отдать ее вамъ.... чтобы показать вамъ.... она тамъ, въ моемъ бюро.... вы увидите сами....

Эммерикъ.

Не безпокойтесь.... сударыня!

Луиза (*съ живостію*).

И притомъ я еще забыла — признаюсь вамъ во всемъ — забыла, что вчера вечеромъ Виконтъ умолялъ меня позволить ему быть въ моей ложѣ.

Эммерикъ.

Вы позволили ему?

Луиза (*нѣжно.*)

Нѣтъ, отказала.... въ душѣ моей была надежда, что вы будете.... что я проведу этотъ вечеръ съ вами.—Теперь, когда я такъ покорно и съ такимъ раскаяніемъ созналась вамъ во всемъ,— скажите,— неужели не разсѣется и вашъ страшный гнѣвъ? Неужели не заслуживаетъ снисхожденія это мѣсто, которое я отстояла для васъ съ такимъ трудомъ?

Эммерикъ (*въ волненіи*).

Луиза!

Луиза (*ласково*).

Вы пріѣдете, не правда ли?....Зачѣмъ же еще отказываться?...

Эммерикъ.

За тѣмъ, что я долженъ.... за тѣмъ, что противъ моей воли.... я едва не забылъ принятаго много рѣшенія... и что...

Луиза (*сурово*).

И что... досада или самолюбіе не позволяютъ вамъ уступить..... Стыдно, сударь.... очень стыдно! Передъ тѣмъ, кого любишь, не должно ни гордиться, ни быть тщеславнымъ. — Вамъ не угодно было исполнить просьбъ моихъ, такъ я стану приказывать: вы завтра будете у меня въ ложѣ, въ оперѣ, если вы любите меня.... если жъ вы не пріѣдете—мы не увидимся никогда!

(*Она уходитъ въ ту двери, которыя налѣво.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эммерикъ (*одинъ*).

Нѣтъ!... нѣтъ!... У меня никогда не достанетъ на это силъ! И покамѣстъ я буду видѣть ее... покамѣстъ буду слышать звукъ ея голоса, чтобъ ни говорили, у меня не достанетъ силъ сказать ей, что я вѣроломенъ и неблагодаренъ. (*Онъ кладетъ шляпу на столъ, находящійся на лѣвой сторонѣ сцены.*) Если у меня не достаетъ смѣлости все высказать, надобно, по крайней мѣрѣ, удалиться въ безмолвіи.... Такъ какъ она сама предлагаетъ мнѣ средство къ разрыву.... я вос-

пользуюсь имъ... и завтра не поѣду.... нѣтъ, не поѣду въ оперу! Клянусь, что не поѣду!... Она поймете меня, и все кончится безъ шума, безъ объясненій!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Гекторъ (*входитъ въ среднюю дверь.*)

Эммерикъ.

А, это ты?

Гекторъ.

Да, мой другъ, я: совѣтникъ и повѣренный Г. де Сенъ-Жерана.... кліентъ чудесный, котораго ты доставилъ мнѣ!... Я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы потолковать съ нимъ о процессѣ... Который, просто, стоялъ въ дрейфѣ; но, при моей помощи,... мы выберемся въ открытое море и будемъ такъ лавировать....

Эммерикъ.

Однако, берегись.... тебя можно принять за моряка!

Гекторъ.

Твоя правда! но я всегда совершенно *сроднюсь* съ моими кліентами.... А ты зачѣмъ здѣсь? Тоже по тому дѣлу..... по твоему?

Эммерикъ.

Да.

Гекторъ (*съ живостію и въ полголоса*).

Разсказывай же.... ты былъ у нея?

Эммерикъ.

Да.... я только что пріѣхалъ съ другаго конца Парижа.

Гекторъ.

Ну?

Эммерикъ.

Все кончено..... то есть расторгнуто.... или, по крайней мѣрѣ, можно сказать...

Гекторъ.

Славно! А Сенъ-Жеранъ увѣрялъ, что никакъ отъ этого не отвяжешься. Поздравляю и тебя и себя.

Эммерикъ.

Это почему?

Гекторъ.

Потому.... что чуть не попался въ просакъ еще разъ!.... Утромъ, я еще не зналъ о послѣдствіяхъ дружбы съ тобою!... такая дружба черезъ чуръ опасна.... Кстати: я только что былъ у твоего дядюшки... онъ тебя ждетъ.

Эммерикъ.

Знаю. Я обѣщалъ выѣхать съ нимъ и съ Алиною.

Гекторъ.

Но угадай, кого встрѣтилъ я у него?.. съ кѣмъ разговаривала дочь его?... съ Викторіей Жиро!

Эммерикъ.

Твоей невѣстой?

Гекторъ.

Она знакома съ его дочерью..... Г. Жиро торгуетъ винами и при ежегодной покупкѣ Медока и Сентъ-Эмиліона, часто возилъ съ собою въ Бордо свою дочь, къ дядѣ твоему Клерамбо, своему корреспонденту... тамъ онѣ и подружились.

Эммерикъ.

Такъ чтожъ въ томъ за бѣда?

Гекторъ.

Какъ, ты не догадываешься? Алина разсказала ей вѣрно все?... Всѣ молоденькія дѣвушки страхъ какъ болтливы! Она разсказала ей о моей небывалой побѣдѣ, которую ты приписалъ мнѣ... о письмѣ... о страсти... которымъ я, между тѣмъ, служу только прикрытіемъ...

Эммерикъ (*стараясь успокоить его*).

Можетъ быть, другъ мой!....

Гекторъ.

Тутъ нѣтъ ни какого: можетъ быть!... Я увѣренъ въ томъ, потому, что когда я выходилъ изъ кабинета твоего дяди, Викторія сказала мнѣ: «Такъ вотъ какъ, Г. Гекторъ Баландаръ нынѣ изволитъ плѣнять знатныхъ дамъ.... переписываетс

съ графинями, съ баронессами.» Видишь ли, что ты надѣлалъ!.... Я началъ было отнѣкиваться, не выдавая тебя, но такъ не ловко, что слова мои сочли за скромность.... Право, теперь намъ не повѣрятъ, хоть бы мы сказали сущую истину.

Эммерикъ.

Такъ чтожъ: не будемъ ничего говорить.

Гекторъ.

Ничего не говорить!... А свадьба-то моя? Вѣдь она разстроится!... я погибъ!...

Эммерикъ.

Дай мнѣ только нѣсколько дней сроку, и я оправдаю тебя передъ Жиро; я представлю такія доказательства, которымъ нельзя будетъ не повѣрить!...

Гекторъ.

Сдѣлай милость!.... У Викторіи чудесные, черные глаза.... какъ у настоящей Испанки, хоть она и родилась въ Берси.... Сверхъ того у нея двѣсти тысячъ франковъ приданаго.... и когда влюбленъ....

Эммерикъ (*улыбаясь*).

Въ приданое?

Гекторъ.

Совсѣмъ нѣтъ!... Но все это до такой степени сливается, что я былъ бы въ отчаяніи отдѣлить одно отъ другаго... въ моемъ сердцѣ! Признаюсь, любезнѣйшій, хорошо, что ты все кончилъ, скажу тебя откровенно.... о твоей связи начали уже поговаривать....

Эммерикъ.

Почему ты это знаешь?

Гекторъ.

Я только что слышалъ о томъ, самъ не зная ничего!...

Эммерикъ.

Гдѣ?

Гекторъ.

Совсѣмъ не въ таинственномъ мѣстѣ, а просто у Тортони, въ кофейнѣ.... Я зашелъ туда отъ твоего дядюшки... это насупротивъ его квартиры. Тамъ завтракали трое молодыхъ людей, громко разговаривая.... Одинъ изъ нихъ произнесъ твое имя.... Онъ былъ высокій съ бѣлокурою бородою, въ видѣ опрокинутой пирамиды.... фигура самая Вертеровская, длинная, задумчивая, блѣдная.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Виконтъ де Ланжакъ.

Гекторъ (*продолжая*).

«Да, сказалъ ему сосѣдъ его, я подозрѣваю, что молодой композиторъ счастливѣе тебя!... «Пари держу, что завтра онъ займетъ въ ея ложѣ, то мѣсто, въ которомъ она отказала тебѣ....» —Я не допущу его!—«А какимъ образомъ? позвольте васъ спросить?» —Графиня моя родственница я имѣю право пещись о ея репутаціи, и если мужъ ея не видитъ ничего... я воспротивлюсь этому.... напишу Эммерику, что запрещаю ему быть завтра въ ея ложѣ.» — Вотъ еще! — «Напишу ему... вы свидѣтели.... и, божусь, онъ не поѣдетъ, или.....»

Эммерикъ.

Какая дерзость!

Гекторъ.

Да тебѣ что за дѣло до этого? Вѣдь ты ее больше ужъ не увидишь, между вами все кончено!

Эммерикъ.

Теперь не можетъ быть кончено ничего!

Гекторъ.

Отчего же?

Эммерикъ.

Оттого, что еще за минуту, у нее.... эта проклятая ложа!... знаешь...-

Гекторъ.

Какъ-же: между колоннами, десятый нумеръ; я не забылъ.

Эммерикъ.

Она предложила мнѣ мѣсто въ этой ложѣ, и сказала: Вы будете завтра, или мы разстанемся навсегда!.... Я рѣшился было не ѣхать.

Гекторъ.

Превосходно!

Эммерикъ.

Но теперь, послѣ того, что ты сказалъ мнѣ.... дѣло идетъ о моей чести, и меня ничто не остановитъ!

Гекторъ.

Помилуй! что съ тобою? Положимъ, что я не сказалъ тебѣ ничего....

Эммерикъ.

А дерзкое письмо его, которое я, безъ сомнѣнія, найду у себя дома?... Онъ можетъ подумать, что я со страха слушаюсь его!... Нѣтъ, нѣтъ!... поѣду!

Гекторъ.

Не поѣдешь!

Эммерикъ.

Говорю тебѣ, что поѣду!

Гекторъ.

Говорю тебѣ, что нѣтъ!... А, Графъ! (*Идетъ къ нему на встрѣчу.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эммерикъ, Гекторъ, Г. де Сенъ-Жеранъ (*онъ входитъ съ лѣвой стороны, съ бумагами въ рукѣ, и кладетъ на столъ, стоящій на лѣвой же сторонѣ.*)

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что здѣсь такое между вами, господа?

Гекторъ.

Будьте нашимъ судьею, Графъ.

Эммерикъ (*въ сторону, съ ужасомъ*).

Боже мой!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я принесъ вамъ бумаги по нашему дѣлу.

Гекторъ.

А я намѣренъ предложить на ваше разрѣшеніе другое дѣло.....

Эммерикъ.

Гекторъ, умоляю тебя!.....

Гекторъ.

Вотъ еще!.... Зачѣмъ же ты не слушаешься.... Надо же, чтобъ люди разсудительные руководили вами....

Г. де Сенъ Жеранъ.

Правда. Въ чемъ же дѣло?

Эммерикъ.

Нѣтъ, не смѣй сказать ни слова!

Гекторъ.

Я адвокатъ, мой другъ, и буду говорить; изложу обстоятельства дѣла, а судъ (*указывая на Сенъ-Жерана*), произнесетъ приговоръ. Онъ, (*указывая на Эммерика*) пріѣхалъ съ другаго конца Парижа.... отъ нея... онъ вѣдь намъ обѣщалъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Такъ вы ѣздили туда опять?... Прекрасно!

Гекторъ.

Да, прекрасно... Онъ, знаете ли, все кончилъ...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Превосходно!

Гекторъ.

Конечно, но вотъ что не превосходно... по неожиданному случаю....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Не говорилъ ли я вамъ? Такіе случаи встрѣчаются всегда именно въ ту минуту, когда думаешь, что все кончено.

Гекторъ.

Пустое хватовство!.... Ложа на завтрашній спектакль въ Операѣ.

Эммерикъ.

Гекторъ, ради Бога!

Гекторъ.

Сердись сколько хочешь.

Эммерикъ (*съ гнѣвомъ*).

Я и разсержусь.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*становясь между ними*).

Но нельзя ли, друзья мои, уладить какъ нибудь это важное дѣло.... и если я могу помочь....

Гекторъ.

Этого-то и желаю я только.... лишь только вы примете участіе, все уладится.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Мы погибли!

Гекторъ.

Ему, видите, сказали: если вы завтра не будете у меня въ ложѣ, мы разстанемся навсегда!....

Эммерикъ (*съ гнѣвомъ*).

Гекторъ!....

Гекторъ.

Это его собственныя слова.... Ты самъ такъ сказалъ мнѣ.... и все было между ними кончено, какъ вдругъ какой-то дерзкій соперникъ запрещаетъ Эммерику ѣхать въ театръ. Эммерикъ сначала рѣшился не быть въ театрѣ, а теперь говоритъ....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что будетъ?

Гекторъ.

Согласитесь, что это нелѣпо!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нисколько; очень натурально!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Не правда ли, Графъ?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я поступилъ бы точно такъ же....

Гекторъ (*въ изумленіи*).

Я васъ больше не понимаю!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что тутъ непонятнаго?о.... и если вы хотите положиться на мое рѣшеніе....

Гекторъ и Эммерикъ.

Охотно!

Г. де Сенъ-Жеранъ (*съ важностію*).

Такъ какъ Эммерикъ рѣшился на всегда разстаться съ этою женщиною, онъ уже не долженъ ее видѣть.

Гекторъ.

Браво!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Не долженъ и являться въ ея ложѣ.

Гекторъ.

Славно обсужено!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Пусть пріѣдетъ въ ложу ко мнѣ.... У насъ есть своя....

Эммерикъ (*въ изумленіи*).

Графъ!....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Съ будущимъ тестемъ своимъ и невѣстою, которыхъ я самъ приглашу....

Эммерикъ.

Позвольте!...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Въ глазахъ того, кто угрожалъ ему!... Вы укажете мнѣ его.... и въ антрактѣ я васъ возьму подъ руку, мы подойдемъ къ нему, и я скажу ему, въ присутствіи всѣхъ которые будутъ подлѣ него, что я пригласилъ въ мою ложу васъ и вашу *невѣсту*, что вы сначала не соглашались принять моего приглашенія... И если тогда покажется на лицѣ его хоть самая легкая улыбка или сомнѣніе, я позволю вамъ требовать у него удовлетворенія... даже буду вашимъ секундантомъ.

Гекторъ.

Боже!

Г. Сенъ-Жеранъ.

Должно знать, друзья мои, что послѣ разрыва почти всегда выходишь на дуэль, или случается что нибудь въ этомъ родѣ...

Эммерикъ.

Знаю, Графъ, готовъ и даже желаю этого... Я буду въ вашей ложѣ, непремѣнно!

Гекторъ.

И прекрасно! А между тѣмъ, ты можешь возвратиться къ твоему дядюшкѣ, который нетерпѣливо ждетъ тебя, и передать ему приглашеніе Графа.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Конечно! Только ступайте поскорѣй; а мы, покамѣстъ, поговоримъ о нашемъ дѣлѣ. (*Эммерикъ подходитъ къ столу, на которомъ оставилъ онъ свою шляпу*).

Гекторъ.

Къ вашимъ услугамъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

И если Г. Баландару угодно будетъ завтра быть вмѣстѣ съ друзьями своими... съ нами въ Оперѣ...

Гекторъ.

Помилуйте, Графъ?.... много благодаренъ (*Тихо Эммерику*). О Викторія!... Если бъ она тоже могла быть тамъ! (*Громко*). Но я боюсь безпокоить васъ...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Нисколько!... Ложа у насъ просторная... въ бель-этажѣ, нумеръ 10.... между колоннами.

Эммерикъ и Гекторъ (*въ изумленіи и въ сторону*).

Боже!

(*Эммерикъ, который уже взялъ шляпу и собирался было выйти, останавливается*).

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Весь Парижъ тамъ будетъ! Мѣста на расхватъ! Жена съ трудомъ могла выпросить эту ложу у одной своей пріятельницы.... (*Оборачивается къ Эммерику, который подаетъ знаки Гектору*). Что такое?... Что съ вами?...

Эммерикъ.

Ничего... Графъ... смущеніе... сильное волненіе душевное... послѣдствіе очень естественное...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нашего разговора.... Поѣзжайте же къ Алинѣ... къ вашей невѣстѣ.... Вы успокоитесь при одномъ видѣ ея... До скораго свиданія! (*Эммерикъ выходитъ въ сильномъ смущеніи*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гекторъ, Г. де Сенъ-Жеранъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*проводивъ Эммерика*).

Бѣдный молодой человѣкъ!... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно разстроенъ.... (*Смотря на Гектора*). Да и вы тоже?..

Гекторъ (*въ сторону*).

Вся кровь во мнѣ застыла.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Такое же растревоженное лицо...

Гекторъ (*запинаясь*).

Я.... я такъ люблю этого... этого милаго Эммерика... что... что все, что ни чувствуетъ онъ....

Г. де Сенъ-Жеранъ (*смѣясь*).

Понимаю!... У Ореста и Пилада была одна душа... но не одинаковое лицо... а ваше — безподобно!...

Гекторъ.

Вы слишкомъ милостивы! (*въ сторону*). Самъ не знаю, что говорю.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Поговоримъ, однако жъ, о нашемъ дѣлѣ.... Вы можете дать добрый совѣтъ.... Проницательность ваша во всемъ и осо-

бенно въ важныхъ дѣлахъ меня восхищаетъ..... Вотъ бумаги, о которыхъ я говорилъ вамъ. (*Показывая на столъ, который находится на лѣвой сторонѣ сцены*). Разсмотримъ-те ихъ вмѣстѣ.

(*Переходитъ черезъ сцену и садится у стола, противъ Гектора*).

ГЕКТОРЪ (*между тѣмъ въ сторону, стоя на правой сторонѣ театра, у самой авансцены*).

Такой ужасный человѣкъ! Ну, если откроется... и я былъ сообщникомъ Эммерика....

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ (*подзывая его къ себѣ*).

Не угодно ли...

ГЕКТОРЪ.

Я готовъ, Графъ.

(*Садится противъ него*).

Г. ДЕ СЕНЪ ЖЕРАНЪ.

Вотъ, во-первыхъ, акты, доказывающіе родство наше... и наши права на наслѣдство....

ГЕКТОРЪ (*все еще въ смущеніи*).

Да, Графъ... И такъ, наслѣдство....

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

То самое, о которомъ я уже говорилъ вамъ... послѣ дяди.... который умеръ въ Мартиникѣ, не оставивъ дѣтей... Дядя жены моей.

ГЕКТОРЪ.

Вашей жены... (*забываясь невольно*). О, если бъ я зналъ!....

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

Что такое?

ГЕКТОРЪ (*стараясь поправить свою ошибку*).

Что вашъ Мартиникскій дядюшка скончался, не оставивъ дѣтей....

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

Но вамъ это было извѣстно... Я уже объяснялъ вамъ... и по бумагамъ, вы видите, что нашъ дядя....

ГЕКТОРЪ.

Мартиникскій?

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

Нѣтъ... отецъ этого дяди женился на дѣвицѣ изъ фамиліи Сенъ-Дизье, тетки жены моей.... такъ что, съ обѣихъ сторонъ, наслѣдство приходилось намъ: и она была тетка моей жены.... По нашей же родословной... дѣдъ нашъ .. Вы понимаете.

ГЕКТОРЪ (*въ смущеніи и съ живостію*).

Понимаю.... понимаю совершенно.... Вашъ дѣдъ, его тетка...

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ (*со смѣхомъ*).

Что?... Что вы говорите?

ГЕКТОРЪ.

Виноватъ! Виноватъ! (*Въ сторону*). Господи! какъ я себѣ врежу... (*Громко.*) У меня, Графъ, мигрень... головная боль, которая меня совершенно сбиваетъ....

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ.... рука ваша холодна,...

ГЕКТОРЪ

А голова моя горитъ.

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

Такъ мнѣ должно извиниться передъ вами, что я говорилъ съ вами... о дѣлахъ въ такую минуту... мы потолкуемъ послѣ.

ГЕКТОРЪ (*отирая себѣ лобъ*).

Отдыхаю!

Г. ДЕ СЕНЪ-ЖЕРАНЪ.

Тѣмъ болѣе, что вотъ и жена моя.

ГЕКТОРЪ (*въ сторону*).

Меня опять обнялъ страхъ!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Г. де Сенъ-Жеранъ, Луиза (*входитъ поспѣшно*) Гекторъ.

Луиза (*Г. де Сенъ-Жерану*).

Ахъ, подумайте... какая счастливая встрѣча...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*прерывая ее*).

Честь имѣю представить тебѣ Г. Гектора Баландара, нашъ повѣренный... нашъ другъ...

(*Луиза низко приспдаетъ*).

Гекторъ (*въ сторону*).

Какъ она хороша!.. Все таки лучше не смотрѣть на нее.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Человѣкъ съ талантомъ.... когда не болитъ у него голова.

Гекторъ (*тараясь улыбнуться*).

Правда.... а я очень подверженъ... (*Останавливаясь*) Что же я говорю такое?

Г. де Сенъ-Жеранъ (*Гектору*).

Вы слишкомъ скромны... (*Луизѣ.*) я осмѣлился, не предувѣдомивъ васъ, пригласить Г. Баландара, на завтрашній спектакль, въ вашу ложу.

Луиза (*чрезвычайно ласково*).

Вы могли быть заранѣе увѣрены, что я буду согласна и благодарна...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Г. Баландаръ пріѣдетъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Эммерикомъ д'Альбре, который далъ мнѣ слово.

Луиза (*дѣлаетъ радостное движеніе; потомъ, спохватясь, говоритъ холодно*).

Хорошо.... я очень рада.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

То есть, это вамъ непріятно.

Луиза.

Нисколько!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Богъ мой! Я это вижу... вѣдь я васъ знаю.

Луиза.

Вы ошибаетесь.

Гекторъ (*въ сторону*).

Боюсь, чтобъ они не замѣтили по глазамъ моимъ.

Луиза.

А въ доказательство скажу вамъ, что вы — какъ сами того желали — можете передать ему радостное извѣстіе.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Какъ такъ?

Луиза (*съ живостію и весело*).

О, случай единственный... неоцѣненный... но сегодня я удивительно счастлива.... мнѣ все удается!

Гекторъ (*въ сторону*).

Не такъ, какъ мнѣ.

Луиза.

Я собиралась ѣхать, знаете, куда вы просили меня съѣздить, какъ вдругъ въѣзжаетъ къ намъ на дворъ карета. Я хотѣла было сказать, что не принимаю, но узнала, что пріѣхалъ, кто бы вы думали?.. Дядюшка!

Гекторъ (*съ живостію, въ сторону*).

Съ Марти.... Что я говорю?... Онъ уже умеръ!

Луиза.

Онъ такъ любитъ меня, а я такъ рѣдко вижусь съ нимъ! Впрочемъ, оно очень натурально... Министрамъ иекогда заботиться о своихъ родныхъ и друзьяхъ..... они вполнѣ преданы...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*холодно*).

Врагамъ своимъ!

Луиза (*весело*).

Да!... Я тотъ же часъ подумала о моей или, лучше сказать, о вашей просьбѣ.... и, министръ, улыбаясь благосклонно, удостоилъ сказать мнѣ въ отвѣтъ, что это человѣкъ съ дарованіемъ.... оно и правда.... и что онъ уже думалъ о немъ... что, можетъ быть, и не правда.... Но это ему приноситъ лишь болѣе чести.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Стало быть, ему обѣщано?

Луиза (*весело*).

Обѣщано!

Г. де Сенъ-Жеранъ (*подходя къ Гектору*)

Слышите ли?... Вашему другу, Эммерику, пожалованъ орденъ.

Гекторъ (*запинаясь*).

Я... въ восхищеніи!...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*съ улыбкою*).

Не вы одни будете въ восхищеніи... есть люди, которымъ это извѣстіе доставитъ еще болѣе радости.

Луиза.

Кому же?

Г. де Сенъ-Жеранъ (*говоритъ женѣ на ухо, въ полголоса*).

Его тестю и невѣстѣ.

Луиза (*съ изумленіемъ*).

Его тестю?

Г. де Сенъ-Жеранъ (*весело и все еще въ полголоса*).

Да!... этимъ-то дѣломъ и занимались мы... покамѣстъ оно еще не было совершенно кончено, о немъ не возможно было говорить... Теперь оно уладилось... свадьба его зависѣла отъ милости, которую вы ему выхлопотали (*Гектору.*) Чѣмъ скорѣе передаются добрыя вѣсти, тѣмъ лучше, и я спѣшу обрадовать этимъ извѣстіемъ его тестя....

Луиза (*въ сторону*).

Такъ вотъ что значили его смущеніе, его отказъ... О, какое вѣроломство!

(Луиза стоитъ на лѣвой сторонѣ сцены. Г. де Сенъ-Жеранъ, взявъ со стола бумаги, входитъ въ кабинетъ, находящійся на лѣвой же сторонѣ, и не затворяетъ за собою двери. Гекторъ тихо идетъ къ средней двери. Луиза оборачивается и замѣчаетъ, что онъ хочетъ уйти).

Луиза (*стараясь скрыть свое смущеніе и принять на себя веселый видъ*).

Г.... Баландаръ...

Гекторъ (*возвращается и подходитъ къ ней*).

Графиня.... (*въ сторону, и смотря на Луизу*) Боже мой, какъ она дрожитъ!... Да и я туда же.

Луиза (*стараясь улыбнуться*).

И такъ, Эммерикъ д'Альбре женится?

Гекторъ (*отвѣчаетъ ей съ смущеніемъ, смотря, между тѣмъ, на дверь кабинета*).

Да.... по крайней мѣрѣ, думаетъ жениться.... то есть, объ этомъ говорятъ неопредѣленно...

Луиза (*съ притворнымъ спокойствіемъ*).

А на комъ?

Гекторъ (*понижая голосъ*).

Не знаю... не слыхалъ...

Луиза.

Вы.... вы его искренній другъ?

Гекторъ.

Онъ очень скрытенъ... и никогда ничего не сказываетъ....

Луиза (*съ болье примѣтнымъ волненіемъ*).

Какъ зовутъ его будущаго тестя?... Гдѣ живетъ онъ?

Гекторъ.

Я не знаю ничего.

(*Въ эту минуту входитъ Г. де Сенъ-Жеранъ, съ письмомъ въ рукѣ.*)

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Вотъ мое посланіе къ тестю.... я тотчасъ отправлю его....

(*Луиза подходитъ къ столу, находящемуся на правой сторонѣ сцены, и звонитъ. Въ глубинѣ театра появляется лакей, въ ливрев*).

Луиза (*переходитъ чрезъ сцену, беретъ у мужа письмо и говоритъ лакею.*)

Жюльенъ!.... ты отнесешь это письмо (*съ видимымъ трепетомъ читаетъ адресъ*) Г-ну.... Клеранбо.... негоціянту.... на Италіянскомъ Бульварѣ, въ Hôtel de Castille.

Г. де Сенъ-Жеранъ. (*лакею.*)

Сію же минуту! Теперь всѣ родные уже вѣроятно собрались!

Луиза (*у авант-сцены съ рѣшимостію*).

Тѣмъ лучше!..., (*лакею*). Карету!

Гекторъ (*въ сторону*).

Боже милосердый!... Все погибло!

(*Лакей уходитъ въ среднюю дверь; Г. де Сенъ-Жеранъ и жена его въ лѣвую, Гекторъ кланяется имъ и поспѣшно выходитъ въ среднюю дверь.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ красивую комнату въ квартирѣ Г-на Клеранбо. Двери въ глубинѣ и по сторонахъ. На лѣво столъ, съ письменнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеранбо, Алина (*входя поспѣшно*).

Алина.

Такъ это письмо отъ моего крестнаго батюшки, отъ Г. де Сенъ-Жерана?

Клеранбо.

Отъ него, милая моя, отъ него.... оно доставлено мнѣ — его лакеемъ.

Алина.

И вы не показали мнѣ его!... Стало быть, вѣсти не радостныя?....

Клеранбо.

Хорошо, если бъ онѣ были нерадостныя.

Алина.

Почему же?

Клеранбо.

Почему! Почему!... Потому что, давъ обѣщаніе, я держу его; а я далъ слово согласиться на вашу свадьбу, если Эммерикъ....

Алина.

Получитъ орденъ?...(*радостно.*) Чтожъ?

Клеранбо (*сердито.*)

Чтожъ! онъ получилъ!

Алина.

Въ самомъ дѣлѣ? И это васъ сердитъ?

Клеранбо.

Нѣтъ,.... но я думалъ.... предполагалъ, что будетъ труднѣе.... Съ этѣмъ проклятымъ Сенъ - Жераномъ невозможно надѣяться на препятствія. Онъ хлопочетъ всюду за него, во всемъ ручается за

его.... Я, такъ, на вѣтеръ, сказалъ словца два, три ужъ объ условіяхъ, а онъ и контрактъ написалъ.... Онъ увѣдомилъ нотаріуса и нашихъ немногихъ здѣшнихъ знакомыхъ... и непремѣнно хочетъ, чтобы мы подписали этотъ контрактъ сегодня же.... потому что послѣ завтра онъ ѣдетъ въ Мартинику.

Алина.

Такъ надобно поспѣшить... Онъ правъ: безъ него мы обойтись не можемъ.

Клеранбо.

Конечно; но все это дѣлается слишкомъ скоро..... Я люблю наслаждаться счастіемъ спокойно, и когда меня торопятъ, когда меня не предваряютъ... я, просто, теряюсь; у меня ничего не будетъ готово.

Алина.

Потому что вы не хотите этимъ заняться, милый папенька!.. и это право не хорошо?... Я не выговариваю вамъ за это.... но, видите, даже противъ своей воли мы должны исполнять дѣла охотно. Чтоже дурнаго находите вы въ Эммерикѣ?

Клеранбо (*сердито*).

Что?...

Алина.

Онъ человѣкъ благородный.... человѣкъ съ талантомъ, всѣми уважаемый...

Клеранбо (*съ гнѣвомъ*).

Что дурнаго? ...

Алина.

Онъ сынъ любимаго вашего брата... вы сами воспитали его... онъ одинъ только и есть у васъ родной.... и развѣ онъ не радъ броситься за насъ въ огонь?

Клеранбо (*внѣ себя*).

Что дурнаго?.... То, сударыня, что ты любишь его слишкомъ сильно.

Алина.

Вы сами виноваты въ томъ.... потому что несправедливы съ нимъ.... Надобно же вознаградить его.... И если вы не перемѣнитесь, берегитесь, папенька: я буду любить его еще больше..... Но ежели бы, напротивъ того, вы принимали его ласково, по-дружески....

Клеранбо.

Въ самомъ дѣлѣ?

Лакей (*входя*).

Г. д'Альбре.

Алина (*въ полголоса*).

Вотъ и онъ... Встрѣтьте его... дайте ему руку... поцѣлуйте его....

Клеранбо.

Какъ? Ты хочешь, чтобы....

Алина (*также въ полголоса*).

Или, если вамъ угодно, я сама....

Клеранбо (*съ живостію*).

Нѣтъ, нѣтъ... (*Бѣжитъ на встрѣчу къ Эммерику.*) Другъ мой!... милый племянникъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Клеранбо, Эммерикъ, Алина.

(*Эммерикъ бросается въ объятія къ Клеранбо, который цѣлуетъ его.*)

Алина (*съ одобрительнымъ видомъ отцу.*)

Вотъ такъ, хорошо! (*Эммерику.*) Я до безумія люблю папеньку.... онъ отъ всей души желаетъ, чтобы состоялась наша свадьба.

Эммерикъ (*радостно, обращаясь къ Клеранбо.*)

О, правду ли слышу я!

Клерамбо.

Конечно..... я всегда желалъ этого.... и хотя не признавался вамъ, это было моею любимою мечтою... Съ самой ранней твоей молодости, я считалъ тебя будущимъ мужемъ Алины; я предназначалъ тебѣ

ее вмѣстѣ съ нашимъ торговымъ домомъ.... Видишь ли: я любилъ тебя, какъ сына, и вотъ почему возненавидѣлъ.... когда ты обманулъ всѣ надежды мои.... когда ты предпочелъ фортепіяно конторѣ.... и кативины—банковымъ билетамъ.... Между ними разница большая.

Алина.

Не всегда!

Клеранбо.

И когда ты уѣхалъ изъ Бордо... когда я узналъ, что ты живешь въ Парижѣ... въ Парижѣ и въ Оперѣ... признаюсь откровенно, я счелъ тебя погибшимъ... Однакожъ я подумалъ: это его дѣло... спасемъ, по крайней мѣрѣ, дочь... и вотъ поч му, опасаясь...

Алина.

Чего?

Клеранбо (*подходя къ ней*)

Тебѣ нѣтъ надобности знать о томъ. (*Эммерику*). Но мнѣ, отцу семейства... это мое дѣло... я долженъ всего страшиться!.. Я долженъ быть недовѣрчивымъ за нее, потому что она не можетъ подозрѣвать, и умѣетъ только любить... вѣдь я отвѣчаю за ея спокойствіе, за ея радости, ея мечты... и несчастія ея не прощу никому, ни даже себѣ самому.

Алина.

Какого же несчастія ожидать мнѣ съ нимъ и съ вами?

Клеранбо.

Конечно! Я часто думалъ: покамѣстъ я буду живъ, все еще пойдетъ хорошо... она будетъ повѣрять мнѣ свое горе, т. е., если у ней будетъ что на сердцѣ... но когда я умру! когда некому будетъ утѣшать ее.... Я знаю се лучше, чѣмъ ты.... она какъ разъ умретъ....

Алина (*улыбаясь*).

Помилуйте!

Клеранбо.

А будто бы это уже почти не случилось?.. Знаешь ли, отчего она была такъ больна?... отчего она все блекла? Оттого, что ты не писалъ къ намъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ.

Алина (*прилагая ему руку ко рту.*)

Батюшка!

Клеранбо.

И съ полученія перваго письма, здоровье, свѣжесть, все возвратилось.

Алина.

Неправда!...

Клеранбо.

Говорю тебѣ, что она умретъ съ горя, если мужъ разлюбитъ ее, или полюбитъ другую.

Алина.

Батюшка!... Да возможно ли это?

Эммерикъ (*съ живостію*)-

Ахъ! Алина!

Алина.

Запрещаю вамъ оправдываться. (*Аскоео*). Запрещаю вамъ! (*Отцу*). Развѣ вы думаете, что Эммерикъ похожъ на Гектора Баландара, который любитъ Викторію, хочетъ на ней жениться, и получаетъ письма отъ какой-то знатной дамы?... (*Эммерику*). Вы не поступите такъ никогда! Это ужасно... Но я ужъ предувѣдомила Викторію, я все разсказала ей: обманывать не должно никого! (*Эммерикъ содрогается*). Что съ вами?

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ничего.... я думаю о бѣдномъ Баландарѣ, который, впрочемъ, истинно любитъ эту дѣвушку.... и которому, безъ сомнѣнія, вы повредили.

Алина.

Вообразите.... не очень! Право, удивительно! Представьте себѣ: Викторія болѣе

удивилась, нежели оскорбилась... ей только хотѣлось узнать имя этой знатной дамы... (*Простодушно*). Вы его не знаете, Эммерикъ?

Эммерикъ (*въ смущеніи*).

Нѣтъ.... нѣтъ, не знаю.

Клеранбо (*пожимая плечами*).

Какъ будто бы онъ тебѣ скажетъ!

Алина (*довѣрчиво*).

Онъ все скажетъ мнѣ, потому что любитъ меня!... Въ награду за это я обрадую его пріятнымъ извѣстіемъ. Мой крестный батюшка, Г. де Сенъ-Жеранъ, пишетъ папенькѣ, что вамъ пожалованъ орденъ.

Клеранбо.

По стараніямъ жены его: она сама выпросила этотъ орденъ у министра, своего дяди.

Алина.

Добрая, милая женщина! Вы знакомы съ ней, Эммерикъ? Она должна быть прелестна?

Клеранбо.

Всѣ о ней того же мнѣнія.

Алина.

О, какъ и я буду любить, благословлять ее!... Ей сдѣлаемъ мы нашъ первый свадебный визитъ... Жаль только, что уже не будетъ здѣсь тогда Г. де Сенъ-Жерана... Онъ уѣзжаетъ.... вотъ почему мы принуждены торопиться, и подпишемъ контрактъ сегодня же вечеромъ... (*Потупляя глаза.*) Если, только и вамъ это не будетъ такъ же непріятно, какъ и батюшкѣ....

Эммерикъ (*нѣжно*).

Алина! моя несравненная Алина!

Клеранбо (*становясь между ними.*)

Позвольте... позвольте: мнѣ еще нужно кое-что сказать.

Алина.

Что же еще?

Клеранбо.

Ему, ему одному. (*Подаетъ знакъ Алинѣ, чтобы она отошла*). Побудь тамъ. (*Эммерику, отведя его на правую сторону сцены.*) Признаюсь откровенно, что я подозрѣвалъ тебя.... мнѣ говорили.... такъ, неопредѣленно.... о какой-то связи... Но старый другъ мой, Сенъ-Жеранъ, поклялся мнѣ въ противномъ. Безъ этого, я не согласился бы никогда! Да, до чего бы ужъ ни дошло дѣло, я бросилъ бы все... Сенъ-Жеранъ поклялся мнѣ, что ты не имѣешь ни какой связи, которая могла бы поколебать твое семейное счастіе.

Эммерикъ.

Дядюшка!

Клеранбо.

Вѣрю, но требую отъ тебя той же клятвы. Но это кто?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Алина, Клеранбо, Эммерикъ, и Гекторъ.

Гекторъ (*входя поспѣшно и обращаясь къ Эммерику*).

Другъ мой! Другъ мой! (*Замѣтивъ Клерамбо и его дочь*). Извините... я не видалъ васъ.

Клеранбо.

Какъ вы разстроены! Точно будто васъ преслѣдуютъ.

Алина.

И какъ будто вы испугались чего.

Гекторъ (*въ смущеніи*).

Нѣтъ, но я... видите ли... я бѣжалъ... шелъ очень шибко.... Мнѣ надобно было посовѣтоваться съ Эммерикомъ объ одномъ важномъ дѣлѣ... которое касается собственно до меня....

(*Клеранбо отходитъ отъ нихъ, садится подлѣ стола, находящагося на лѣвой сторонѣ сцены, и начинаетъ перелистывать брошюры.*)

Алина (*подойдя къ Эммерику, говоритъ ему тихо*).

Вѣрно объ утренней.... знатной дамѣ?

Эммерикъ (*съ безпокойствомъ*).

Быть можетъ.

Алина.

Онъ долженъ, однако жъ, поступать осторожнѣе, если хочетъ жениться на Викторіи... Вѣдь мужъ не долженъ любить никого, кромѣ жены своей!

Эммерикъ.

Конечно....

Алина.

Такъ поговорите съ нимъ объ этомъ; скажите ему.... я оставляю васъ.

(*Она становится подлѣ отца, и начинаетъ читать черезъ его плечо*).

Эммерикъ (*поспѣшно подходя къ Гектору, который находится на правой сторонѣ сцены*).

Чтожъ, такое случилось? и почему прибѣжалъ ты ко мнѣ?

Гекторъ (*въ полголоса*).

Скажи, что тебѣ надобно быть на репетиціи, возьми шляпу и бѣги отсюда.

Эммерикъ.

Что это значитъ.

Гекторъ.

Бѣги, говорю я тебѣ, или быть бѣдѣ!

Эммерикъ.

Зачѣмъ?

Гекторъ.

Затѣмъ, что *она* сію минуту пріѣдетъ сюда.

Эммерикъ.

Кто она?

Гекторъ.

Графиня! Я бѣжалъ изо всѣхъ силъ... и опередилъ ее только нѣсколькими минутами.

Эммерикъ.

О, Боже!... Нельзя ли какъ остановить?...

Гекторъ.

Ужъ поздно!... Вотъ она....

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клеранбо, Алина, Луиза (*она выходитъ изъ средней двери, прежде лакея, которому долженствовало доложить о ея пріѣздѣ*), Гекторъ, Эммерикъ.

Луиза (*остановясь на нѣсколько времени въ глубинѣ театра, и смотря на всѣхъ*).

Вотъ они!

(*Алина и Клеранбо смотрятъ на нее съ удивленіемъ. Луиза идетъ къ Эммерику.*)

Гекторъ (*бѣжитъ къ ней на встрѣчу, и представляетъ ее Клеранбо.*)

Графиня де Сенъ-Жеранъ!

(*Лакей уходитъ.*)

Клеранбо.

Жена нашего друга!...

Алина.

Нашего благодѣтеля!... (*Бѣжитъ къ ней*). Наша благодѣтельница...

Клеранбо.

Удостоивающая насъ своимъ посѣщеніемъ....

Луиза (*смотря на Эммерика, съ сильнымъ волненіемъ.*)

Мужъ мой не пускалъ меня, но я пріѣхала съ утра, такъ желала я познакомиться съ его крестницей... и съ старинымъ, задушевномъ другомъ, Г-мъ Клеранбо.

Клеранбо.

Вы слишкомъ милостивы... намъ бы слѣдовало предварить васъ... быть у васъ первымъ... но мы только что пріѣхали... (*Беретъ Алину за руку*)... Честь имѣю представить вамъ дочь мою, Алину.. крестницу вашего супруга...

Луиза (*не переставая смотрѣть на Алину.*)

А!...(*стараясь удержаться*). Она очень хороша собою...

Клеранбо (*простодушно*).

Недурна!... по крайней мѣрѣ для того, кто никогда не выѣзжалъ изъ Бордо. Вы, сударыня, никогда не изволили оставлять Парижа, и намъ было трудно познакомиться... но теперь, когда она помолвлена с Г. Эммерикомъ, я надѣюсь...

Гекторъ и Эммерикъ (*въ сторону.*)

Боже!

Луиза.

Помолвлена!... (*съ досадою*). Очень радуюсь за васъ, Г. Эммерикъ д'Альбре...

Алина (*подходя къ ней*).

Благодаря вамъ, Графиня... у меня недостаетъ словъ для благодарности... Вамъ одной я обязана... за все, и за согласіе батюшки, и...

Эммерикъ (*стараясь прервать ее*).

Алина!

Алина.

Зачѣмъ же скрывать отъ Графини ашу благодарность.... наше счастіе?

Клеранбо.

Которое устроено ею...

Луиза (*съ досадою.*)

Еще не совсѣмъ!...

Алина.

А развѣ есть препятствія?

Луиза (*смотря на Эммерика*).

Быть можетъ!...

Гекторъ (*съ живостію*).

Вѣроятно, касательно награжденіе его орденомъ?

Клеранбо.

Какія же?

Луиза (*стараясь скрыть свое смущеніе*).

Я хотѣла поговорить о томъ съ Г-нъ д'Альбре, котораго не надѣялась встрѣтить здѣсь (*Клеранбо и Алину*). Не пугайтесь; ему... ему одному скажу я... что думаю... о....

Гекторъ (*съ живостію.*)

Объ этихъ препятствіяхъ....

Клеранбо (*кланяясь*).

Мы оставляемъ васъ!...

Алина (*Луизѣ.*)

Боже мой! Неужели должно еще откладывать и ждать?...

Эммерикъ (*тихо Гектору*).

Уведи же ее.

Клеранбо (*тихо дочери*).

Пойдемъ... пойдемъ, Алина!

(*Онъ выходитъ первый въ лѣвую дверь.*)

Алина (*сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается.*)

Прощайте, Графиня.

Луиза (*прощаясь знакомъ руки и стараясь умѣрить свое нетерпѣніе.*)

Прощайте!... Прощайте!...

(*Алина хочетъ подойти къ ней*; *Гекторъ останавливаетъ ее и уводитъ*.)

Алина (*уходя, Гектору*).

Вѣдь ужасно, если опять будутъ препятствія!

(*Оба уходятъ въ лѣвую дверь*.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Луиза, Эммерикъ.

Луиза.

Наконецъ, мы одни!... Я желала видѣть и убѣдиться... на дѣлѣ, что это не сонъ, и что меня не обманываютъ!... Но нѣтъ... это истина, и въ этотъ разъ обмана нѣтъ... Возможно ли? еще сегодня утромъ увѣряли вы меня въ любви и вѣрности, а уже шли переговоры о вашей свадьбѣ! Какіе переговоры... она была совершенно слажена... о ней знали ваши друзья, знали всѣ, кромѣ меня одной!... (*Насмѣшливо*). Но зачѣмъ же боялись высказать мнѣ о томъ? Васъ пугали препятствія, требованія съ моей стороны, или можетъ быть, вы страшились за мою жизнь при вашей потерѣ... Такой излишней внимательности я не ожидала... но ждала чести, откровенности, правдивости... Теперь вижу, что я слишкомъ многого требовала отъ васъ!...

Эммерикъ.

Вините меня за малодушіе, но не за скрытность: мысль объ этой свадьбѣ возникла у Г. де Сенъ-Жерана... клянусь вамъ въ томъ... только сегодня утромъ... и я спѣшилъ къ вамъ, чтобъ признаться во всемъ... При видѣ вашемъ, рѣшимость моя исчезла: у меня не достало силъ сознаться вамъ въ чувствѣ...

Луиза.

Которому я не повѣрила бы... Не ужели, сударь, вы станете меня увѣрять что полубили невѣсту вашу только съ нынѣшняго утра, тогдакакъ вы съ нею знакомы съ дѣтства... что вы о ней и не думали... Не ужели я повѣрю, что фамильный планъ и расчетъ Г. де Сенъ-Жерана, въ одну минуту, породилъ въ васъ пламенную любовь?...

Эммерикъ.

Да, Графиня, это правда...

Луиза.

Я желала бы вѣрить этому для васъ, для вашей чести, чтобы имѣть право сохранить къ вамъ хоть каплю уваженія... но, къ несчастію, Г. Клеранбо чрезвычайно богатъ...

Эммерикъ.

Графиня!...

Луиза (*съ гнѣвомъ*).

Да... это свадьба по расчету... вы жертвуете мною изъ денегъ...

Эммерикъ.

Нѣтъ! нѣтъ!... клянусь вамъ!

Луиза.

Не вѣрю ни словамъ, ни клятвамъ вашимъ; убѣдить меня могутъ только ваши поступки... Извольте жъ теперь, въ моемъ присутствіи, объявить вашему дядѣ, что отказываетесь навсегда отъ руки его дочери!... Вы должны это сдѣлать: этого требую отъ васъ я, которой вы всѣмъ обязаны!...

Эммерикъ (*поспѣшно прерывая ее*).

Ахъ! вамъ нечего напоминать мнѣ о благодѣяніяхъ: благодарность будетъ всегда приковывать меня къ вамъ, будьте въ томъ увѣрены, такъ какъ меня не отторгаютъ отъ васъ даже нынѣшніе упреки.... Да!... вы знатны, а я лишь артистъ, но, возвышенный вашею любовью и небольшою извѣстностію я равнялся вамъ.. Пусть на это кричитъ сколько хочетъ вся ваша знать.... а талантъ все таки что нибудь да значитъ....

Луиза (*старалась прервать его.*)

Вы ошибаетесь, сударь: я не имѣю ни желанія, ни права...

Эммерикъ.

Поступать со мною, какъ съ рабомъ приказывать мнѣ...

Луиза.

И такъ, въ послѣдній разъ.... простите гордости, воспламеняющейся во мнѣ противъ воли.... Дайте мнѣ только время, и силу расторгнуть эти роковыя узы.... которыя мучатъ меня...тягостны мнѣ столько же, какъ и вамъ.... Не одинъ разъ я уже пыталась въ томъ.... упрекала сама себя, и всегда страшилась успѣха.... Проступки ваши дадутъ мнѣ рѣшимость, которой недоставало моему сердцу.... Какъ ни жестока такая помощь, она приходитъ мнѣ отъ васъ, и я благодарна за нее... она дастъ мнѣ силы снова пріобрѣсти уваженіе къ самой себѣ.... восторжествовать надъ страстью, которая не такъ велика, какъ вы думали, и какъ думала я сама!... Быть можетъ, въ сердцѣ моемъ болѣе гордости, чѣмъ любви... быть можетъ, мнѣ легче бъ было лишиться васъ, чѣмъ быть оставленной вами... И даже теперь, когда я васъ вижу каковы въ самомъ дѣлѣ вы, а не такимъ, какимъ представляло мнѣ васъ воображеніе, кажется, что я могу забыть васъ... могу перестать васъ любить и даже.... (*страстно*) Нѣтъ, нѣтъ!... я не такова, какъ вы... не могу васъ обманывать... я люблю васъ... люблю по-прежнему!

Эммерикъ.

Боже мой!... Если насъ услышатъ!

Луиза (*съ гнѣвомъ*).

А, такъ слово это васъ пугаетъ... вы боитесь его слышать... (*Останавливаясь, по знаку, сдѣланному Эммерикомъ, и понижая голосъ*). Не бойтесь, сударь: я не выдамъ васъ... Вамъ есть на то большія поруки: мое происхожденіе и то имя, которое я ношу... я не обезчещу ихъ шумною сценою: довольно и того, что я посягнула на нихъ моимъ проступкомъ!.. До сихъ поръ я думала, что для насъ, самая тяжкая казнь заключается въ измѣнѣ долгу; но теперь, благодаря вамъ, понимаю казнь еще большую: краснѣть за того, кому пожертвовала всѣмъ! Жалѣю только о томъ, что вымолила для васъ знакъ почести, которой вы не достойны.

Эммерикъ.

О, слава Богу вы сами растрогли нашу связь! Ваши оскорбленія избавили меня отъ цѣпей моихъ и даже отъ угрызеній совѣсти... Я женюсь на Алинѣ!

Луиза.

Вы женитесь на ней?

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жюльенъ, *входитъ поспѣшно*, Луиза, Эммерикъ.

Луиза.

Ты здѣсь, Жюльенъ? Почему?

Жюльенъ (*Графинѣ, въ полголоса.*)

Графъ изволилъ возвратиться.... Онъ спрашивалъ о Вашемъ Сіятельствѣ .... Графъ очень разстроенъ...

Луиза (*въ сторону.*)

Боже!... (*Громко и давая Жюльену знакъ, чтобы онъ вышелъ. Жюльенъ выходитъ.*) Ступай! я буду сію же минуту!.. (*Она поспѣшно идетъ къ средней двери.*)

Эммерикъ (*идя за нею.*)

Графиня... ради самаго Неба!

Луиза (*оборачиваясь.*)

Прощайте, сударь, прощайте на всегда!

(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Эммерикъ *одинъ.*

А!... (*Закрываетъ, на нѣсколько секундъ, лице руками; потомъ весело смотритъ вокругъ себя.*) Свободенъ!... Я свободенъ наконецъ!... Возраждаюсь.... освобождаюсь отъ рабства!....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гекторъ (*не смѣя войти, выглядываетъ изъ лѣвой двери*), Эммерикъ.

Эммерикъ (*подбѣгая къ нему.*)

Другъ мой! милый Гекторъ!

Гекторъ.

Что съ тобою?

Эммерикъ (*бросаясь къ нему на шею*).

Обними меня!... Все кончено...

Гекторъ.

Неужели?

Эммерикъ.

Я теперь свободенъ... а могу располагать собою... все растрогнуто, и на всегда!

Гекторъ.

Да услышитъ тебя Небо!....

Эммерикъ.

Ты еще сомнѣваешься?

Гекторъ.

Нѣтъ... не то, чтобы... Но, какъ говорилъ сегодня утромъ... (*Боязливо*). не хочу никого называть..... я все боюсь, чтобы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство не перевернуло всего опять по-прежнему; меня ужасно перепугало наше отчаянное положеніе...

Эммерикъ.

Твоя правда! Несчастная женщина!

Гекторъ.

Ты ужъ и тоскуешь по ней?

Эммерикъ.

Нѣтъ: жалѣю ее.

Гекторъ.

А я такъ жалѣю только о тѣхъ, кого противъ воли вмѣшиваютъ въ опасныя приключенія! которыя до нихъ нисколько не касаются! Если бы видѣлъ, ты не узналъ бы меня. Я просто одурѣлъ.

Эммерикъ.

Бѣдный Баландаръ!

Гекторъ.

А я еще завидовалъ твоему счастію, и думалъ Богъ знаетъ что о знатныхъ дамахъ! Нѣтъ, полно! Да здравствуетъ Викторія Жиро!... Вѣдь она здѣсь....

Эммерикъ.

Какъ такъ?

Гекторъ.

Здѣсь сегодня будутъ гости... одни друзья... и она пріѣхала первая.

Эммерикъ.

А я скомпрометировалъ тебя передъ нею!... Я пойду къ ней.... и, подъ условіемъ тайны, открою истину.

Гекторъ (*удерживая его.*)

Избави тебя Богъ...

Эммерикъ.

Почему?

Гекторъ.

Ты не можешь себѣ представить до какой степени я возвысился сегодня въ ея мнѣніи... Она ласкова.... любезна.... все заводитъ рѣчь о той страстишкѣ, которую ты изволилъ навязать мнѣ на шею, потому что она не вѣрила, чтобы я могъ внушить такую страсть.... Видно, страсти нынче въ модѣ и прилипчивы... Стоитъ только начать одному.... пойдутъ и всѣ!

Эммерикъ (*улыбаясь*).

И Викторія?

Гекторъ.

Не я виноватъ, а ты!... Я вовсе не

хотѣлъ прослыть повѣсой; но теперь, когда меня всѣ признали тѣмъ, разочаровывать не должно... потому что... видишь..... лишивъ меня всей вины, ты лишишь меня и всѣхъ преимуществъ!

Эммерикъ.

Правда! Оставляю при тебѣ все, на сколько угодно времени!

Гекторъ (*взявъ его за руку*).

Спасибо!... Понимаешь ли ты теперь мое счастіе?

Эммерикъ.

Оно не равняется моему... Вотъ Алина. (*Идетъ на встрѣчу къ Алинѣ, которая входитъ съ лѣвой стороны.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Алина, Эммерикъ, Гекторъ.

Алина.

Что же это такое, господа? Мнѣ должно самой прійти за вами!.... Г-жа де Сенъ-Жеранъ уже уѣхала... Что же это за препятствія такія?

Эммерикъ.

Ничего, ничего.

Гекторъ.

Препятствій нѣтъ ни какихъ.

Алина (*весело*).

Ну, слава Богу! Всѣ ужъ собрались... только нѣтъ нотаріуса да крестнаго папеньки.... самыхъ необходимыхъ изъ всѣхъ... исключая, разумѣется, насъ! Но что же вы, Г. Баландаръ? Викторія цѣлые полчаса ищетъ васъ, и уже два раза спрашивала у меня, гдѣ вы.

Гекторъ (*Эммерику тихо*).

Видишь... она не можетъ пробыть безъ меня ни минуты... Лечу къ ней.

(*Уходитъ.*)

Алина (*подходя къ лакеямъ, которые являются въ глубинѣ театра*).

Приготовьтесь подавать мороженое и пуншъ.... Да скорѣе.

Лакей.

Слушаюсь, сударыня.

Эммерикъ (*улыбаясь*).

Вы поспѣваете всюду!

Алина.

Это наша обязанность... а когда выйду за васъ, еще не то будетъ! (*Показывая на гостиную, находящуюся съ лѣвой стороны.*) Я пойду туда, и вы тоже прійдете?.... Еще подумаютъ, что я такъ долго не возвращаюсь, потому что заговорилась съ вами.... Можетъ быть, и правда... (*Убѣгая.*) До свиданія! (*Ударивъ себя въ лобъ.*) Ахъ!... вотъ вы все хвалите мою память... я забыла отдать вамъ записочку..... Ее принесъ вашъ *грумъ*.

Эммерикъ (*смотря на Алину и принимая отъ нея письмо*).

Благодарю. (*Взглянувъ на почеркъ*) О, Боже!... (*Поспѣшно переходитъ на другую сторону сцены. Алина между тѣмъ оборачивается къ лакеямъ, которые входятъ, черезъ среднюю дверь, съ мороженымъ, и пр.*)

Алина.

Ты отнеси это въ большую гостиную... (*Другому лакею.*) Ты — въ батюшкину комнату и въ будуаръ.... Да не забудь поставить столы для картъ... (*Эммерику.*) Чтожъ, идете?

Эммерикъ (*въ сильномъ смущеніи*).

Иду... иду... сію минуту...

(*Алина уходитъ въ правую дверь, которая ведетъ въ будуаръ, между тѣмъ,*

какъ Гекторъ выходитъ съ противоположной стороны, изъ гостиной.)

Гекторъ (*съ живостію*)

Мороженаго!.. Мороженаго!.. для Викторій? (*Замѣтивъ Эммерика, который стоитъ у стола на лѣвой сторонѣ сцены.*) Что съ тобою? Ты падаешь? Тебѣ дурно?... Не отъ избытка ли радости? (*Бѣжитъ къ нему.*) Другъ мой!

Эммерикъ (*съ живостію*).

Молчи... молчи...

Гекторъ.

Да что съ тобою?

Эммерикъ.

Отъ нея.... отъ Графини... На, читай.

Гекторъ (*читая.*)

«Мужъ знаетъ все.... Ему все извѣстно!» (*Дрожа.*) Нѣтъ силъ дочитать.

Эммерикъ (*взявъ у него записку*).

«Вы одни въ свѣтѣ можете защитить меня или помочь мнѣ совѣтомъ. Я теперь у васъ . . . ожидаю васъ.»

Гекторъ (*съ гнѣвомъ*).

Не говорилъ ли я тебѣ? Этому не будетъ конца.... не будетъ конца никогда!

Эммерикъ (*съ отчаяніемъ*).

И когда же случается все это: именно въ самую счастливую минуту моей жизни! Прощай, мой другъ, прощай!

Гекторъ.

Развѣ ты идешь къ ней?

Эммерикъ.

Могу ли не итти, если во мнѣ еще есть сколько нибудь совѣсти? Я виною .... что она лишилась всего, и званія, и богатства, и добраго имени. И притомъ не оскорбилъ, не обезчестилъ ли благороднаго человѣка....

Гекторъ.

Ахъ! не говори мнѣ, сдѣлай милость, этого.

Эммерикъ.

И завтра, безъ сомнѣнія,... Впрочемъ, это должно было случиться.... жизнь моя принадлежитъ ему.. я самъ отдамъ ее ему...

Гекторъ (*внѣ себя*.

Ты не выйдешь отсюда!

Эммерикъ.

Ни слова болѣе!... Постараемся лучше быть хладнокровнѣе... Прежде всего надобно подумать объ этой несчастной женщинѣ... о ея отъѣздѣ... бѣгствѣ... Надобно денегъ, и много денегъ.... а у меня ихъ нѣтъ!

Гекторъ.

Все равно! у меня есть....

Эммерикъ.

И какъ скоро она будетъ въ безопасности!... Пойдемъ! (*Останавливаясь.*) Но дядюшка... но Алина?...

Гекторъ (*подходя къ гостиной*).

А всѣ приглашенные!... А контрактъ!

Эммерикъ.

Невозможно!... Я откажусь! Но видѣть горесть, отчаяніе Алины.... перенести упреки отца ея... и всѣ толки и пересуды!.... Нѣтъ... нѣтъ... это выше силъ моихъ! Я имъ еще ничего не скажу сегодня... пусть узнаютъ завтра.... завтра ты извѣстишь ихъ обо всемъ, когда я буду убитъ....

Гекторъ.

Что ты это говоришь?

Эммерикъ (*холодно*).

Развѣ можетъ кончиться иначе?

Гекторъ (*внѣ себя*).

Убитъ!... Убитъ!... Да я не хочу этого.

Эммерикъ.

Молчи.

Гекторъ.

Что это значитъ! Выйти на дуэль и быть

убитымъ, или бѣжать за границу для женщины, которую болѣе не любишь!... И для нея покинуть....

Эммерикъ.

Да молчи же!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Гекторъ, Эммерикъ, Алина (*выходитъ изъ будуара съ правой стороны.*)

Алина (*съ живостію.*)

Что здѣсь такое? (*Гектору.*) Ахъ, Богъ мой! Какъ вы блѣдны, Г. Баландаръ!

Гекторъ.

Я... да... я и не скрываюсь...

Алина.

И было бы довольно трудно... Что же случилось съ вами?

Гекторъ (*съ смущеніемъ.*)

Я хотѣлъ... не могу... сказать... или объяснить вамъ.

Эммерикъ (*тихо.*)

Это тайна.

Алина (*съ живостію.*)

Вы скажете мнѣ ее?

Эммерикъ.

Непремѣнно. (*Гектору, тихо и указывая на среднюю дверь.*) Погляди за нею.

Гекторъ (*въ испугѣ.*)

Я?.. А если между тѣмъ?..

Эммерикъ.

Что?

Гекторъ.

Пріѣдетъ... мужъ.

Эммерикъ (*толкая его.*)

Я тотчасъ прійду къ вамъ..... Ступай же...

Гекторъ (*въ сторону.*)

Ну, мой другъ, Баландаръ, въ другой разъ не попадешься... И нѣтъ ни какой возможности отдѣлаться... Осужденъ на вѣки... (*Встрѣтивъ взглядъ Эммерика.*) Иду, мой другъ, иду. (*Уходя.*) Тутъ, просто, съ ума сойдешь.

(*Уходитъ.*

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Алина (*провожая его глазами, и весело.*)

Да онъ презабавенъ, этотъ Баландаръ. (*Подбѣгая къ Эммерику.*) Разскажите жъ мнѣ скорѣе, что у него за тайна?

Эммерикъ (*съ смущеніемъ*).

Его тайна?

Алина (*замѣтивъ его смущеніе*).

Стало быть, это очень серіозно?

Эммерикъ.

Да, очень серіозно.

Алина.

Опять та же дама, та же страсть?

Эммерикъ.

Да... да... таже роковая страсть, за которую онъ жестоко наказанъ.

Алина.

И по дѣламъ.... Онъ стоитъ того.

Эммерикъ.

Вы правы.... но вѣдь дѣло идетъ о его жизни

Алина.

Ахъ, бѣдняжка!

Эммерикъ.

Дуэль.

Алина.

Возможно ли!

Эммерикъ.

И такъ какъ я буду его секундантомъ...

Алина (*съ живостію.*)

Для секундантамъ нѣтъ опасности?

Эммерикъ.

Ни какой.

Алина.

Какъ я рада!

Эммерикъ.

Но намъ должно уѣхать обоимъ... мнѣ надобно теперь же отправиться къ нему.... такъ, чтобы этого не замѣтилъ ни вашъ батюшка, ни кто другой....

Алина.

Особенно Викторія....

Эммерикъ.

Надобно отложить подписку контракта... подождать до завтра.... и для этого должно придумать такой предлогъ, который бы не касался до меня....

Алина (*съ живостію.*)

Я найду его... берусь за это...

Эммерикъ.

Возможно ли?

Алина (*нѣжно.*)

Для васъ я готова на все!... И притомъ, мнѣ такъ пріятно быть вашей повѣренной.. Ужъ не безпокойтесь: я сохраню вашу тайну....

Эммерикъ (*въ сторону.*)

Несчастный!

Алина.

Берегитесь: батюшка идетъ сюда... Да кажитесь же повеселѣе... какъ я!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Клеранбо, Эммерикъ, Алина.

Клеранбо.

Вообразите, какая досада: Г. де Сенъ-Жеранъ... мой другъ...

Алина.

Мой крестный батюшка... и нашъ свидѣтель... Что же?

Клеранбо.

Пишетъ ко мнѣ, что его задерживаетъ важное дѣло.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Угадываю, что это за дѣло...

Клеранбо.

Онъ не можетъ быть у насъ сегодня... и даже проситъ не дожидаться его... Я, просто, въ отчаяніи...

Алина.

И я также...

Клеранбо.

Однако жъ, нотаріусъ здѣсь... знакомые наши тоже всѣ здѣсь... Пойдемте же....

Алина (*тихо Эммерику*).

Не бойтесь. (*Громко отцу.*) Нѣтъ, папенька, нѣтъ: оно не прилично.

Клеранбо.

Что не прилично?

Алина.

Свадьбу нашу устроилъ крестный батюшка... Онъ долженъ быть у насъ и свидѣтелемъ.... такъ какъ же безъ него?.... (*Тихо Эммерику.*) Хорошо?

(*Эммерикъ пожимаетъ ей руку.*)

Клеранбо.

Но онъ самъ позволяетъ...

Алина (*подходя къ отцу, смотритъ на Эммерика*).

Все равно... мы отложимъ до завтра... потому что надобно же для друга...

Клеранбо (*съ жаромъ*).

Быть неучтивымъ со всѣми другими!.... Ты сама такъ торопилась....

Алина.

За то теперь не тороплюсь.

Клеранбо.

Ты еще сегодня утромъ не хотѣла ждать ни одного дня, ни одного часа....

Алина.

Такова у меня была прихоть, а теперь другая.

Клеранбо.

Замолчишь ли ты?

Алина.

Капризъ...

Клеранбо.

Да перестанешь ли ты?.... Что подумаетъ о тебѣ женихъ?

Алина (*нѣжно смотря на Эммерика*).

Надѣюсь.... ничего дурнаго...

Клеранбо (*подходя къ Эммерику.*)

Племянникъ... прошу васъ.... не судите по этому, что у нея дурной характеръ... Я ее не узнаю... сегодня.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Алина, Клеранбо, Эммерикъ, Гекторъ.

Гекторъ (*подходя къ Эммерику, говоритъ ему тихо*).

Она спрашиваетъ и ждетъ тебя.... И если ты не будешь...

Эммерикъ (*также*).

Сію минуту.

Клеранбо (*дочери.*)

Пойдемъ же, сударыня; по крайней мѣрѣ извинимся передъ гостями....

Алина (*отцу, который идетъ къ гостиной.*)

Иду за вами, папенька. (*Клеранбо уходитъ, Алина Эммерику.*) Довольны ли вы мною, Эммерикъ?

Гекторъ.

Какъ?...

Алина (*съ упрекомъ*).

О, какъ вы огорчаете друзей вашихъ, Г. Баландаръ!

Гекторъ (*удивляясь*).

Я?...

Алина.

Однако жъ, поѣзжайте, скорѣе. (*Подходя къ лѣвой двери.*) Прощайте... до скораго свиданія...

Эммерикъ (*смотря на Алину*).

И отказаться отъ такого счастія!

Алина.

До завтра!

Гекторъ (*увлекая Эммерика*).

Пойдемъ же!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же декорація, какъ и въ третьемъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гекторъ (*входя въ среднюю дверь.*)

Да... мнѣ надобно переговорить съ Г. Клеранбо... Я не думалъ, чтобы теперь у него уже были гости.... (*Подходитъ къ авансцепѣ.*) Подожду... Ну, какую я провелъ ночь! Вчера вечеромъ я обѣщалъ Эммерику пріѣхать сюда ранехонько, чтобы ко всему приготовить его тестя.... Вчера мы рѣшили, что Г-жа де Сенъ-Жеранъ должна бѣжать изъ своего

дома сегодня утромъ... Мы тоже опредѣлили, что Эммерикъ, если только его не убьютъ... поѣдетъ съ нею въ Швейцарію... если жъ его убьютъ, съ нею поѣду я!.. (*Горестно.*) А мои дѣла!.... Я не спалъ всю ночь: мнѣ все грезились шпаги и пистолеты... Чортъ знаетъ, что мнѣ не мерещилось!... Нѣтъ, рѣшительно — знатный свѣтъ опаснѣе нашего, и любовь въ экипажахъ гораздо хуже пѣшеходной! Плебейскія интрижки можно кончить, когда вздумаешь... Я, бывало, чудо какъ умѣлъ отдѣлываться..... Стоило только написать на угадъ: «Я знаю все.... Мы болѣе не увидимся съ вами...» И у меня никогда не требовали ни какихъ объясненій, а здѣсь.... конца нѣтъ!... Мой страшный кліентъ, словно призракъ какой, все передо мною... (*Замѣтивъ Сенъ-Жерана, который выходитъ съ лѣвой стороны.*) Ну, вотъ, опять онъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. де Сенъ-Жеранъ, Гекторъ.

Гекторъ.

Какъ?.. Это вы, Графъ.... какъ вы рано выѣхали сегодня?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я уже возвращаюсь домой!.. Клеранбо встаетъ рано, а мнѣ хотѣлось извиниться передъ нимъ въ моей вчерашней неучтивости... объяснить ему, почему я не могъ быть при подписаніи контракта.

Гекторъ (*въ сторону*).

Стало быть, тестю все извѣстно, и я пріѣхалъ понапрасну.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Кстати, мнѣ надобно также переговорить съ вами, Г Баландаръ.

Гекторъ (*въ сторону.*)

Богъ мой!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я получилъ вчера... двѣ, три странички вашихъ замѣчаній по моему дѣлу..(*Улыбаясь.*) У васъ тогда уже не болѣла голова... Я замѣтилъ это безъ труда, потому что никогда не читалъ ничего изложеннаго съ большею точностію, ясностію и разсудительностію... Нечего сказать, мастерски!

Гекторъ (*кланяясь.*)

Графъ!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ... нѣтъ, тутъ уже не о чемъ спорить; теперь считаю дѣло мое выиграннымъ... Мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же быть у васъ, или письменно благодарить васъ; но, извините, вчера одно непредвидѣнное и непріятное обстоятельство..

Гекторъ (*въ сторону.*)

Что, если бъ мнѣ удалось какъ нибудь уладить. (*Громко.*) Обстоятельство истинно несчастное....

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Какъ? Оно уже извѣстно?...

Гекторъ (*смутясь.*)

Мнѣ, мнѣ... одному... Случай... сношенія.... и дружба.... которая соединяетъ меня....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Дружба.... довольно незавидная....

Гекторъ.

Конечно.... Но развѣ нельзя, для общей пользы, уладить это дѣло....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Оно ужъ кончено....

Гекторъ.

Вы уже видѣлись съ нимъ сегодня?.. Еще только семь часовъ...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Мы стрѣлялись въ пять...

Гекторъ.

Умеръ... умеръ... Вы убили его?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Слѣдовало бы, по настоящему!... Но я вспомнилъ, что вчера утромъ, разговаривая о немъ, я необдуманно обѣщалъ.... Это и спасло его! Я просто направилъ пулю въ лѣвое плечо...

Гекторъ.

Боже!... И попали?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Еще бы не попасть!

Гекторъ (*съ сердцемъ и дрожа*).

Но это ужасно, Граѣ.... безчеловѣчно!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Вы защищаете его?

Гекторъ (*винъ себя.*)

Да съ... я только адвокатъ... но все равно... Когда дѣло идетъ о другѣ...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*холодно и взявъ его за руку*).

Прежде нежели будете обвинять меня, прочитайте, сударь. Если бъ вы нашли такое письмо у жены вашей...

Гекторъ (*взглянувъ на письмо, въ сторону*).

Боже!.... Почеркъ не Эммерика!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Волочиться за моей женой... жаловаться на ея равнодушіе и даже писать къ ней любовное объясненіе, особенно такимъ слогомъ!... такъ и быть еще... Но эти двѣ строчки, которыя относятся ко мнѣ одному... (*Перечитывал письмо.*) «Какъ намедни говорили въ клубѣ нашемъ.... этотъ ужасный адмиралъ, съ своей морской подзорной трубой, не видитъ, что дѣлается у него передъ носомъ...» Могъ ли я оставить безъ наказанія такое оскорбленіе?... такія слова, произнесенныя публично, въ клубѣ, этимъ виконтомъ, котораго вы защищаете?...

Гекторъ (*въ сторону.*)

Такъ онъ виконтъ?...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Съ моей стороны была сдѣлана только одна ошибка, ... когда письмо это случайно попало въ мои руки, я, въ первомъ порывѣ, не могъ скрыть моего бѣшенства передъ своимъ каммердинеромъ... Потомъ тотчасъ, однако жъ, я успокоился: жена моя ничего не должна была знать объ этомъ оскорбленіи, которое она не безъ причины отъ меня скрывала... Прежде всего хотѣлъ я написать къ Эммерику, и просить его, чтобы онъ былъ моимъ секундантомъ, но это испугало бы его невѣсту. Я рѣшился взять въ секунданты одного изъ моихъ офицеровъ, лейтенанта, съ которымъ сегодня утромъ отправился я къ Г-ну де Ланжаку...

Гекторъ.

Г-ну де Ланжаку?

Де Сенъ-Жеранъ.

Пріятелю вашему, какъ вы мнѣ сказывали...

Гекторъ.

Я хотѣлъ сказать, моему кліенту... всѣ мои кліенты мнѣ пріятели... Но теперь, когда мнѣ извѣстно, что произошло между вами, совсѣмъ другое дѣло... я больше съ ними не знакомъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Благодарю васъ...

Гекторъ.

Я прошу только объ одномъ — чтобъ рана не была опасна...

Де Сенъ-Жеранъ (*съ видомъ равнодушія*).

Не знаю... надѣюсь... Впрочемъ, я не хотѣлъ никому говорить объ этомъ приключеніи, кромѣ Г-на Клеранбо и его зятя, и потому я далъ знать Эммерику, что дожидаюсь его здѣсь...

Гекторъ (*въ сторону*).

Мы спасены! Побѣгу предупредить Эммерика... Боже! вотъ и онъ самъ.

—

ЯВЛЕНІЯ III.

Эммерикъ, Сенъ-Жеранъ, Гекторъ.

Эммерикъ, блѣдный, въ застегнутомъ фракѣ, подходитъ, держа ящикъ съ пистолетами, къ Сенъ-Жерану, не смотря на знаки Гектора, котораго онъ не видитъ.

Эммерикъ (*въ волненіи*).

Вы присылали мнѣ сказать, милостивый государь, что дожидаетесь меня здѣсь, у моего тестя, и я являюсь къ вашимъ услугамъ...

Гекторъ (*въ сторону*).

Кончено!..

Де Сенъ-Жеранъ (*удивленный*).

Къ моимъ услугамъ?.. Какимъ и для чего?..

Эммерикъ (*тоже*).

Я не понимаю, милостивый государь, какъ вы еще спрашиваете меня объ этомъ?

Гекторъ (*съ живостію къ Сенъ-Жерану*).

Дѣйствительно, онъ былъ въ правѣ этого надѣяться... я видѣлся съ нимъ сегодня, и разсказалъ ему все .. онъ собирался быть вашимъ секундантомъ; онъ за тѣмъ и пришелъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Очень благодаренъ вамъ, любезнѣйшій; я тотчасъ подумалъ о васъ.

Гекторъ.

Это самое говорилъ мнѣ Графъ сію минуту.

Эммерикъ (*съ удивленіемъ*).

О Боже! что это значитъ?

Гекторъ (*подходя къ нему*).

Къ несчастію, все уже кончено. Оставь пистолеты, они болѣе не нужны. (*Беретъ изъ рукъ его пистолеты и шляпу и кладетъ ихъ на столъ*). Дуэль была сегодня утромъ.

Де Сенъ-Жеранъ

Въ пять часовъ.

Гекторъ (*съ живостію*).

И Г-нъ де Ланжакъ раненъ.

Эммерикъ.

Раненъ!

Гекторъ (*съ живостію*).

Не пугайся, онъ раненъ не опасно; это, какъ я тебѣ говорилъ, научитъ его быть осторожнѣе въ выраженіяхъ своихъ; добрый урокъ ему.

Эммерикъ (*смотритъ на него съ волненіемъ*).

Да, да, конечно.

Гекторъ (*также*).

Котораго онъ не забудетъ.

де Сенъ-Жеранъ.

Надѣюсь..... Тесть вашъ, которому разсказалъ я всю исторію, объявилъ мнѣ, что ни вы, ни крестница моя, не хотѣли полписать контракта безъ меня, и я вдвойнѣ былъ виноватъ передъ вами; онъ простилъ меня съ условіемъ, что я пріѣду запросто позавтракать съ вами; я не смѣлъ отказаться. Теперь спѣшу окончить, до моего завтрашняго отъѣзда, кой-какія дѣла, изъ которыхъ одно касается до васъ. И такъ, до свиданія! (*Какъ будто хочетъ итти. Эммерикъ и Гекторъ показываютъ радостное движеніе*). А потомъ, ввечеру, нашъ свадебный контрактъ на этотъ разъ совершится уже безъ отлагательства.

Гекторъ (*въ сторону*).

Дай-то Господи!

Де Сенъ-Жеранъ.

И если будетъ время, мы поѣдемъ въ оперу... на это рѣшительное представленіе..... и тамъ постараемся отыскать вашего противника.

Гекторъ (*съ непритворною радостію*).

Котораго мы не найдемъ!

Де Сенъ-Жеранъ.

Почему такъ?

Гекторъ (*въ замѣшательствѣ*).

То есть.... я полагаю, что не найдемъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Все равно; мы будемъ тамъ. Прощайте, друзья мои.

Гекторъ.

Прощайте Графъ....

(*Сенъ-Жеранъ уходитъ. Гекторъ, не кончивши фразы, падаетъ убитый въ кресла, стоящія на лѣво, между тѣмъ какъ Эммерикъ садится съ другой стороны, на право*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гекторъ, Эммерикъ.

Гекторъ.

Еще прошла туча!

Эммерикъ.

Я ужъ не знаю, что со мною дѣлается!

Гекторъ.

И я тоже. Такіе волненія и ужасы сокращаютъ жизнь; я просто захвораю.

Эммерикъ (*не выходя еще изъ своего удивленія*).

Это былъ Ланжакъ? И безъ твоего присутствія духа.....

Гекторъ.

А у меня его еще никогда не бывало; я такъ испугался, что невольно пробудилась во мнѣ твердость духа..... Я видѣлъ, что все погибло!

Эммерикъ (*встаетъ съ живостію и идетъ на лѣвую сторону*).

Ахъ, Боже мой!

Гекторъ.

Что съ тобою?

Эммерикъ.

А его жена?

Гекторъ.

Гдѣ она?

Эммерикъ.

У меня. Она только что пришла ко мнѣ, чтобы бѣжать со мною, уѣхать.....

Гекторъ.

Новый страхъ! Долго ли это будетъ? Пойдемъ скорѣе (*Бѣжитъ къ двери и видитъ Луизу, которая входитъ блѣдная и растроенная. Онъ вскрикиваетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Луиза, Гекторъ.

Луиза (*Быстро войдя въ дверь во глубинѣ сцены, не видитъ сначала Эммерика, который прошелъ на лѣвую сторону, и замѣчая только Гектора, который находится передъ ней, она бѣжитъ къ нему*). Я узнала карету.... я видѣла ее изъ окна.... она уѣхала.... они будутъ драться.... они будутъ драться.... Бѣгите скорѣе.... онъ убьетъ Эммерика.... (*Она оборачивается, видитъ его и съ крикомъ бросается въ его объятія*).

Эммерикъ.

Успокойтесь, дуэль уже кончилась.

Гекторъ (*съ живостію*).

Только не съ нимъ!

Эммерикъ.

Съ Г-мъ де Ланжакомъ.

Луиза.

Возможно ли?

Гекторъ (*также*).

Онъ нашелъ письмо его въ вашей шкатулкѣ.

Эммерикъ.

Въ той же, гдѣ вы спрятали мои письма... Вашъ лакей, преданный намъ, съ ужасомъ прибѣжалъ извѣстить васъ о бѣшенствѣ Г-на де Сенъ-Жерана.

Луиза.

Вотъ, что значитъ быть виновною!.. Я думала, что ужъ все открыто.

Эммерикъ.

А между тѣмъ, все спасено.

Гекторъ.

Но надобно какъ можно скорѣе удалиться отсюда... Взойдите на верхъ... я побѣгу за каретой.

Эммерикъ.

Пусть она дожидается внизу.

Гекторъ.

Хорошо... я извѣщу тебя... Ахъ, этотъ ящикъ!

(*Возвращаясь, онъ беретъ со стола, находящагося на лѣво, шляпу и ящикъ съ пистолетами, и уноситъ ихъ съ собою*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эммерикъ, Луиза.

Эммерикъ.

Да, надобно воротиться домой прежде Г-на де Сенъ-Жерана. . . . если онъ спроситъ о васъ. . . . если не застанетъ васъ....

Луиза (*въ величайшемъ волненіи*).

Понимаю... ваша правда.... Но простите меня.... въ моей душѣ столько различныхъ ощущеній... Страхъ и радость... По словамъ вашимъ, вы оставили меня, чтобы готовиться къ отъѣзду: я думала, что вы обманули меня; считала васъ убитымъ, и тогда... противъ воли... я вышла отъ васъ... сбѣжала съ лѣстницы... Я потерялась...

Эммерикъ (*съ безпокойствомъ осматриваясь кругомъ*).

Пойдемте; намъ должно думать только о вашей безопасности.

Луиза (*не слушаетъ его*).

Да, да... Неужели!... вы жертвовали всѣмъ для меня... семействомъ, отечествомъ... Столько любви, не смотря на мои оскорбленія!... Видите ли, что мы еще любимъ другъ друга; что теперь, когда соединила насъ опасность, ничто уже не можетъ разлучить насъ!... что жъ касается до этой свадьбы...

Эммерикъ (*съ ужасомъ*).

Что вы говорите?...

Луиза (*съ живостію*).

Вы дали слово, я знаю!.. И связаны имъ теперь... Но я... я берусь устроить все это дѣло.

Эммерикъ (*въ ужасѣ*).

Боже мой!.. Пойдемте, говорю вамъ... вамъ нельзя оставаться здѣсь.

Луиза.

Почему же?

Эммерикъ.

Если васъ увидятъ здѣсь, утромъ, у моего дяди...

Луиза.

Ваша правда, — я объ этомъ не подумала.

Эммерикъ.

Взойдите ко мнѣ.. подождемъ Баландара.

(*Идутъ къ дверямъ, и останавливаются*).

Нѣтъ, послушайте... тамъ говорятъ...

Алина (*за кулисами*).

Какъ, онъ уже пришелъ?

Эммерикъ.

Голосъ моей кузины.

Луиза (*испугавшись*).

Ахъ, ради Бога, чтобъ она меня не видала!..

Эммерикъ (*показывая ей дверь на право*).

Сюда, сюда, — ничего не бойтесь...

Луиза (*колеблется*).

Но... однако жъ...

Эммерикъ.

Нѣтъ, ради Бога!.. Если вы меня любите!..

(*Луиза входитъ въ кабинетъ на право; Эммерикъ затворяетъ за нею дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Алина, Эммерикъ.

Алина (*выходитъ изъ задней двери, и весело бѣжитъ къ Эммерику*).

Возможно ли... такъ рано!.. Ахъ, какъ

это мило!... Я этого ожидала... Я говорила сама себѣ: онъ знаетъ, что я очень безпокоюсь... такъ вѣрно прійдетъ... для меня, и, можетъ быть, отчасти и для себя.

Эммерикъ (*смущенiи*).

О, безъ сомнѣнія.

Алина.

Ну, что новаго? Что эта скверная дуэль?

Эммерикъ.

Была... сегодня поутру...

Алина (*съ живостію*).

А Г. Баландаръ?

Эммерикъ.

Цѣлехонекъ.

Алина.

Слава Богу! А противникъ его?

Эммерикъ (*съ смущеніемъ смотритъ на дверь съ правой стороны*).

Не знаю... мнѣ не извѣстно...

Алина.

Да какъ же, когда вы сами были тамъ, секундантомъ?

Эммерикъ (*также*).

То есть, я хочу сказать, что не знаю будутъ ли послѣдствія....

Алина.

Такъ, стало-быть, онъ раненъ.

Эммерикъ (*съ живостію*).

Да, да... Мнѣ казалось, что я уже сказалъ вамъ.

Алина.

Совсѣмъ нѣтъ!.. А каковъ же Г-нъ Баландаръ! Кто бы могъ подумать?.. Драться такимъ образомъ! Ранить человѣка... Я обѣщала вамъ хранить тайну, но дѣло слишкомъ важно и ужасно.

Эммерикъ.

Алина!

Алина.

Нѣтъ, я не могу не предупредить Викторіи, что она выходитъ замужъ за человѣка сварливаго, забіяку, головорѣза!...

Эммерикъ.

Ради Бога!

Алина (*съ живостію*).

Онъ вашъ другъ, но и Викторія также другъ мнѣ, и такъ какъ дѣло идетъ о ея счастіи....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Алина, Эммерикъ, Клеранбо.

Клеранбо.

Что такое? что такое? Ужъ и вмѣстѣ!

Алина (*весело*).

Ахъ, папенька, не обращайте вниманія на это, мы спорили съ Эммерикомъ. Кстати (*бѣжитъ къ отцу и цѣлуетъ его*). Здравствуйте, папенька! Вѣдь я всегда съ вами первыми здороваюсь.

Клеранбо (*съ улыбкой смотритъ на Эммерика*).

Не нынче, однако же!... Мнѣ сказали, что Баландаръ здѣсь и меня спрашиваетъ. (*Алина, которая шепотомъ разговариваетъ съ Эммерикомъ*). Да что жъ ты тамъ дѣлаешь? Вѣдь твой крестный отецъ нынче у насъ завтракаетъ.

Алина.

Ахъ, да!

Клеранбо.

А ты ничего не приказываешь... ни о чемъ не думаешь... даже и хозяйствомъ не занимаешься... Смотри, вѣдь этакъ и Эммерикъ откажется отъ тебя...

Алина (*Эммерику*).

Будто правда? Иду и закажу завтракъ, на славу! (*Идетъ въ глубину театра*).

Клеранбо (*подходя къ Эммерику*).

А я займусь приданымъ; пора, пора подумать объ этомъ.

Алина (*возвращается и подходитъ къ отцу*).

О, я увѣрена, что онъ женился бы на мнѣ и безъ приданаго!.. Не правда ли?..

Клеранбо (*обращаясь къ ней*).

Да будешь ли ты меня слушаться?.. Смотри, у тебя ничего не будетъ готово... Ступай скорѣе,—тѣмъ скорѣе возвратишься къ Эммерику.

Алина (*весело*).

И вы говорите еще, что я васъ не слушаюсь!.. Сейчасъ ворочусь.

(*Она поспѣшно вбѣгаетъ въ дверь съ лѣвой стороны; Клеранбо тихо слѣдуетъ за нею; въ это время Луиза растворяетъ не много дверь съ правой стороны*).

Луиза (*тихо*).

Можно мнѣ теперь выйти?

Эммерикъ (*съ живостію затворяя дверь*).

Нѣтъ еще...

Клеранбо (*оборачиваясь, и видя, что Эммерикъ затворилъ дверь, идетъ назадъ*).

А?.. Что такое? Кто-то затворилъ эту дверь...

Эммерикъ (*въ смущеніи*).

Можетъ быть... я не видалъ...

Клеранбо (*идетъ вправо*).

Мнѣ послышался чей-то голосъ...

Эммерикъ (*удерживая его за руку*).

Вѣроятно я сказалъ что нибудь.

Клеранбо.

Кому?..

Эммерикъ.

Кому?.. Баландару?.. Мнѣ показалось, что онъ въ вашемъ кабинетѣ....

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гекторъ, Эммерикъ, Клеранбо.

Гекторъ (*подошедъ къ Эммерику, говоритъ ему въ полголоса.*)

Карета нанята.

Эммерикъ (*вздрогнувъ, говоритъ ему шепотомъ.*)

Хорошо.

Гекторъ (*также.*)

Я пойду къ тебѣ на верхъ, предупредить ее.

Эммерикъ (*также.*)

Не надо.

(*Гекторъ отходитъ, а Клеранбо приближается къ Эммерику.*)

Клеранбо (*въ полголоса*).

Вотъ Баландаръ здѣсь.

Эммерикъ (*въ смущеніи.*)

Меня это очень удивляетъ.

Клеранбо (*также*).

А меня не удивляетъ, потому что мнѣ показалось, будто здѣсь мелькнуло женское платье.

Эммерикъ.

Кто нибудь изъ домашнихъ...

Клеранбо.

Никто не проходилъ черезъ залу.

Эммерикъ.

Ваша правда, но, можетъ быть, по другой лѣстницѣ, другой выходъ....

Клеранбо.

Другаго выхода нѣтъ.

Эммерикъ (*въ величайшемъ смущеніи*).

Такъ я не знаю, не могу понять... я ошибся... и вы также.

Клеранбо (*подходя къ двери*).

Въ этомъ очень легко увѣриться..... (*останавливается*). Но вотъ дочь!...

—

ЯВЛЕНІЕ X

Гекторъ, Алина, де Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ, Клеранбо.

Алина (*входитъ весело.*)

Мой крестный папенька пріѣхалъ...

Клеранбо (*идетъ къ нему на встрѣчу*).

Милости просимъ.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Какая досада!

Алина (*удерживая Гектора, который хочетъ уйти*).

Нѣтъ, вы не уѣдете, я не отпущу васъ; останьтесь позавтракать съ нами.

(*Клеранбо пошелъ на встрѣчу Сенъ-Жерана и жметъ его руку; Эммерикъ, въ смущеніи и нерѣшительности, хотѣлъ подойти къ двери на право, и увидѣлъ передъ собой Клеранбо, который, оставивъ Сенъ-Жерана, не перестаетъ внимательно слѣдить за Эммерикомъ; Эммерикъ отходитъ въ другую сторону.*)

Сенъ-Жеранъ (*Алинѣ.*)

Я опять заставилъ себя дожидаться, а между тѣмъ не потерялъ понапрасну времени. Даже не заѣзжая домой, я отправился въ канцелярію орденскаго капитула, чтобы взять тамъ сюрпризъ, который я готовилъ для моей крестницы.... Но тамъ такъ медлятъ... я долженъ былъ прождать до сихъ поръ...

Алина.

Въ самомъ дѣлѣ!

Сенъ-Жеранъ (*въ полголоса Алинѣ.*)

И привожу патентъ, который при мнѣ заготовили... ново-произведенному кавалеру — твоему жениху.. Ты его отдашь ему сама ввечеру, когда будемъ подписывать свадебный контрактъ.

Алина.

О, какъ вы добры!

Клеранбо (*подходитъ къ Сенъ-Жерану, и въ волненіи говоритъ ему.*)

Я еще долженъ попросить отъ васъ услуги, другъ мой... мнѣ нуженъ совѣтъ...

Гекторъ (*выходя въ передъ*).

Я здѣсь!

Клеранбо (*Гектору*).

Благодарю!.... Пожалуйста подождите насъ въ маленькой гостиной, вмѣстѣ съ дочерью.... мы сейчасъ прійдемъ къ вамъ.

Алина (*Гектору*).

Это вѣрно на счетъ приданаго... Пойдемте.

Гекторъ.

Что это, вашъ батюшка какъ будто разстроенъ?

Алина (*весело*).

Онъ очень проголодался, я въ томъ увѣрена. Будьте покойны, до завтрака не долго. Пойдемте же, Г. Баландаръ.

(*Она съ Гекторомъ уходитъ въ боковую дверь, на лѣво; Клеранбо проходитъ черезъ сцену, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли ушли они.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Клеранбо, Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ.

Сенъ-Жеранъ.

Ну, говорите, что вамъ надо?

Клеранбо (*съ волненіемъ*).

Я хотѣлъ напомнить вамъ, другъ мой, что прося меня отдать дочь за моего племянника, вы поручились за него... Вы клялись, такъ же какъ и онъ клялся честію, что въ его поведеніи не будетъ ничего скрытнаго, ни какихъ интригъ, ни какихъ сношеній, которыя могли бы нарушить счастіе моей дочери.... Только на такомъ условіи я согласился, вы знаете...

Сенъ-Жеранъ.

Конечно; но къ чему все это?

Клеранбо.

Къ тому, другъ мой, что вамъ не должно ни удивляться, ни сердиться на меня, если я беру свое слово назадъ.

Сенъ-Жеранъ.

Помилуйте?

Эммерикъ.

Но, ради Бога, что я сдѣлалъ?

Клеранбо.

И онъ еще смѣетъ спрашивать!... когда сейчасъ, здѣсь, въ моемъ домѣ, у своей невѣсты, онъ тайно принималъ женщину (*Переходя черезъ сцену*), которая спрятана здѣсь, вотъ въ этой комнатѣ.

Эммерикъ (*становится передъ Клеранбо, который хочетъ войти*).

Ммлостивѣй Государь!...

Клеранбо.

Вотъ и доказательство, онъ не хочетъ пустить меня сюда.

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ.*)

Потому что... потому что, не смотря на всю мою любовь и уваженіе къ вамъ, я не хочу, послѣ свадьбы своей, попасть подъ надзоръ и терпѣть безпрестанныя подозрѣнія... а чтобы избавиться отъ нихъ въ послѣдствіи, должно теперь же...

Сенъ-Жеранъ.

Мнѣ кажется, все это справедливо.

Клеранбо.

Однако жъ, женское платье, которое я видѣлъ...

Эммерикъ (*съ смущеніи*).

Можетъ быть, но повторяю вамъ, что ту женщину, которая прошла черезъ эту комнату, я едва видѣлъ, мелькомъ... она изъ вашего дома.

Клеранбо (*хочетъ войти въ комнату*).

Ну, такъ посмотримъ.

Эммерикъ (*становится передъ нимъ*).

То есть, что вы не вѣрите мнѣ на слово, и что недовѣріе ваше....

Клеранбо.

Недовѣрія къ вамъ я не имѣю, но все таки хочу видѣть самъ...

Эммерикъ.

И вотъ именно что меня оскорбляетъ... я этого не стерплю.

Сенъ-Жеранъ (*съ улыбкой*).

Не сердитесь, друзья мои. Я здѣсь человѣкъ посторонній: хотите избрать меня въ судьи.

Эммерикъ (*съ живостію бросается къ нему и занимаетъ мѣсто между Сенъ-Жераномъ, который находится съ лѣвой стороны, и Клеранбо, который съ правой стороны отъ зрителей*).

Нѣтъ! нѣтъ!..

Сенъ-Жеранъ (*съ удивленіемъ*).

Да почему же?

Эммерикъ (*въ смущеніи все смотритъ на Клеранбо, который направляетъ шаги къ двери на право*).

Потому что онъ не повѣритъ даже вамъ... Онъ не вѣритъ никому.

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь отходитъ и садится въ кресла, съ лѣвой стороны*).

Это правда.

Эммерикъ (*смотритъ на Клеранбо, съ умоляющимъ взоромъ*).

Даже моему честному слову!...

Клеранбо (*который шелъ къ роковой двери, останавливается на минуту въ нерѣшительности и удивленіи*). Право, не знаю, что мнѣ дѣлать... (*Эммерикъ изъявляетъ радость*). Нѣтъ, я долженъ!.. (*Бросается въ комнату направо; Эммерикъ остается въ недоумѣніи, и приходитъ въ себя только услышавъ голосъ Сенъ-Жерана*).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ.

Сенъ-Жеранъ (*сидя въ креслахъ, по лѣвую сторону, подаетъ знакъ Эммерику, чтобы тотъ подошелъ къ нему*).

Скажите мнѣ. (*Въ полголоса*). Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли тамъ.....(*показывая на дверь*) неужели, противъ вашей воли тутъ она... опять она?..

Эммерикъ (*съ живостію*).

Нѣтъ, клянусь вамъ, никого?..

Сенъ-Жеранъ (*холодно*).

Вѣрю вамъ, иначе вы избрали бы меня судьею своимъ... разумѣется ты могъ быть увѣренъ, что я взялъ бы твою сторону...

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Сенъ-Жеранъ *сидитъ по лѣвую сторону*, Эммер къ *стоитъ подлѣ него*; Клеранбо *выходитъ изъ комнаты съ правой стороны и затворяетъ за собою дверь. Онъ блѣденъ, внѣ себя, едва держится на ногахъ, а между тѣмъ притворяется веселымъ*).

Сенъ-Жеранъ (*смотритъ на него*).

Ну, что? *Клеранбо хочетъ говорить и не можетъ*). Что же ты?

Клеранбо (*старяясь засмѣяться*).

Ничего... ровно ничего... ничего рѣшительно....

Эммерикъ (*Сенъ-Жерану*).

Я говорилъ вамъ...

Сенъ-Жеранъ (*смотритъ на Клеранбо и смѣется*).

Онъ еще по сію пору не можетъ прійти въ себя...

Клеранбо.

Совсѣмъ нѣтъ... То есть, очень можетъ быть... Я такъ удивленъ, не увидѣвши ничего... И теперь понимаю, что... что...

Сенъ-Жеранъ (*подходя къ нему*).

Что вы совершенно несправедливы въ своихъ подозрѣніяхъ, вы никому не вѣрите... Вотъ вамъ урокъ на будущее время.

Клеранбо.

Да, я воспользуюсь этимъ урокомъ.

Сенъ-Жеранъ.

И поспѣшите свадьбой (*Клеранбо дѣлаетъ движеніе*). Да, я требую, чтобъ вы сдержали ваше слово, вы мнѣ его дали. Я требую настоятельно, и теперь, мой любезный, когда вы не можете привести ни доказательствъ, ни подозрѣній!...

Клеранбо (*невольно выходя изъ себя*).

Напротивъ!..

Сенъ-Жеранъ.

Какъ, развѣ тамъ?...

Клеранбо.

Небыло никого, рѣшительно никого!.. Но вы мнѣ говорите о подозрѣніяхъ, и потому-то я сказалъ: *напротивъ*... Те-

перь у меня подозрѣній нѣтъ ни какихъ, и моя довѣренность...

Сенъ-Жеранъ.

Безпредѣльна...

Клеранбо.

Разумѣется.

Сенъ-Жеранъ.

Про то-то я и говорю: теперь нѣтъ ни какихъ препятствій; все кончено. Руку, руку—и сегодня вечеромъ контрактъ!

Клеранбо (*запинаясь*).

Да, любезнѣшій, да...

Сенъ-Жеранъ.

Чтожъ касается до той статьи, которую мы передѣлали сегодня утромъ (*Эммерику*), на счетъ приданаго... мы пересмотрѣли и кое-что прибавили...

Эммерикъ (*со стыдомъ*).

О, Боже мой!

Сенъ-Жеранъ.

Вы пошлете ее къ нотаріусу?

Клеранбо (*ходитъ въ волненіи*).

Да, тотчасъ, другъ мой, тотчасъ... Я прійду къ вамъ... Ступайте къ моей дочери, я прійду....

Сенъ-Жеранъ (*весело идетъ къ двери налѣво*).

А завтракъ!..

Эммерикъ (*подходитъ къ Клеранбо*).

Но, ради Бога!..

Клеранбо (*тихимъ и торжественнымъ голосомъ*).

Я самъ выведу ее.

Сенъ-Жеранъ (*обращаясь къ Эммерику*).

Ну, что же?

Клеранбо.

Ступайте, ступайте, васъ дожидаются. (*Эммерикъ выходитъ, съ Сенъ-Жераномъ, въ дверь съ лѣвой стороны*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Клеранбо *идетъ отворять дверь направо, потомъ* Луиза.

Клеранбо.

Спѣшите, сударыня; теперь нѣтъ ни какой опасности.

Луиза (*колеблется и опирается на кресло, которое подлѣ нея*).

У меня подгибаются колѣни.

Клеранбо (*въ испугѣ*).

Ради Бога...

Луиза.

Вы спасли мнѣ жизнь и честь... Заклинаю васъ, выслушайте меня..

Клеранбо (*смотря на дверь съ лѣвой стороны*).

Сюда могутъ войти.

Луиза (*внѣ себя*).

Какое дѣло?... Если и я въ свою очередь могу спасти васъ!.. Если я помѣшаю браку, на который ни вы, ни я не можемъ согласиться! (*Спохватившись*). Простите меня, простите: я не хотѣла оскорбить васъ, напротивъ... я желаю лишь счастія вамъ и вашей дочери... Она не будетъ счастлива, онъ не будетъ любить ее.

Клеранбо.

И такъ, эти связи, какъ онъ говорилъ, не были расторгнуты?..

Луиза.

О, да!.. вчера... здѣсь же именно... Ахъ, тогда была у меня сила, у меня была твердость; я думала, что онъ не любитъ меня больше (*съ радостію*). Но я ошибалась, и онъ также. Какъ скоро онъ узналъ объ опасности....

Клеранбо.

Возможно ли?

Луиза.

Онъ хотѣлъ все бросить, хотѣлъ ѣхать со мною.

Клеранбо (*сурово*).

Съ вами?

Луиза.

О, ради Бога, не убивайте меня!.. Я знаю, какъ я виновна; но кому довѣрить мои мученья и страхъ?... я сирота!.. Если бъ у меня былъ отецъ, я упала бы къ ногамъ его, и сказала бы ему: Сжальтесь надо мной, простите моему разстроенному уму... защитите меня отъ самой себя — избавьте меня отъ погибели... (*Падаетъ передъ нимъ на колѣни*). Я... я въ силахъ только любить его!..

Клеранбо (*тронутый, старается поднять ее*).

Сударыня, сударыня... Дитя мое!..

Луиза (*радостно встаетъ*).

Дитя ваше! Вы сказали это?!..

Клеранбо.

Да, я долженъ пещись о васъ... но ступайте, ради Бога!..

Луиза.

Иду... повинуюсь вамъ.. если поклянетесь, что эта свадьба не состоится...

Клеранбо (*смотритъ на дверь съ лѣвой стороны*).

Идутъ... можетъ быть, мужъ вашъ.

Луиза.

Мой судья!.. Онъ все узнаетъ.. (*Съ радостію*). Нѣтъ, Эммерикъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Эммерикъ, Клеранбо, Луиза.

Эммерикъ (*бросается къ Клеранбо*).

Благодѣтель мой!

Клеранбо (*строгимъ голосомъ Эммерику, показывая на Луизу*).

Вы знаете сами, что теперь бракъ вашъ невозможенъ?..

Луиза (*вскрикивая*).

Ѣду! (*выходитъ въ заднюю дверь*).

Эммерикъ (*съ отчаяніемъ*).

Ахъ, что вы сдѣлали?

Клеранбо.

Исполнилъ долгъ свой... Я все перескажу дочери.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Алина, Эммерикъ, Клеранбо.

Алина (*выходитъ изъ дверей съ лѣвой стороны, и подбѣгаетъ къ Эммерику*).

Что же вы, а завтракать? Васъ обоихъ дожидаются...

Клеранбо.

Идемъ, идемъ, другъ мой! (*Смотря на Эммерика, котораго увлекаетъ за собою Алина*). Ему быть моимъ зятемъ!.. Никогда!..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та жэ декорація, что и въ предъидущемъ дѣйствій.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алина, Гекторъ.

Гекторъ.

Да, сударыня, я исполнилъ ваше порученіе, и послѣ стола тотчасъ побѣжалъ къ Викторіи Жиро, пригласить ее, отъ вашего имени, сегодня, на вечеръ.

Алина.

И она обѣщала быть.

Гекторъ.

Да, и такъ мило, такъ обворожительно.... Она позволила мнѣ зайти за нею, вести ее сюда, а ея отецъ, виноторговецъ, Г-нъ Жиро, который смотритъ на это въ простотѣ сердца, сказалъ, провожая меня: «Не знаю, мой любезный, можетъ быть и ошибаюсь, но, право, мнѣ кажется, что она васъ любитъ.» Да, онъ сказалъ мнѣ это!

Алина

Можетъ ли быть?

Гекторъ.

Слово въ слово, И если бы я хотѣлъ похвастать, что совсѣмъ не въ моемъ характерѣ, я могъ бы подумать, что онъ сказалъ правду: In vino veritas...

Алина (*не понимаетъ его*).

Что такое?

Гекторъ.

Ничего, это по-Латинѣ... Но въ такой радости, по чувству благодарности къ ней, не хочу имѣть отъ нея тайны — и скажу ей все.

Алина (*протягивая ему руку*).

Вотъ это прекрасно, и я послѣ этого мирюсь съ вами.... Но, впрочемъ, говорить ей нечего: я уже все разсказала ей...

Гекторъ.

Какъ?...

Алина.

И про дуэль вашу, какъ вы ранили вашего противника...

Гекторъ (*въ испугѣ*).

Помилуйте?

Алина.

Я должна была это сдѣлать.

Гекторъ (*прежнимъ тономъ*).

Все погибло!

Алина.

Напротивъ, она съ удивленіемъ и съ восторгомъ воскликнула: «Баландаръ дрался!... Баландаръ выходилъ на дуэль!»... И потомъ, если бъ вы видѣли, съ какимъ участіемъ распрашивала она о васъ.

Гекторъ (*внѣ себя*).

Она меня любитъ!

Алина.

Поклявшись сначала, что никогда не будетъ называться madame Баландаръ. Ей именно не нравилось ваше имя, — она сама призналась мнѣ въ этомъ.

Гекторъ.

Ну, такъ ей стóитъ назваться только madame Гекторъ... вѣдь она любитъ людей храбрыхъ, когда любитъ меня...

Алина.

Непонятная вещь!

Гекторъ.

Какъ, и вы...

Алина.

Я говорю о ея воинственномъ воображеніи....

Гекторъ.

Которое можетъ представить опасную сторону... Согласитесь сами, если, чтобъ ей нравиться, надобно было бы драться каждую недѣлю... Вы, конечно, скажете мнѣ, кто разъ доказалъ свою храбрость, тому ужъ нечего...

Алина.

Разумѣется. Но скажите мнѣ... вѣдь вы знаете все... отчего Эммерикъ за завтракомъ былъ такъ печаленъ и молчаливъ?

Гекторъ (*весело*).

Я не замѣтилъ... я ѣлъ, пилъ, говорилъ.... Я былъ такъ радъ, когда наконецъ услышалъ, что уѣхала карета.

Алина.

Что?... Какая карета?

Гекторъ (*спохватившись*).

Ничего... пренесносный кліентъ, котораго я старался избѣжать... А при томъ же, всякъ счастливъ по-своему: я когда счастливъ, такъ весь наружу, а онъ наслаждается счастіемъ своимъ безмолвно.

Алина.

Нѣтъ, тутъ что-то есть... Когда уѣхали вы и мой крестный папенька, батюшка подошелъ ко мнѣ, и хотѣлъ что-то сказать, но Эммерикъ удержалъ его, и хоть они говорили тихо, но я могла разслышать слова: «Я самъ.... ради Бога, я самъ.... Даю вамъ слово»...

Гекторъ.

Что это значитъ?

Алина (*весело*).

Какія-то дѣла, которыя касались батюшки... потому что онъ вышелъ, и оставилъ насъ однихъ... оно нисколько меня не испугало... говорятъ, что это принято между женихомъ и невѣстою... Эммерикъ съ трепетомъ сказалъ мнѣ: Алина!... я долженъ признаться вамъ... вы должны знать, что люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ... что я не могу жить безъ васъ... (*весело*). Къ чему вздумалось ему открывать эту тайну?... Развѣ надобно еще говорить о томъ?... Но когда онъ говорилъ это, мнѣ показалось, что у него въ глазахъ были слезы....

Гекторъ (*въ сторону*).

Боже мой!

Алина.

Я говорю *мнѣ показалось*, потому что онъ убѣжалъ даже не взглянувъ на меня.

Гекторъ (*въ сторону, съ досадой*).

Ея правда... что нибудь да есть!...

Алина.

Что жъ можетъ быть такое? Не догадываетесь ли вы?

Гекторъ.

Кто знаетъ?... Какая нибудь неудача... Его очень безпокоитъ и тревожитъ новая опера... и для васъ, особенно... если вы его любите за его славу, какъ Викторія любитъ меня за мою храбрость...

Алина.

Полноте... Это не можетъ быть!

Гекторъ.

Развѣ какое нибудь затрудненіе въ его финансахъ... онъ, вѣдь артистъ... долги, можетъ статься, въ которыхъ онъ не хочетъ признаться вашему батюшкѣ.

Алина.

Вы думаете?... Но, вотъ и онъ... Оставьте насъ, пожалуйста....

Гекторъ (*подходитъ къ Эммерику, который выходитъ изъ боковой двери съ лѣвой стороны*).

Что еще?...

Эммерикъ (*въ величайшемъ безпокойствѣ*).

Скажу тебѣ послѣ... Оставь насъ...

Гекторъ (*въ сторону*).

Нечего дѣлать.... когда этого хотятъ оба... Пойдемъ за Викторіей...

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Алина, Эммерикъ.

Эммерикъ (*въ сторону и смотря на Алину*).

Въ этотъ разъ, буду ли я имѣть болѣе твердости... Однако жъ надо... я обѣщалъ отцу ея самому разрушить счастіе и всѣ мои надежды.

Алина (*въ сторону*).

Немножко похитрить, и я, вѣрно, узнаю, что его такъ тревожитъ.

Эммерикъ (*въ замѣшательствѣ*).

Алина!...

Алина.

Ну, что?

Эммерикъ (*также*).

Вы говорили съ Баландаромъ...

Алина.

Да, о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, о молодыхъ людяхъ, друзьяхъ его... (*съ живостію.*) И мы говорили, что очень естественно, когда молодой человѣкъ, пріѣзжающій въ Парижъ безъ состоянія... какой бы талантъ у него ни былъ, не можетъ тотчасъ упрочить свое положеніе и жить въ независимости... Пока дождешься успѣха, надобно существовать... слѣдовательно, очень естественно, что онъ принужденъ занимать, входить въ долги. (*Движеніе Эммерика*). Тутъ нѣтъ ничего дурнаго.... напротивъ, тѣмъ болѣе должно его за это уважать.

Эммерикъ (*съ удивленіемъ*).

Къ чему вы мнѣ это говорите?

Алина.

Къ чему?... Очень натурально, что не хотитъ открыться своему тестю... а тесть не понимаетъ или смотритъ на вещи съ дурной стороны... но двоюродная сестра... невѣста.... я, напримѣръ...

Эммерикъ.

Какъ? вы можете думать? Васъ обманули... клянусь честію... увѣряю васъ!...

Алина.

Ахъ, тѣмъ хуже!...

Эммерикъ.

И вы хотѣли...

Алина.

Все раздѣлить съ вами... Теперь оно меня привело бы въ восторгъ... а скоро это будетъ и долгъ мой... Почему же и вы не слѣдуете моему примѣру?... Развѣ и горести ваши не принадлежатъ мнѣ?

Эммерикъ.

Ахъ, чѣмъ болѣе слушаю васъ, тѣмъ болѣе вижу невозможность повѣрить ихъ вамъ.

Алина.

А я такъ понимаю теперь.

Эммерикъ (*испугавшись*).

Что вы говорите?

Алина.

Конечно, я буду гордиться вашими успѣхами, буду счастлива, нося имя, которое всякій произноситъ съ уваженіемъ... но не въ дни вашего торжества буду я любить васъ болѣе всего... Въ упоеніи славы, я для васъ буду лишняя... Да, у самаго искуснаго, у самаго счастливаго артиста бываютъ дни сомнительной или роковой борьбы... Тогда-то буду я подлѣ васъ... сердце мое будетъ биться вашими опасеніями и вашими надеждами. Чтобы ободрить васъ, я скажу: Не унывайте! или буду бояться вмѣстѣ съ вами... А если намъ суждено будетъ пасть... о, какъ я тогда буду любить васъ!.. да, тогда я буду необходима вамъ... любовь моя будетъ возрастать съ вашими горестями.... и если вы сомнѣваетесь въ этомъ... попробуйте быть несчастными—увидите...

Эммерикъ.

О, вы лучшее, превосходнѣйшее существо на землѣ!...

Алина.

Нѣтъ, нѣтъ... но я знала, что попаду на настоящую причину... И такъ, полноте же... Прочь всякая боязнь, всякое опасеніе... вы не должны имѣть ихъ болѣе... *(Съ любовію)* У меня ихъ больше нѣтъ... А посмотрите, какая блистательная будущность открывается передъ нами!... друзья, уваженіе... хорошее состояніе... и, что лучше всего — счастіе... мы такъ страстно любимъ другъ друга... мы молоды оба, и еще долго можемъ любить...

Эммерикъ *(вић себя)*.

О, вѣчно, всю жизнь!... *(останавливаясь)* Нѣтъ, не то я хотѣлъ, не то долженъ былъ сказать... но, слушая ее, я забылся, видѣлъ передъ собою болѣе, нежели друга.... видѣлъ жену...

Алина *(бросаясь къ нему въ объятія)*.

Да, да, не правда ли?

Эммерикъ *(съ восклицаніемъ, прижимаетъ ее къ сердцу)*.

О !!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Эммерикъ, Алина, Клеранбо.

Клеранбо *(подходя, съ сердцемъ)*.

Что это я вижу?

Алина.

Не безпокойтесь, папенька; мы было поспорили, а теперь помирились... Вотъ и все.

Клеранбо.

Такъ-то держите вы слово ваше, милостивый государь?

Алина.

Велика бѣда!... Въ день сговора...

Клеранбо.

Оставь насъ.

Алина.

Какъ папенька сердитъ... Болѣе меня.. *(смотритъ на Эммерика)* я ему простила.

Клеранбо.

Прошу тебя — оставь насъ.

Алина *(подходя къ нему)*.

Сейчасъ, папенька... но я хотѣла попросить васъ...

Клеранбо *(съ нетерпѣніемъ)*.

Говорятъ тебѣ, хорошо; я не забуду ни о чемъ....

Алина.

Прекрасно! Вы забыли самое главное: жены моего крестнаго отца, Г-жи де Сенъ-Жеранъ, вы и не позвали... это ужасная неучтивость, которую, впрочемъ, я загладила отъ вашего имени... и она пріѣдетъ, будьте спокойны... Иду, иду. *(Весело подбѣгаетъ къ Эммерику)*. Прощайте, Эммерикъ. *(Взглянувъ на отца, приседаетъ съ серіознымъ видомъ.* Прощайте-съ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клеранбо, Эммерикъ.

Клеранбо.

Вы хотѣли сказать сами, а не черезъ меня... и я предпочелъ это... потому что мнѣ она могла бы, пожалуй, не повѣрить. Вы взялись объявить моей дочери, что не любите ея, что любите другую, и, не смотря на ваше честное слово...

Эммерикъ.

Требуйте отъ меня такихъ клятвъ, которыя не противны были бы чести, и не заставляли бы меня быть лжецомъ... Повторяю вамъ, я не люблю никого на свѣтѣ, кромѣ Алины, что съ Г-жею де Сенъ-Жеранъ кончено все... и что она пришла сюда совершенно противъ моей воли

Клеранбо.

И послѣ свадьбы вашей, она, также противъ вашей воли, составитъ несчастіе моей дочери.

Эммерикъ.

Никогда!... Она ошибалась... Она приняла за любовь мой отъѣздъ... жертву, которая составляла мое несчастіе... Но теперь, когда она внѣ всякой опасности, я болѣе съ нею не увижусь... Ничто не измѣнитъ моего намѣренія.

Клеранбо.

Можете ли вы это знать? Вы не были здѣсь, когда она, заливаясь слезами, бросилась къ ногамъ моимъ, и при видѣ этой бѣдной женщины, разстроенной, блѣдной, въ молодости уже въ такомъ несчастіи, и притомъ красавицы... я былъ тронутъ, не имѣлъ силы упрекать ей... я думаю даже, что простилъ ей... я, милостивый государь, я, шестидесяти лѣтъ отъ роду, а вамъ только двадцатьпять.

Эммерикъ.

О, Боже мой!

Клеранбо.

Нѣтъ, я не подвергну счастія и всей будущности моей дочери такой опасности; не говорю ужъ о толкахъ и пересудахъ, обыкновенныхъ слѣдствіяхъ подобныхъ связей... не говорю объ отчаяніи благороднаго человѣка... который никогда не проститъ!.... нѣтъ!... Положимъ, что случай, благопріятствовавшій вамъ до сихъ поръ, закроетъ всѣмъ глаза; но вы не закроете глазъ моей дочери... и мнѣ видѣть, какъ она, бѣдное дитя, пораженное въ сердце, будетъ изнывать въ слезахъ, умретъ, можетъ быть,не жалуясь, не обвиняя васъ... Но я буду обвинять себя, я... я, который все зналъ, и ничего не предвидѣлъ,я, который, для избавленія ея отъ минутной горести, повергъ бы ее въ вѣчныя страданія и несчастія.... Нѣтъ, нѣтъ! я рѣшился, и...

Эммерикъ.

Если васъ не устрашаетъ мое отчаяніе, по крайней мѣрѣ, должно устрашить отчаяніе вашей дочери.

Клеранбо.

Я самъ буду утѣшать ее, увезу ее, уѣду съ нею, буду исполнять всѣ ея желанія, кромѣ этого одного... и со временемъ, при моемъ состояніи... притомъ же, вы не одни на свѣтѣ... она забудетъ васъ... другія мысли.

Эммерикъ.

Никогда!...

Клеранбо.

Я прикажу ей, я отецъ ея... или, по крайней мѣрѣ, постараюсь, чтобъ она полюбила другаго...это единственное средство спасенія... тогда какъ если бъ она была за мужемъ... (*хочетъ итти*) Однимъ словомъ, такъ какъ вы не рѣшились сдержать слова и сказать ей, что отказываетесь...

Эммерикъ.

Я хотѣлъ, я пытался... это выше силъ моихъ... И если бъ она была здѣсь, я бы могъ только пасть къ ея и къ вашимъ ногамъ... Такая жестокость не въ вашемъ характерѣ... я вижу, вы тронуты моею горестію...

Клеранбо.

Можетъ быть, потому что я, противъ воли своей, жалѣю о тебя — я тебя люблю, всегда буду любить, какъ племянника, но не какъ зятя... И такъ какъ ты не можешь болѣе ни видѣться, ни говорить съ нею, напиши къ ней, — это еще лучше, убѣдительнѣе... (*показывая на столъ съ лѣвой стороны.*) Садись здѣсь, и пиши.

Эммерикъ.

Что мнѣ сказать ей!

Клеранбо.

Я продиктую тебѣ: «Алина! Должно быть откровеннымъ: я васъ болѣе не люблю...»

Эммерикъ.

Но еще разъ повторяю вамъ, что люблю ее самою искреннею, самою чистою, самою истинною, самою пламенною любовію, и напишу все, что вамъ угодно, — кромѣ этого.

Клеранбо (*съ нетерпѣніемъ*).

Ну, такъ придумаемъ другой предлогъ. (*Диктуетъ*): «Я васъ люблю.»

Эммерикъ.

Это другое дѣло (*нѣжно.*) «Я васъ люблю!»..

Клеранбо.

«Но долженъ признаться вамъ, что вашъ характеръ...

Эммерикъ (*останавливается, и съ жаромъ*).

Характеръ самый кроткій, самый любезный...

Клеранбо.

Совершенно согласенъ.

Эммерикъ (*такъ же*).

Умъ, любезность, превосходное сердце!....

Клеранбо (*съ гордостію*).

Повѣрю.

Эммерикъ (*съ живостію*).

Вы сами сознаетесь въ этомъ; видите, что я ничего не могу сказать противъ ея характера; это было бы нелѣпо. неправдоподобно... Она никогда этому не повѣритъ.

Клеранбо (*съ сердцемъ*).

Надобно, однако жъ, кончить,... и скажете ли вы или нѣтъ о причинѣ вашего отказа, но отказаться должно... потому что честь друга и безопасность вашей жизни не позволяютъ мнѣ говорить и высказать всю правду.

Эммерикъ (*въ сторону*).

О, когда такъ, говорите... это лучше!.. Если надо умереть... то пусть же другой возьметъ на себя трудъ позаботиться объ этомъ; по крайней мѣрѣ, не я самъ подпишу себѣ смертный приговоръ—подпишете его вы.

Клеранбо.

Милостивый государь!... Боже мой! Сенъ-Жеранъ.

Эммерикъ (*разрываетъ бумагу, которую началъ было писать*).

Тѣмъ лучше! Говорите все при немъ, вы имѣете на то право.

Клеранбо.

Я!...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Клеранбо, Г. де Сенъ-Жеранъ.

Сенъ-Жеранъ.

Что такое? Что еще?

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Что... ничего, мой другъ, ничего.

Сенъ-Жеранъ.

То есть, что тестюшка съ зятюшкой все спорятъ. (*Къ Клеранбо*) А если ты и теперь такъ же правъ, какъ тогда, поутру.... Въ чемъ дѣло?...

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Я ему что-то диктовалъ... онъ писалъ... нѣтъ, не хотѣлъ писать...

Сенъ-Жеранъ (*смотря на Эммерика*).

Къ той женщинѣ...

Клеранбо (*также*).

Къ той женщинѣ, которая отъ него не отказывается... напротивъ...

Сенъ-Жеранъ.

Такъ онъ опять съ нею видѣлся?

Клеранбо (*также*).

Нѣтъ, нѣтъ... это я... она приходила сюда... она противится этому браку... она мнѣ сама сказала это.

Сенъ-Жеранъ.

Такъ онъ еще любитъ ее?

Эммерикъ (*съ презрѣніемъ и досадой*).

Я?.. Я ненавижу ее!

Сенъ-Жеранъ (*Эммерику*).

Такъ должно написать къ ней. (*къ Клеранбо*) А онъ не хочетъ.

Клеранбо.

Да.

Сенъ-Жеранъ (*строго*).

Онъ не правъ... подобныя связи не распутываются, а разрываются вдругъ, ра-

зомъ.... когда дѣло до дошло того... такъ ужъ нечего ни церемониться, ни деликатничать... А притомъ, такъ какъ эта любовь сдѣлалась для тебя несносною, надобно не писать къ ней, но сказать... прямо, въ глаза...

Клеранбо (*съ живостію*).

Этого не достаточно.

Сенъ-Жеранъ (*съ удивленіемъ*).

Какъ?

Клеранбо.

Этого недостаточно было бы для меня... которому она объявила, что никогда не согласится на эту свадьбу... А до тѣхъ поръ, пока она не согласится и не станетъ сама просить меня...

Эммерикъ (*съ сердцемъ*).

А это не возможно...

Сенъ-Жеранъ (*также*).

Да ты просто отрекаешься отъ своего слова.

Клеранбо (*также*).

Разумѣется... я этого-то и хочу.

Лакей.

Г-жа де Сенъ-Жеранъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эммерикъ, Сенъ-Жеранъ, Луиза, Клеранбо.

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Графиня!

(*Луиза низко ему присѣдаетъ*).

Сенъ-Жеранъ.

Жена моя... пріѣхала на вечеръ... для подписанія контракта свадьбы... которая теперь разстроилась.

Луиза (*съ радостію, которую старается скрыть*).

Можетъ ли быть?

Сенъ-Жеранъ (*съ досадою*).

Да.... новыя препятствія.... (*показывая на Эммерика*). Онъ отказывается...

Луиза (*съ радостію*).

Да почему же?

Сенъ-Жеранъ (*Луизѣ, въ полголоса*).

Изъ-за женщины...

Луиза (*съ радостію и нѣжно*).

Вѣрно, онъ очень любитъ ее?

Сенъ-Жеранъ (*также*).

Напротивъ, онъ ее ненавидитъ, проклинаетъ...

Луиза (*въ сторону*).

Боже мой!

Эммерикъ (*съ живостію*).

Позвольте!

Клеранбо (*также*).

Онъ этого не сказалъ.

Сенъ-Жеранъ (*также*).

Какъ не сказалъ?... Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ... онъ сознался, что эта любовь тяготитъ его, что она для него несносна.

Луиза (*тронутая*).

Но какъ же такія чувства могутъ быть неизвѣстны этой женщинѣ?

Сенъ-Жеранъ (*также въ полголоса*).

Почемъ я знаю? Какія-то глупыя церемоніи, неумѣстная деликатность мѣшала сказать ей это прямо. (*Громко и настойчиво*). Я же говорю рѣшительно, что она должна узнать это, если бъ даже мнѣ самому пришлось ей высказать?

Луиза (*съ живостію*).

Вы совершенно правы.

Сенъ-Жеранъ.

Не правда ли?

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ради Бога!...

Сенъ-Жеранъ (*показывая на Эммерика*).

Онъ не хочетъ... не смѣетъ... Посмотрите, пожалуйста... одна мыслью томъ приводитъ его въ ужасъ...

Луиза (*съ презрѣніемъ смотритъ на Эммерика, который потупляетъ глаза*).

Да, вы говорите правду.

С ъ-Жеранъ (*къ Клеранбо*).

Теперь, другъ мой, я знаю только одно средство. Я пойду, приведу сюда мою крестницу: можетъ быть, присутствіе ея придастъ ему твердость, которой теперь недостаетъ у него; а не то, я буду думать также, какъ и ты, что онъ не достоинъ ея, если хоть на минуту станетъ колебаться въ выборѣ между тою, которую любитъ, и тою, которой болѣе не любитъ... (*Выходитъ въ боковую дверь въ правой сторонѣ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Луиза, Эммерикъ, Клеранбо.

Луиза (*падаетъ въ кресла съ лѣвой стороны, подлѣ стола*).

Ахъ!..

Эммерикъ (*слѣдитъ взоромъ за С. Жераномъ, который входитъ въ боковую дверь съ правой стороны, потомъ приближается къ Луизѣ*).

Ради Бога... Выслушайте меня!...

Луиза (*дѣлаетъ ему рукою знакъ, чтобы онъ удалился*).

Оставьте меня!

Клеранбо (*подходя къ ней*).

Да, сударыня, вѣрьте... ручаюсь вамъ..

Луиза (*дѣлаетъ знакъ рукою, чтобы онъ замолчалъ*).

Довольно!...

Взглянувъ на столъ, ни которомъ лежитъ перо и бумагу, она садится къ столу и въ сильномъ волненіи начинаетъ писать очень поспѣшно.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Луиза *у стола съ лѣвой стороны, пишетъ*; Клеранбо, Эммерикъ, Гекторъ *выходитъ изъ задней двери.*

Гекторъ (*бѣжитъ къ Эммерику*).

Другъ мой! я привезъ Викторію съ ея отцемъ... Благодаря тебѣ, она согласна... выйти за меня замужъ... Завтра подписываемъ контрактъ.

Эммерикъ (*указывая ему на Луизу*).

Тише!

Гекторъ.

Мы пропали .. Она здѣсь!...

Клеранбо (*Эммерику указывая ему на Гектора*).

Такъ онъ знаетъ?

Гекторъ (*въ полголоса*).

О, да, совершенно противъ воли.

Эммерикъ (*смотритъ направо*).

Идутъ...

Клеранбо (*Луизѣ*).

Ради Бога, сударыня, берегитесь... Сюда идутъ...

Луиза (*продолжая писать*).

Оставьте меня! прошу васъ!..

Эммерикъ (*смотритъ въ правую сторону*).

Г-нъ де Сенъ-Жеранъ!

Гекторъ (*къ Клеранбо*).

Ея мужъ!...

Клеранбо (*Луизѣ*).

Вашъ мужъ!...

Луиза (*холодно*).

Такъ чтожъ ?...

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Луиза *за столомъ пишетъ*; Клеранбо и Гекторъ *предъ нею, стараются закрыть ее*; Эммерикъ *идетъ на встрѣчу къ* Сенъ-Жерану, *который выходитъ изъ боковой двери, держа* Алину *за руку.*

Сенъ-Жеранъ.

Пожалуйте, Алина, пожалуйте... вы узнаете зачѣмъ.

Алина (*весело*).

Зачѣмъ принимать таинственный видъ... Я очень знаю для чего... подписать контрактъ.... нотаріусъ уже пріѣхалъ... и я прикажу все приготовить...

(*Идетъ въ глубину театра, приказываетъ лакеямъ поставить посреди сцены столъ и кресла, и потомъ выходитъ въ заднюю дверь, и, спустя нѣсколько минутъ, возвращается съ нотаріусомъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Луиза, Клеранбо, Гекторъ, Эммерикъ, С. Жеранъ.

Луиза (*въ ту минуту, когди Алина выходитъ, встать изъ-застола, подходитъ къ Клеранбо, и передаетъ ему потихоньку письмо.*)

Прочтите сударь.

Клеранбо.

Боже мой!

((*Луиза отъ него отходитъ.*)

Гекторъ (*съ живостію подходитъ къ ней*).

Какъ?

С. Жеранъ (*находящійся, въ отдаленіи съ правой стороны, обращается въ эту минуту Клерчибо и къ Гектору*).

Что такое?

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Письмо!

Сенъ-Жеранъ.

Когда жъ вы его получили?

Клеранбо (*въ смущеніи показываетъ на Гектора, кошорый стоитъ подлъ него*).

Да, да... вотъ Баландаръ мнѣ его принесъ....

Гекторъ (*въ сторону*).

Опять я!

Сенъ-Жеранъ (*подходитъ*).

Письмо отъ нея, посмотримъ!...

Гекторъ (*стоя между ними обоими, протягиваетъ руку чтобзакрыть письмо*).

Мнѣ приказано не показывать этого письма никому, кромѣ Г. Клеранбо...

Клеранбо.

Правда.

Сенъ-Жеранъ.

Когда такъ... ну, такъ читайте же...

Луиза (*съ достоинствомъ*).

Да, читайте, читайте въ слухъ!...

Клеранбо (*читая съ чувствомъ*).

Умоляю васъ, милостивый государь, отдать дочь вашу за Эммерика д'Альбре, потому что между нимъ и мною все и навсегда кончено; клянусь вамъ въ этомъ, и если вы можете еще сомнѣваться, это письмо, отъ котораго зависятъ жизнь и счастіе мое, послужитъ вамъ вѣрнымъ ручательствомъ моего слова. Письмо подписано.....

Гекторъ и Эммерикъ.

Возможно ли?

Клеранбо.

Подписано, говорю я вамъ.

Сенъ-Жеранъ.

Что жъ!... эта женщина... хотя и виновата... но...

Клеранбо (*перебирая его поспѣшно*).

Неправда ли? (*съ жаромъ, убирая рукой но письму, которое онъ сложилъ*).

Прекрасно!.. Превосходно!....

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

(Алина, Луиза, Клеранбо, Сенъ-Жеранъ, Гекторъ, Эммерикъ.

Алина (*входитъ изъ заднихъ дверей и слышитъ только послѣднія слова*).

Что такое, папенька, что такое?

Клеранбо (*съ живостію.*)

До тебя не касается... Гдѣ нотаріусъ?

Алина.

Вотъ онъ.

(*Всѣ обращаются и идутъ къ приготовленнымъ мѣстамъ; нотаріусъ сидитъ у стола, на которомъ множество восковыхъ свѣчъ, только двѣ изъ нихъ зажжены; по правую сторону полукругомъ разставлены кресла.*)

Клеранбо.

Прекрасно!

Сенъ-Жеранъ.

Ну, давайте подписывать.

Алина.

Какое счастіе!

(*Алина и Эммерикъ помѣщаются одинъ по правую, а другая по лѣвую сторону нотаріуса; онъ подаетъ имъ перо, они оба подписываютъ.*)

Клеранбо (*находящійся съ лѣвой стороны отъ зрителя, проходитъ черезъ театръ, свертывая въ трубочку письмо, которое онъ держалъ.*)

А что касается до этого письма...

(*Подходитъ къ столу съ правой стороны, лицемъ къ зрителямъ, и подноситъ письмо къ одной изъ зажженныхъ свѣчей.*

Луиза.

Что вы дѣлаете?

Клеранбо (*съ выраженіемъ смотря на Луизу.*)

Для меня довольно ясно... (*Зажигаетъ письмомъ другія свѣчи,* но Г-ну нотаріусу не темно ли?...

(*Нотаріусъ наклоняется, благодаря его*).

Сенъ-Жеранъ (*женѣ своей, указывая на Клеранбо*).

Точно, можно вполнѣ повѣрить.

(*Актеры становятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Луиза, Сенъ-Жеранъ впереди, съ лѣвой стороны; Алина стоитъ позади стола, подлѣ нотаріуса, нотаріусъ сидитъ; Эммерикъ стоитъ подлѣ него позади стола; Клеранбо съ правой стороны передъ столомъ; Гекторъ съ правой стороны отъ зрителей, съ края на авансценѣ*).

Клеранбо (*подписываетъ столъ, по правую сторону, передъ столомъ*).

Сегодня контрактъ, а черезъ нѣсколько дней и свадьба, потому что мы ѣдемъ въ Бордо, всѣ вмѣстѣ.

Сенъ-Жеранъ (*подписываетъ столъ, по лѣвую сторону передъ столомъ*).

Какъ вы счастливы! И я также ѣду завтра. (*Переходитъ на лѣвую сторону, къ женѣ*) Но ѣду одинъ. (*Сенъ-Жеранъ и Луиза на авансценѣ; Клеранбо проходитъ позади стола и садится подлѣ нотаріуса; нотаріусъ, Алина, Гекторъ*).

Луиза.

Но, можетъ быть....

Сенъ-Жеранъ (*съ живостію*).

Что такое?... Что такое?...

Луиза (*на авансценѣ съ мужемъ*).

Сегодня утромъ меня увѣрили... мнѣ даже доказали, что присутствіе мое въ Мартиникѣ необходимо!...

Сенъ-Жеранъ.

Кто жъ это?

Луиза.

Вашъ адвокатъ... Г-нъ Баландаръ.

Гекторъ (*въ сторону*).

Опять я!... Да что жъ это я за всеобщій стряпчій!

Сенъ-Жеранъ (*съ радостію*).

Вотъ безподобно... а вы такъ боялись моря!...

Луиза (*въ безпокойствѣ стараясь улыбнуться*).

Ваша правда... но есть слабости, которыя должно превозмочь стыда ради.... и это очень легко... когда чувствуешь неприличіе... (*подходитъ къ столу*) Не моя ли очередь... Г-нъ нотаріусъ?

Алина (*подаетъ ей перо*).

Вотъ здѣсь... подлѣ меня....

Гекторъ (*смотритъ на Луизу, которая подписываетъ*).

Наконецъ!... И не безъ хлопотъ!

Алина (*Гектору*).

Теперь вамъ, Г. Баландаръ.

Гекторъ (*беретъ перо*).

О Викторія!... (*подходитъ къ столу*). Скоро и мы такъ будемъ подписывать!... (*Сенъ-Жеранъ сидитъ съ лѣвой стороны, Луиза подлѣ него, потомъ Клерамбо, нотаріусъ, также сидятъ; Алина за столомъ, подлѣ него; Гекторъ стоя подписываетъ, Эммерикъ подлѣ него, съ правой стороны сцены*).

Алина (*Гектору на ухо, когда тотъ подписываетъ*).

Признаться... Счастье лучше богатырства....

Гекторъ (*тихо Эммерику*).

Слышишь!

Алина (*также*).

Пусть же это послужитъ вамъ урокомъ, и впередъ будьте осторожнѣе!..

Гектотъ.

Да, сударыня... (*сжимая руку Эммерика*). Это мы вамъ искренно обѣщаемъ!

(*Всѣ сидятъ или собрались вокругъ стола. Завѣса опускается*).

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Статья Князя А. А. Шаховскаго.)

ЭПОХА 1-Я. ТРАГЕДІЯ.

(Окончаніе.)

Въ 1758 году, представлена на Императорскомъ Театрѣ трагедія *Ярополкъ и Демиза*, и, кажется, безъ большаго успѣха. О ней даже ни одинъ изъ самыхъ жаркихъ защитниковъ Сумарокова не вспоминаетъ, и она, по справедливости, не заслуживаетъ воспоминаній, не представляя ни какихъ сценическихъ и стихотворныхъ красотъ. Изъ всѣхъ любовныхъ небылицъ тогдашняго театра, нѣтъ ни одной ничтожнѣе ея. Какой-то небывалый Князь Россійскій, будто бы сынъ Кія, Владисанъ, хотѣлъ женить единственнаго сына и наслѣдника своего, Ярополка, неизвѣстно на какой сосѣдственной Княжнѣ; но Ярополкъ, влюбленный въ Демизу, дочь Владисанова Вельможи, Силотѣла, противится сему государственному союзу. Демиза, влюбленная въ Ярополка, отрекается за него выйти за мужъ. Но этого не довольно для Владисана; онъ требуетъ, чтобъ она непремѣнно вышла за другаго, хоть бы за кого нибудь! Что же изъ этого слѣдуетъ? Безконечная элегія между любовниками, безконечныя угрозы Владисана, то сыну, то его любовницѣ, то ея отцу. Наконецъ, Владисанъ заключаетъ всѣхъ ихъ въ темницы и даже наперсника своего Русима, и велитъ казнить Демизу, за то, что она хочетъ скрыться въ пустыню, а не хочетъ выходить замужъ ни за кого, кромѣ Ярополка. Эшафотъ, какъ разсказываетъ Русимъ, выбѣжавшій изъ тюрьмы, готовъ; Демиза на немъ; стража ведетъ Ярополка. Возлѣ эшафота, страстный любовникъ вырывается у стражи, призываетъ на помощь народъ, и отнимаетъ любовницу изъ рукъ палача. Русинъ, услышавъ объ этомъ возмущеніи, беретъ мечъ, бѣжитъ съ винами на лобное мѣсто; но дѣло обошлось безъ казни. Добродѣтельная Демиза убѣждаетъ любовника и народъ повиноваться Государю, который, приказавъ Русиму привести всѣ дѣйствующія лица, говоритъ:

«Мой сынъ противъ меня съ оружіемъ возсталъ,
Не сына я себѣ, но тигра воспиталъ;

Удобно ли сказать, тебя зря въ жизни злостной,
Разбойникъ сей рожденъ отъ крови вѣнценосной.»

Послѣ такихъ ругательныхъ словъ и тигромъ, и разбойникомъ, должно бы ожидать ужасныхъ бѣдъ; но, страсть Сумарокова къ внезапнымъ перемѣнамъ, перевернула все по-своему. Преступный сынъ и ни въ чемъ не виновная Демиза и Силотѣлъ приводятся стражею предъ разъяреннаго Владисана. Ярополкъ, объявя въ четырехъ стихахъ, что ему нельзя больше жить на свѣтѣ, говоритъ:

«Къ Демизѣ уменьшить я страсти не умѣлъ,
Но предпріятія другаго не имѣлъ,
Какъ лишь любовницу отъ смерти злой избавить,
Ее съ собою взять и городъ сей оставить.

Владисанъ (*спрашиваетъ Демизу*).

Чего достоинъ онъ?

Демиза (*отвѣчаетъ*).

Достойны мы умреть:
Стремись послѣдній жаръ любови нашей зрѣть,
И буди вѣрности ты нашея свидѣтель.»

Что же въ этихъ стихахъ очень умилительнаго и убѣдительнаго? Однако же, оскорбленному Государю и отцу, который за минуту предъ тѣмъ кричалъ, что онъ породилъ не сына, а тигра, спрашиваемъ: удобно ли сказать ему, что сей разбойникъ рожденъ отъ вѣнценосной крови? Онъ внезапно восклицаетъ:

«Но превосходная Демизы добродѣтель,
Иной даетъ уставъ и гонитъ казни прочь...
Ты мнѣ любезный сынъ, ты мнѣ любезна дочь!»

И соединяя любезнаго сына съ любезною дочерью, заключаетъ трагедію въ Вольтеровскомъ родѣ, только набожнѣе:

«А я уже того не позабуду въ вѣкъ,
Что я хотя и Царь, такой же человѣкъ!
И что я множество зря смертныхъ подъ ногами,
Такая жъ, какъ они, былинка предъ богами!»

Если бъ Ярополкъ и Демиза, Гамлетъ, и будто бы Новгородскій Князь Вышеславъ были единственными трагедіями Сумарокова, то, конечно, ему самому не бывать бы отцемъ Русскаго Театра. Кажется, что *Семира* истощила послѣдній запасъ драматической занимательности, умиленія, чувствъ и даже стихотворства ея сочинителя! Сумароковъ, въ девятнадцать лѣтъ такъ истратилъ воображеніе свое на тогдашнюю трагическую любовь, что хотя въ *Вышеславѣ* онъ выдумалъ поднять ее на ходули великодушія, и испестрить умозрительными изреченіями, но не могъ уже обновить устарѣлаго. Вотъ содержаніе этой новой погудки на старый ладъ. Какой-то, будто Новгородскій Великій Князь Вышеславъ, завоевалъ Искорость, взялъ въ плѣнъ Княжну Искоростскую Зениду, и сгоряча, въ радости отъ побѣды, не разсмотрѣвъ плѣнницы, подарилъ ее Искоростскому Князю Любочесту, за то, что онъ ему усердно служилъ при истребленіи своего отечества. Но когда Вышеславъ вглядѣлся хорошенько въ свой неосторожный подарокъ, то самъ смертельно влюбился въ чужую невѣсту, также какъ и женихъ ея былъ смертельно въ нее влюбленъ, и эта буквально смертельная любовь доказывается двукратнымъ поднятіемъ оружія на самоубійство. Но дѣло обошлось безъ кровопролитія. Зенида воспылала взаимною страстью къ Вышеславу, и вотъ съ какой быстротой и простотой эта страсть объявляется при самомъ женихѣ. Великій Князь, догадавшись, что подаренная имъ невѣста любитъ кого-то другаго, а не жениха своего, требуетъ отъ нея настоятельно, чтобъ она объявила, при женихѣ, имя ея любовника.

Вышеславъ.

Я знать хочу кто онъ,
И если хочешь ты въ винѣ ему прощенья—
Скажи, я удалю его безъ отомщенья.

Зенида.

Не принуждай меня!

Вышеславъ.

Терпѣніе гублю!

Зенида.

Такъ вѣдай, Государь: увы! тебя люблю! —

Любочестъ.

Жестокая, ты мнѣ мученіе сугубишь!

Вышеславъ.

Къ чему, несчастная, несчастнаго ты любишь!

Зенида.

Почто зовешь ты, Князь, несчастнымъ и себя?

Вышеславъ.

Такъ вѣдай, что и ты, и я люблю тебя!

Это короткое и ясное признаніе не отбило однако жъ охоты у Любочеста отъ женитьбы, и не помѣшало Великому Князю сдержать свое Княжеское слово, а Зенидѣ ему повиноваться. Она, по уходѣ Вышеслава, говоритъ своему жениху:

Послѣдуй пагубной и безполезной страсти,
А мнѣ оплакивать дай лютыя напасти!

Любочестъ.

Постой, жестокая, послѣднее внемли!
Змѣя ты, фурія, тма ада на земли!
Неколебимая, мучительница люта!
Пришла уже твоя послѣдняя минута!

Онъ вынимаетъ кинжалъ, но не колетъ, а падаетъ на колѣни предъ змѣей и фуріей, и въ этомъ, казалось бы, еще нѣтъ большаго преступленія, да на бѣду, Вышеславъ издали увидѣлъ поднятый кинжалъ, и хотя засталъ пугателя уже на колѣняхъ, однако жъ, съ перваго слова, осуждаетъ его на казнь и посылаетъ въ темницу, изъ которой, по обыкновенію всѣхъ Сумароковыхъ трагедій, онъ уходитъ, собираетъ войска, нападаетъ и сражается. Князь его побѣждаетъ, беретъ въ полонъ, и прочая — по прежнему! Зенида великодушно заступается за немилаго. Вышеславъ великодушно прощаетъ его, великодушно снова отдаетъ ему, уже разъ подаренную невѣсту; она ведикодушно говоритъ жениху: *ступай, я слѣдую ко храму за злодѣемъ*; отчаянный любовникъ выхватываетъ мечъ и хочетъ заколоться; соперникъ великодушно удерживаетъ его руку, восклицая:

Любочестъ.

Владѣй, о Государь, и скиптромъ и Зенидой.

Зенида и Вышеславъ.

Перемѣняется мечтой въ веселье сонъ!

Зенида.

Не въ явѣ мнѣ сіе: пріятный вижу сонъ.

Я не думаю, чтобы то же могли сказать и зрители этой трагедіи; но вѣроятно, что усыпленіе многихъ изъ нихъ разбудило задремавшій на лаврахъ даръ Сумарокова.

Вышеславъ, представленный въ 1768 году, на Придворномъ Театрѣ, не имѣлъ очень блестящаго успѣха. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій сказывалъ, что замѣченное нѣкоторыми просвѣщенными любителями театра, и въ томъ числѣ, кажется, и имъ, охлажденіе даже и Парижской публики къ прискучившимъ ей повтореніямъ однѣхъ и тѣхъ же театральныхъ любовныхъ нѣжностей, заставили нашего, тогда еще единственнаго трагика изыскивать новые способы къ поддержанію его славы, и они ему очень естественно должны были представиться тамъ же, откуда онъ заимствовалъ прежнія. Вольтеръ уже сочинилъ или перенялъ у Италіянскаго поэта Маффеи трагедію *Меропу* (*), безъ

(*) Хотя Лагарпъ увѣряетъ, что Вольтеръ подражалъ въ Меропѣ, какъ Расинъ въ своей Ифигеніи въ Авлидѣ, Эврипиду; но этого быть не могло, ибо Эврипидова трагедія *Кресфонтъ*, въ которой онъ изобразилъ бѣдствіе Меропы, не дошла до насъ, а Маффеи сочинилъ свою *Мерону* по словамъ Аристотеля, нашедшаго содержаніе ея однимъ изъ самыхъ трагическихъ, и упомянувшаго въ своихъ сочиненіяхъ о нѣкоторыхъ сценахъ Эврипида. Изъ этого ясно видно, что Вольтеръ взялъ ее просто и прямо у современника своего, Маффеи, и чтобъ это благопріобрѣтеніе представить не кражею, а пріятельскимъ займомъ, онъ посвятилъ этотъ трудъ своему заимодавцу, Маффеи, такъ же какъ Магомета, па-

примѣси любовной страсти, а другую, даже безъ женщинъ, выцѣдилъ изъ осмѣяннаго имъ же Шекспирова *Юлія Цесаря*. Сумароковъ это зналъ, но не дерзнулъ на такой смѣлый подвигъ; однако жъ, хотя не безъ примѣси кое-какой любви, рѣшился представить на нашей сценѣ, уже не подъ Русскими именами, не театральную небылицу, а важное историческое событіе, и возбудить въ сердцахъ Русскихъ зрителей священный ужасъ и умиленіе бѣдственной судьбы ихъ Церкви и отечества, подъ тиранствомъ *Самозванца*. (*)

званнаго сначала *Фанатизмомъ*, Папѣ Бенедикту XIV, чтобъ избавиться отъ упрековъ, въ нетолическихъ намекахъ. Кстатѣ о *Магометѣ*, я вспомнилъ о давнишнемъ переводѣ куплета, замысловатаго пѣсенника Колло, на эту трагедію:

Хоть Магомета безъ умолка
И хвалятъ прозой и стихомъ,
А все бъ Корнель сказалъ о немъ:
Что въ немъ ни связи нѣтъ, ни толка;
И что написанъ онъ глупцомъ —
Съ большимъ умомъ.

Это же, кажется, можно сказать и о большей части Вольтеровыхъ трагедій, бывшихъ долго образцами нашимъ трагикамъ, хотя, по несчастію, къ нимъ не подходитъ послѣдній стихъ куплета.

(*) Трое извѣстныхъ сочинителей нашихъ изображали на нашей сценѣ Самозванца, послѣ Сумарокова. Нарѣжный, въ томъ же видѣ, только въ прозѣ и въ формѣ Шекспировыхъ хроникъ; достославный поэтъ нашъ Пушкинъ, держась Исторіи Карамзина, сперва монастырскимъ служкой, потомъ легкомысленнымъ, страстнымъ и заносчивымъ пришлецомъ, занимающимъ второе лице его трагедіи (Борисъ Годуновъ). Наконецъ, А. С. Хомяковъ видѣлъ въ Самозванцѣ, можетъ быть, по указанію Шиллера, взбалмошнаго, любострастнаго, прельщеннаго блескомъ просвѣщенія и славолюбиваго Польскаго наѣздника, только сердцемъ Русскаго, грезящаго славою и величіемъ обманутаго имъ отечества. Но это чувство, предполагаемое въ воспитанникѣ и изверженцѣ праговъ Церкви и силы нашей, кажется мнѣ очень погрѣшительно противъ Исторіи и вѣроподобія, хотя многія историческія стихотворныя и сценическія красоты трагедіи А. С. Хомякова заставляютъ признавать въ ней прекрасный даръ поэта, который, еслибъ захотѣлъ всей душей предаться драматической поэзіи, могъ бы сильно содѣйствовать къ сотворенію народной нашей трагедіи.

(*) Кажется, что Сумароковъ подразумѣвалъ въ Парменѣ Боярина Басманова, воцарившаго Лжедимитрія, котораго не могъ представить, вопреки Исторіи, измѣнившимъ своему творенію; но едва ли Самозванецъ могъ быть такъ простодушенъ съ кѣмъ бы то ни было. И какой злодѣй называлъ себя, да еще и по своей волѣ — злодѣемъ?

Вольтеръ уже показалъ, откуда можно почерпать истинно трагическія дѣйствія и силу, и его вѣрный подражатель захотѣлъ воспользоваться симъ богатымъ источникомъ, однако жъ, съ процѣжью сквозь узкую воронку Французской драматургіи. Шекспировъ *Ричардъ* III, злодѣй и хищникъ престола, хотя не вовсе схожій съ *Самозванцемъ*, возбудилъ въ Сумароковѣ желаніе воспользоваться, если не ходомъ и формой драматической хроники, то нѣкоторыми отдѣльными красотами ея, а именно народностью и лѣтописнымъ содержаніемъ. Сумароковъ, можетъ статься, и безъ точнаго намѣренія, а внезапнымъ вдохновеніемъ его дара, двинулъ нашу трагедію, отъ Французскихъ вымысловъ и предразсудковъ, къ Русскому быту и толку, но все таки придержался, въ характерѣ самаго Лжедимитрія, глупыхъ театральныхъ тирановъ фабрики очень умнаго Вольтера, и чуть ли не перешелъ за границы ихъ чистосердечія съ наперсниками и даже естественно-возможной довѣренности, съ которою Самозванецъ открываетъ злодѣйскую душу своему мнимому приверженцу, Пармену (*).

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ!

Послѣ такого душевнаго покаянія, удивительно, что наперсникъ не побоялся отвѣчать, вѣрно съ неслыханною ни какимъ тиранамъ искренностью:

«Ты много варварства и звѣрства сотворилъ,
Ты мучишь подданныхъ, Россію разорилъ;
Тирански плаваешь ты въ дѣйствіяхъ безчинныхъ,
Сылаешь и казнишь людей ни въ чемъ не винныхъ
Противъ отечества неутомимъ твой жаръ
Прекрасный сталъ сей градъ темницею бояръ;
Отечества сыны всѣ счастьемъ одинаки,
И здравіе твое брегутъ одни Поляки;
Восточной церкви здѣсь законъ совсѣмъ падетъ,
Подъ иго Польское Царь Русскій насъ ведетъ.
И ежели на зло влечетъ тебя природа,»
Преодолѣй ее, и будь отцемъ народа!

Изъ сего, хотя не очень вѣроятнаго, чистосердечія обоихъ дѣйствующихъ лицъ зрители уже знаютъ, кто стоитъ предъ ними, но все таки въ этихъ стихахъ наконецъ послышался на сценѣ голосъ Исторіи, заглушенной жалобнымъ плачемъ небылицъ. Сумароковъ попалъ на тропу, проложенную древними трагиками къ душамъ ихъ соотечественниковъ, готовыхъ съ жадностію соучаствовать горестной судьбѣ ихъ родины, и пробуждать въ сердцахъ своихъ чувства ихъ предковъ. Самозванецъ отвѣчаетъ:

«Въ законѣ Климентъ мя присягой обязалъ,
А Польскій мнѣ народъ услуги оказалъ,
Такъ милостей моихъ Россія не причастна
Коль Польской святости не хочетъ быть подвластна.»

Этотъ отвѣтъ, хотя и плохими стихами, тотчасъ объясняетъ, что дѣло идетъ о Вѣрѣ Святой Россіи, и Русскіе души должны дрогнуть за все для нихъ священное. Самый разговоръ ученика Іезуитовъ съ православнымъ Парменомъ для нихъ завлекателенъ; это уже не любовное празднословіе, котораго почти не слышно въ этой народной трагедіи. Вотъ какъ Самозванецъ говорилъ о страсти своей къ Ксеніи, дочери Шуйскаго:

Грызенья совѣсти и много мукъ терплю.
Но мука мнѣ и то, что Ксенію люблю.

Ксенія, по очень естественному чувству благороднаго сердца, ненавидитъ злодѣя своего отечества, и по театральному обыкновенію влюблена въ придуманнаго Галицкаго Князя Георгія, который ея также любитъ.—Но, выходя съ нею на сцену, онъ, не сказавъ ни слова о любви восклицаетъ:

«О ты плачевный Кремль! Сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что здѣсь низвержена съ престола добродѣтель,
Томящаясь Москва въ унынiи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ;
Дни свѣтлы кажутся густой темнѣе нощи,
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи,
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ
Мнѣ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ.«

Нынѣ, небольшіе драматическіе стихотворцы, пишутъ стихи глаже этихъ, именно оттого, что шероховатость проложенной цѣликомъ дороги сравнялась временемъ; но часто ли мы слышимъ такой вѣрный отголосокъ Русскаго сердца и живое изображеніе бѣдствій Москвы, довершенное Ксеніей:

«Извержетъ еретикъ толпой своихъ рабовъ
Тѣла Святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ;
Въ Россіи имена ихъ вѣчно истребятся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся...
Народъ сорви вѣнецъ съ главы творца всѣхъ мукъ,
Спѣши, изторгни скипетръ изъ варваровскихъ рукъ!»

Это уже не двухголосный плачъ Хорева съ Оснельдой, или Ильмены съ Труворомъ; нѣтъ, это порывы глубокой скорби потомковъ Святаго Владиміра, говоръ Святой Руси о своей Церкви, о своей родинѣ;

они не тревожатъ сердца доброхотныхъ зрителей испугомъ отъ сказочныхъ небылицъ, жалостью къ выдуманнымъ невзгодамъ, но исполняютъ Русскую душу священнымъ ужасомъ и умилительнымъ состраданіемъ древней, истинной трагедіи, проявленной у насъ *Кающимся грѣшникомъ*, проясненной *Эдипомъ въ Аѳинахъ*, и невзначай проникнувшей на нашу сцену съ *Димитріемъ Самозванцемъ*. Такъ, я вижу въ этой трагедіи зароненное зерно собственно-Русской народной драмы; оно уже пустило корень въ нашу свѣжую почву, возрастило цвѣтоносный стебель, который хотя портятъ неудачныя прививки, но надѣюсь, что искусная рука даровитаго вертоградаря обобьетъ пустоцвѣтъ, очиститъ негодные побѣги и оплодотворитъ обрусѣлое прозябеніе, возникшее въ сочиненіи Сумарокова и проявившееся въ его *Самозванцѣ!*

Вводная любовь Георгія и Ксеніи вовлекаетъ въ соучастіе соотечественныхъ имъ зрителей, хотя и ни къ чему не служитъ для сущности трагедіи, которая движется и идетъ, довольно быстро и естественно однимъ дѣйствіемъ ненавистнаго Французско-театральнаго характера Лжедимитрія. Но его безумство, изувѣрство, любострастіе и ослѣпленіе представлены и самой Исторіей, какъ пантіе гнѣва Божія, въ казнь и ужасъ хищничества и самозванства, образумленія для крамольниковъ, мутившихъ наше отечество! Сумароковъ, конечно, не безгрѣшенъ въ заимствованіи, но уже не передъ Французами, а предъ Англичанами: онъ присвоилъ, и довольно удачно, себѣ и своему Лжедимитрію, что извлекъ изъ глубины сердца *Ричарда III* всепостигающій даръ Шекспира. И вотъ какъ сильно раздался, на Русской сценѣ, крикъ, устрашенной неминуемою гибелью совѣсти злодѣя и хищника! Самозванецъ, испуганный на площади вспыхнувшимъ мятежемъ, воспоминая всѣ свои злодѣянія, самъ приходитъ отъ нихъ въ ужасъ, и восклицаетъ:

«Я гибну, можество народа погубя!...
Бѣги, тиранъ, бѣги! Кого бѣжать?...Себя!...
Не вижу ни кого иного предъ собою.
Увы! Куда бѣжать, твой адъ вездѣ съ тобою!
Убійца здѣсь... бѣги!... Но я убійца сей!
Страшуся самъ себя и тѣни я моей!
Отмщу!... Кому?... Себѣ... Себя ли не навижу?...
Люблю себя; за что люблю? . . . того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ,
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую, и мучуся всегда!
Терпи и погибай, возшедъ на тронъ обманомъ,
Гони и будь гонимъ, живи, умри тираномъ!»

Шекспировъ Ричардъ приходитъ въ такое изступленіе отъ появленія грозныхъ тѣней всѣхъ имъ убитыхъ, но для слабодушнаго орудія чужевѣрной политики, кажется, довольно было ужаса близкой казни къ приведенію до такого же разстройства ума, въ которое непоколебимый ни какимъ чувствомъ человѣчества духъ адской гордыни изверга Ричарда, могъ ввергнуться только одною сверхъестественною силою. Если это заимствованіе у великаго Англійскаго поэта и не совсѣмъ сообразно съ истиной, то уже оно полезно отклоненіемъ нашей трагедіи отъ Французскаго классицизма, и возбужденіемъ участія къ поэзіи и трагедіи въ Русскихъ зрителяхъ. Сумароковъ постепенно усиливалъ это соучастіе довольно быстро возрастающимъ страхомъ и надеждою о судьбѣ нашего отечества, и не трудно себѣ вообразить, какое дѣйствіе произвелъ въ сердцахъ зрителей набатъ, возвѣстившій гибель Самозванца. Впечатлѣніе было такъ

сильно, что и самая едва не смѣшная перепецiя не могла его ослабить. Лжедимитрій велитъ привесть къ себѣ Ксенію, какъ видно забытую уже торжествующими на площади отцемъ и любовникомъ, схватываетъ ее за руку, поднимаетъ кинжалъ, при вбѣжавшихъ уже на сцену Шуйскомъ и Георгіи, и восклицаетъ: «*Увяньте, розы!*»... Но розы не увяли; Парменъ, о которомъ никто не думалъ, вырываетъ Ксенію изъ рукъ убійцы, а онъ закалывается, говоря:

Иди душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!...

И это не вовсе счастливая иппербола, такъ же какъ и стихи изъ согнаннаго со сцены *Димитрія Самозванца* (*) еще съ восторгомъ повторяются нашими стариками, потому только, что эти стихи оканчиваютъ первую трагедію, сочиненную по Русскому духу, толку и сердцу. Никогда не забуду, что я чувствовалъ, увидя въ первый разъ сію народную любимицу! Лжедимитрія представлялъ, въ бенефисъ Яковлева, престарѣлый учитель его, Дмитревскій (**) Его опытность, замѣнявшая, сколько возможно, давно испарившійся жаръ вдохновеннаго дарованія, внушало мнѣ больше жалости къ старику, чѣмъ удивленія къ его искусству. Прочіе актеры, помнится, были ниже своихъ невысокихъ ролей. Вообще обстановка піесы и бѣдность всѣхъ принадлежностей показывали тогдашнее пренебреженіе къ Русскому Театру. Однако же ни въ какой изъ превосходно представляемыхъ Французскихъ трагедій Корнеля и Расина сердце мое такъ не билось. Обветшалое стихотворство Сумарокова и искажаемый часто Русскій языкъ не оскорбляли моего слуха; его поражало только то, что безпрестанно раздавалось въ душѣ моей. Воображеніе мое, воспламененное любовію къ нашей Церкви и Отечеству, уносилось на Красную Площадь, то, сострадая стонуМосквы, заглушаемому буйнымъ самохвальствомъ иновѣрцевъ, то радовалось крику Святой Руси, на бодрыя воззванія Шуйскаго. Наконецъ, набатъ, ударившій по волѣ Божіей, въ казнь хищничества и святотатства, потрясъ мою душу; огонь пробѣжалъ изъ сердца по всѣмъ моимъ жиламъ; взрывъ радушнаго рукоплесканія огромилъ театръ, и трагедія исполнила свое дѣло! Я еще тогда не изучалъ Греческихъ трагиковъ, но почувствовалъ разницу священнаго ужаса и умиленія древней трагедіи со страхомъ и жалостью новой, и понялъ истину Ѳукидидова предпочтенія Эсхиловой драмы Демосѳеновымъ рѣчамъ (*). Потомъ, читая Эсхиловыхъ *Персовъ*, и припомня дѣйствіе, произведенное *Димтріемъ Самозванцемъ* надъ Русскими зрителями, я живо вообразилъ восторгъ Аѳинскаго народа, при славномъ разсказѣ о Саламинской побѣдѣ, которому, прекрасно, но безъ пользы для нашего театра, подражалъ Ломоносовъ въ трагедіи *Темира и Селимъ*. Жаль, что ему недоставало драматическаго дарованія Сумарокова, или что Сумароковъ не имѣлъ его обширныхъ знаній и пінтическаго слова. Но, какъ бы то ни было, мы обязаны Сумарокову благодарностью вообще за его полезные для

(*) Въ 1798 году онъ былъ представленъ, въ послѣдній разъ, на Гатчинскомъ Театрѣ.

(**) Это было въ 1795 году. Дмитревскій представлялъ Самозванца съ маленькими усиками, написанными тушью, въ пудрѣ, незавитыхъ волосахъ, перевязанныхъ на затылкѣ черною лентой съ бантомъ, что называлось тогда queue de renard. На немъ была шапка, съ горностаевымъ околышемъ, съ висящею алою бархатною тульею и съ большою бусовою кистью, и золотое глазетовое полукафтанье, съ загнутыми полами, на маленькихъ бочкахъ, или фижмахъ. Всѣ актеры были напудрены. Борода тогда еще не смѣла появляться на сценѣ!

(*) Ѳукидидъ утверждалъ, что представленія Эсхиловыхъ трагедій сильнѣе рѣчей Демосѳеновыхъ воспламеняли молодыхъ Аѳинянъ на отечественную брань.

Русской сцены труды, а особенно за первую трагедію, прояснившую высокую цѣль и благотворныя дѣйствія первобытнаго театра и самаго достоинства драматической поэзіи и поэта! Нельзя утвердительно сказать, вникнулъ ли нашъ первый трагикъ въ сущность своего мудраго дѣла, или только случайно угадалъ его, и былъ ли его *Димитрій Самозванецъ* слѣдствіемъ соображенія всего видѣннаго на разныхъ театрахъ, или позднею вспышкою врожденнаго дара, который, однако же, не воспламенилъ его близкихъ послѣдователей, да и въ немъ самомъ только блеснулъ и тотчасъ потухъ. Для чего Сумароковъ не кончилъ своего драматическаго поприща, конечно, лучшимъ изъ его твореній, и не заставилъ насъ жалѣть о его безвременномъ сходѣ со сцены; или, почему чрезвычайный успѣхъ *Димитріи Самозванца* не возбудилъ въ его сочинителѣ ревностнаго желанія продолжать и усовершенствовать начатую имъ народную драму?... Но, увы! Онъ, въ 1744 году, написалъ *Мстислава*, и эта послѣдняя трагедія не была сладкозвучною пѣснью нашего драматическаго лебедя, а очень слабымъ отголоскомъ напѣва Французскаго соловья! Вольтеръ, въ 1734 году, сочинилъ будто историческую трагедію, *Аделаида дю Геклень*; она упала въ 1752 году; онъ переслалъ ея изъ Берлина, переряженную и перекрещенную въ *Амалію*, или *Герцога де Фуа*: она зашаталась на Парижской сценѣ, но прелестная актриса Госсень кое-какъ удержала ее отъ совершеннаго паденія (*). Сумароковъ уже заимствовалъ изъ этого соперничества родныхъ братьевъ, содержаніемъ *Синава и Трувора*; но страсть къ перепеціямъ заставила его, наконецъ, перенесть и всю почти трагедію на нашъ театръ. Вандомъ, послѣ разныхъ любовныхъ хлопотъ, въ изступленіи несчастной страсти, приказываетъ своему приверженцу отрубить голову его счастливому сопернику и брату, и возвѣстить эту казнь пушечнымъ выстрѣломъ. Добрый человѣкъ-приверженецъ исполняетъ только послѣднее приказаніе, и прячетъ брата до удобнаго времени. Вандомъ, въ отчаяніи отъ пушечнаго вѣстрѣла, раскаивается, проклинаетъ свою безумную страсть, и хочетъ убить себя: добрый приверженецъ мѣшаетъ самоубійству, выводитъ брата, и трагическій испугъ кончается очень покойно. Изъ всего этого Сумароковъ только перемѣнилъ пушечный выстрѣлъ на колокольный звонъ, и имена братьевъ. Да пусть бы онъ всклепалъ опять такую небылицу на небывалыхъ Ростиславовъ, Ярополковъ или Вышеславовъ, а то какъ ему не совѣстно было переродить въ бѣшенаго Француза Вандома нашего удалаго единоборца Мстислава Тмутараканскаго, а въ жалкаго любовника Немура, красу Русскаго Государства Ярослава Великаго! Этимъ грѣхомъ противъ Русской правды заключилъ Сумароковъ свои творенія, въ которыхъ оставилъ образцы всѣхъ родовъ драматическихъ зрѣлищъ. Кромѣ многихъ трагедій, онъ написалъ 12 комедій, перенялъ только что появившуюся у Французовъ драму въ стихахъ и прозѣ,

(*) Вотъ переводъ эпиграммы, ходившей по рукамъ въ Парижѣ, послѣ втораго появленія этой двуименной трагедіи:

Аделанда дю Геклень
Въ Амалію переродилась,
Въ Берлинѣ разрядилась;
Но какъ прелестная Госсень
Омолодить ее ни билась,
Да не могла!
Домой старуха возвратилась,
На сцену только появилась —
И умерла!

12 лѣтъ, послѣ этого ушиба, славный актеръ Лекень, перевернувъ *Амалію* опять въ *Аделаиду*, или *Герцога Вандомскаго*, представилъ ее Парижской публикѣ. Его чрезвычайный талантъ помогъ благосклонному принятію; но и воскрешенная имъ *Аделаида* не надолго пережила своего воскресителя.

заимствовалъ у Кино лирическую оперу, и ввелъ торжественный прологъ. Но ни одно изъ его сочиненій не осталось на театрѣ. Та же участь постигла, еще въ живыхъ, великаго Шекспира. Зависть, вражда и нововведенія столкнули со сцены, имъ же возвышенной, всѣ его творенія, но они торжественно снова воцарились на Англійской сценѣ, къ чести гордящихся ими Англичанъ, а со всѣмъ моимъ уваженіемъ къ отцу нашего театра, я увѣренъ, что Сумароковъ навсегда оставленъ своимъ дѣтищемъ, Русскимъ Театромъ, и ни мало не желаю его возвращенія; не потому, чтобы языкъ Сумарокова для насъ устарѣлъ больше, чѣмъ языкъ Шекспира для Англичанъ, не потому, что теперь и вовсе не-поэты пишутъ стихи глаже Сумарокова, а потому что въ Англіи только временно пристрастіе къ блеску Французскаго классицизма затмило сіяніе Шекспировскаго самороднаго генія, и что при первомъ возбужденіи народной гордости отдана справедливость великому мужу, творцу Англійскаго Театра. Напротивъ же, Сумароково даровитое, но безусловное подражаніе Французскому Театру было главною причиною его быстраго возвышенія и постепеннаго уничтоженія. Чѣмъ Русскій Театръ ближе къ сердцу и толку народному, тѣмъ болѣе будетъ онъ чуждаться прежняго раболѣпнаго подражанія Французскому и нынѣшнему Француз-Нѣмецкому Театру. Театръ вездѣ и всегда былъ и будетъ отголоскомъ народности, но мы развѣ только насмѣшливостью и вопиственностью похожи на Французовъ; на Нѣмцевъ же ни чѣмъ. У нихъ свой разумъ, свои доблести, свои почтенныя свойства, повѣрья, понятія и бытъ, а у Русскихъ свои молодечество, радушіе, смѣтливость, досужество, и тотъ кто лучше разгадаетъ наши свойства и будетъ въ силахъ имъ угодить, утвердитъ нашу сцену на основаніи древнемъ и на подстройкахъ новыхъ театровъ. Надѣюсь, что Обзоръ Русской Драматической Словесности покажетъ ясно постепенность сего вожделѣннаго творчества и близкую возможность оживленія народной сцены. Наши безпристрастные зрители не показываютъ исключительной или настойчивой привязанности никъ какому вводимому къ намъ роду зрѣлищъ, довольствуются своимъ недурнымъ, любятъ свое хорошее, даже предпочтительно чужому, и ожидаютъ своего же лучшаго, чтобъ совершенно прилепиться къ нему. Сумароковъ и послѣдователи его нравились, конечно не безъ причины и не безъ достоинства, а по мѣрѣ улучшенія нашей театральной словесности, перестали нравиться. Но достоинство ихъ не истребилось, и справедливость, имъ отдаваемая, можетъ быть не безполезна для нашихъ писателей, читателей и зрителей. Исторія Театра, также какъ и другія Исторіи, умудряетъ прошедшимъ настоящее и будущее, и я буду очень радъ, если моя долговременная опытность и словоохотливая старость послужатъ къ чему нибудь путному для моихъ соотчичей (*). Войдя въ нужныя, по моему мнѣнію, подробности о начальныхъ твореніяхъ нашихъ трагиковъ, не буду разсматривать повременные успѣхи продолжителей, такъ сказать, Сумароковской трагедіи; она уже не существуетъ, и тѣмъ лучше. Только бы новоперенимаемое драматическое бѣснованіе не довело до худшаго! Но я надѣюсь, что Русскій толкъ не допуститъ нашъ театръ до такой крайности! Прежде показанія нѣкоторыхъ счастливыхъ измѣненій первой нашей трагедіи, просвѣщеннымъ, умнымъ и даровитымъ стихотворцемъ, Я. Б. Княжнинымъ, я обязанъ напомнить о драматическихъ сочиненіяхъ Хераскова, Майкова и Ни-

(*) Редакція вполнѣ признаетъ заслуги для театра почтеннаго Князя А. А. Шаховскаго, и со всѣми любителями отечественной Словесности желаетъ, чтобъ онъ продолжалъ свои любопытныя и поучительныя записки о Русской сценѣ и Драматической Словесности. *Ред.*

колева, отличавшихся на Русской сценѣ удачными подражаніями Сумарокову и не очень значущими нововведеніями, или новоподражаніями.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(а). Переводы Священныхъ Книгъ, лѣтописи Преподобнаго Нестора и его продолжателей, Риторика, написанная на Русскомъ языкѣ для Великаго Князя Святополка (отысканная Преосвященнымъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ), Духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха, просвѣщеннаго знаніемъ иностранныхъ языковъ и писаній. Пѣснь о Полку Игоря, и наконецъ зданія и мозаики Кіевскихъ древнихъ Церквей: гробница Ярослава Великаго и вновь открываемые и отыскиваемые памятники Византійскихъ искусствъ, кажется, должны убѣдить нашихъ скептиковъ-Нибуристовъ о давнишнемъ преимуществѣ нашего народообразованія передъ Западною Европою! У насъ уже въ XI вѣкѣ преподавалось краснорѣчіе и богатѣло Русское слово сокровищами, сохранившимися отъ древнихъ Грековъ, въ единовѣрной Византійской Имперіи. А еще въ 1417 году, Французскій Констабль, взятый въ плѣнъ Англичанами, не могъ, за неграмотностью, утвердить письменно своего уговора, и потребовалъ взятаго у него меча, на которомъ было вырѣзано его имя, чтобъ приложить его къ предложенной ему бумагѣ.

(б). Въ это время, когда Папа Левъ X, покровительствовалъ поэзіи и художествамъ, ученый Бембо и другіе просвѣщеннѣйшіе Кардиналы старались возстановить древнюю трагедію, въ Католическомъ Римѣ, Галликанская Церковь проклинала въ Парижѣ театръ, съ его авторами, музыкантами и всѣми на немъ или для него дѣйствующими! Это не только не Христіанское но и не Папское гоненіе останавливало успѣхи драматическаго искусства, способствовавшаго къ очищенію и распространенію языка, а съ нимъ вмѣстѣ и вліянія Французской Литературы на всю Европу. Людовикъ XIV, въ противодѣйствіе Галликанскому изувѣрству, издалъ законъ, по которому всѣ вступающіе на сцену, сохраняя свои родовыя права и достоинства и не унижались въ гражданскомъ быту, (ne dérogent point); но не взирая на то, страхъ Галликанскаго отдѣленія отъ Церкви сильно дѣйствовалъ даже на людей очень просвѣщенныхъ!

Славный сочинитель театральной музыки, Италіянецъ Люлли, опасно занемогъ, и его духовникъ, для спасенія души, принудилъ больнаго бросить въ огонь партитуру музыки, написанной имъ для новой оперы; Кино сочинитель либрето этой оперы, узнавъ съ ужасомъ о сожженіи его надежды на большой успѣхъ: спросилъ почти выздоровѣвшаго Люлли, правда ли это?—«Да, отвѣчалъ смиренно Италіянецъ, я для рая сжегъ мою прекрасную партитуру, а для театра оставилъ копію! Эта Іезуитская увертка, передъ Богомъ, или какъ они ее называютъ, умственное отреченіе (restriction mentale) спасли музыку, которую теперь никто бы не хотѣлъ слушать. Но невѣжественное смѣшеніе Галликанскимъ Духовенствомъ языческихъ обрядовъ древнихъ театральныхъ зрѣлищъ, съ сущностью драматической поэзіи, рано лишило Французскій театръ превосходныхъ твореній его великаго трагика. Расинъ, по мнѣнію современныхъ писателей, по увѣщанію духовника, въ самой силѣ своего генія, пересталъ писать для театра, и послѣ долгаго отреченія, склонясь на просьбу Г-жи Ментенонъ, тайной супруги Людовика XIV, сочинить, и то не для публичной сцены а для ея воспитанницъ, (въ учебномъ заведеніи Сенъ-Сиро) двѣ библейскія трагедіи *Эсѳирь* и *Гоѳолію*, завѣщая сыну, не отдавать послѣднюю на театръ, и эта превосходнѣйшая изъ его трагедій и ближайшая по смыслу и формамъ къ древней Аѳинской, доказываетъ какъ вредны для Французской Литературы былъ страхъ ложной набожности.

Увѣряютъ что Грессе, сочинитель превосходной комедіи *Злонравный* (le Méchant), убоясь угрозъ Галликанскаго Духовенства, лишилъ Французскую сцену и литературу прекрасныхъ произведеній, для которыхъ Богъ далъ ему рѣдкія дарованія. А сколько еще людей, одаренныхъ можетъ быть не меньшими способностями, не смѣли ими пользоваться отъ непонятія Галликанскимъ Духовенствомъ Святаго Ученія первыхъ Христіанскихъ Іерарховъ! Возставая противъ еще существовавшаго или возобновленнаго Юліаномъ Отступникомъ идолослуженія, пастыри первой Христіанской Церкви уничтожали всѣ языческіе обряды, въ которые включали и зрѣлища, даваемыя Аѳинами всей Греціи, во время Діонисійскихъ и Ленійскихъ праздниковъ, ибо предъ трагическимъ представленіемъ, на самомъ театрѣ, приносился въ жертву Вакху бѣлый козелъ, отчего произошло и названіе трагедіи, переведенное въ Славянскихъ книгахъ: козлогласованіемъ. Но о древней комедіи ничего не упоминается, вѣроятно потому, что съ нею не соединялось ни какого жертвоприношенія, это доказываетъ, что идолопоклонство и сценическое соучастіе ложныхъ боговъ въ трагическихъ зрѣлищахъ дѣлало ихъ

противными Христіанству, а не самое существованіе драматической поэзіи и театра. Уже слишкомъ 600 лѣтъ послѣ Эсхила и даже Эврипида, любострастіе Греческихъ и Римскихъ театровъ возмутило чистыя души и строгую нравственность Христіанскихъ учителей противъ представляемаго на нихъ разврата. Но злоупотребленіе благонамѣренныхъ учрежденій должно ли разрушать ихъ до основанія? Напротивъ, мудрое отдѣленіе преяеннаго зла отъ существеннаго добра предписывается и древнею и новою мудростью, что мы и видимъ при первомъ проявленіи въ Россіи драматической поэзіи, и что, даже въ наше время, не хочетъ еще понять едва возникшее изъ развалинъ Французской Церкви Галликанское Духовенство, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.

Въ 1802 году, когда Наполеонъ (еще Первый Консулъ Бонапарте), отъ душевнаго ли убѣжденія, или правительственной мудрости, возстановлялъ религію въ обезбоженной Франціи, и еще съ креста Церкви Инвалидовъ не успѣли снять Якобинской шапки, священникъ прихода Св. Рока, не хотѣлъ отпѣвать умершей съ Христіанскою Вѣрою танцовщицы Шамеруа, и, по Галликанскому преданію, не впустилъ принесеннаго тѣла ея въ церковь, что произвело сильное волненіе въ стекшемся на похороны народѣ. Послѣ спора и шума даже послышались едва замолкшіе Якобинскіе крики, и въ память недавно потушенной революціи, упрямый священникъ былъ бы повѣшенъ на фонарномъ столбѣ чернью, привыкшею къ злодѣйству, если бы не подоспѣли жандармы, и не отвели упрямца къ Парижскому Архіепископу, который сильными мѣрами возстановилъ спокойствіе. Вскорѣ послѣ этого происшествія, обѣдая въ Парижѣ у родственника моего, П. Ѳ. Балкъ-Полева, славный по словамъ Жилберта, *пѣвецъ Парижа*, стихотворецъ Лагарпъ, возсталъ противъ Архипастырскаго рѣшенія, и жалѣлъ, что помѣшали осужденнаго Архіепископомъ священнику сдѣлаться мученикомъ усердія своего къ Церкви! Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, я былъ у знаменитой Г-жи Жанлисъ, (жившей въ Библіотекѣ Арсенала), и разсказалъ ей о чудной набожности бывшаго Вольтерова обожателя, Лагарпа. Блѣдное, желтое лицо сухой старухи вспыхнуло, быстрые глаза ея засверкали. Она выдвинулась изъ за своихъ глубокихъ креселъ, и я услышалъ ужасныя нареканія бывшему нѣкогда любимцу ея, изъ которыхъ у меня остались только въ памяти: «Предатель, перемѣтникъ, прислужникъ всѣмъ безбожникамъ, Тартюфъ, который самъ ни чему не вѣря, хочетъ увѣрить въ своемъ обращеніи къ набожности!» Такими вовсе не-Христіанскими изреченіями, нравоучительная воспитательница Принцевъ старалась меня увѣрить, что Лагарпъ, какъ прежде, такъ и тогда, все тотъ же лицемѣръ, и что его обращеніе къ религіи только коммерческій расчетъ! Я, слушая довольно длинную инвективу, не зналъ чему вѣрить, обращенію ли Г-на Лагарпа или безпристрастію Г-жи Жанлисъ, которая, какъ я слышалъ, ожесточилась за нескромное выраженіе о прежнемъ Парнасскомъ повѣренномъ своемъ, который, уже во время ея невзгоды, сказалъ относительно къ ея первымъ сочиненіямъ, что онъ перемывалъ черное бѣлье Г-жи де Жанлисъ. Съ другой стороны, слишкомъ ретивое вступленіе бывшаго друга Философовъ за безразсудный поступокъ Католическаго фанатика, кажется мнѣ переусиленнымъ желаніемъ увѣрить, въ чемъ самъ не былъ убѣжденъ!

Письмо, полученное мною отъ поэта Бленъ-де-Сенморъ, извѣщающее о смерти Лагарпа, заставляетъ меня думать, что общее мнѣніе Парижскихъ словесниковъ не совсѣмъ противорѣчитъ словамъ Г-жи де Жанлисъ.

ВЗГЛЯДЪ РУССКАГО
НА ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

(Выдержка изъ путеваго журнала.)

Въ числѣ публичныхъ увеселеній Лондона первое мѣсто занимаютъ театры, а въ числѣ ихъ Италіянская Опера—славная Парижская опера (Opéra Italien), перенесенная на великолѣпный Королевинъ Театръ (Queen's or Her Majesty's Theatre) въ Лондонѣ. Гризи, Персіани, Лаблашъ, Рубини, Маріо, Тамбурини и самые хоры, все здѣсь на цѣлое лѣто, съ прибавкою Нѣмецкой примадоны, Г-жи Леве. Не видать этого теара и не слыхать очаровательнаго пѣнія всѣхъ этихъ волшебниковъ мелодіи, значитъ или не любить театра и музыки, или *быть членомъ Англійской Верхней Палаты*.... Это что *за исторія?* спросятъ меня небывалые *лѣтомъ* въ Лондонѣ. Это чистая Исторія, мм. гг. и государыни; это *черта правовъ* верховной Англійской арпстократіи: Лорды, Маркизы (Earls) и Баронеты Великобританніи, эти дилетанты музыки, эти столпы Италіянской Оперы, ижднвеніемъ коихъ вся эта драгоцѣнная труппа выпнсывается изъ Парижа на лѣтніе мѣсяцы, непремѣнно умрутъ со скуки, если ее не будетъ, и скорѣе умрутъ, чѣмъ измѣнятъ правилу — *не показываться въ Лондонѣ до открытія Парламентскихъ засѣданій;* а до нихъ остается еще добрыхъ девять дней! Всѣ домы этихъ господъ, даже и живущихъ incognito въ Лондонѣ, заперты, всѣ окна ихъ забѣлены или завѣшены снаружи, pour ne pas déroger à l' étiquette du suprême bon ton. Но, какъ мы не Лорды, и мнѣ въ особенности некогда ждать до открытія Парламента (19 Августа н. с.), то я и рѣшился послушать отъ души соловьевъ Италіи, перелетѣвшихъ для утѣшенія нашего за Британскій Каналъ. Чтобы удостоиться быть въ числѣ сихъ избранныхъ, мало заплатить втрое за мѣсто, не исключая и партера; надобно быть и *одѣту по бальному*, по праздничному: непремѣнно въ черномъ фракѣ, галстухѣ, жилетѣ и такихъ же брюкахъ. Послѣднее есть новѣйшая уступка, сдѣланная геніемъ приличій — непреодолимому генію моды (*). Есть, однако же, и другая уступка для людей, менѣе ущедренныхъ дарами Плутуса и Фортуны чѣмъ Великобританскіе набобы. Билеты (tickets) на одинокія мѣста въ партерѣ и *стáляхъ* (boxs) можно получать 15-ю процентами дешевле, чѣмъ мѣста сіи продаются въ кассѣ. Дѣло вотъ какъ дѣлается: нѣкоторые аферисты, большею частію книгопродавцы и содержатели гостинницъ, за ужасную цѣну, платимую другими, абонируютъ ложи; при ложѣ выдается на каждое представленіе по нѣскольку билетовъ въ партеръ и стали, смотря по ярусу ложъ, и снекуляторы-абоненты такъ мастерски распоряжаются своимъ дѣломъ, что

(*) Прежде не иначе впускали зрителей, какъ въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ.

ложа приходится имъ почти даромъ. Въ подрывъ дирекціи, они открыто продаютъ желающимъ частные билеты въ партеръ и стали, съ пониженіемъ цѣны, такъ что у дирекціи покупаютъ частныя мѣста одни незнакомые съ своеобычнымъ Лондономъ, а другіе только тогда, когда билеты абонентовъ уже всѣ разобраны. Такъ сдѣлали и мы, по совѣту нашихъ общихъ пріятелей: намъ принесли три билета въ партеръ, по 8 шил. 6 пенсовъ каждый (они стоятъ по 10 шил. въ кассѣ театра); цѣна сталей 50 проц. болѣе, а цѣнамъ ложъ нѣтъ и счета: такъ дорого здѣсь наслажденіе для любителей изящнаго! И вотъ мы, за цѣлой вереницей опередившихъ насъ посѣтителей оперы, пробрались кое-какъ въ театръ, и проворно усѣлись на свободныя мѣста 4-хъ лавокъ партера. Но что это за лавка! Безъ спинки, вся на воздухѣ и такъ прижата къ передней, что ни ногъ дѣть некуда, ни прислониться не къ чему! Тутъ только узнали мы своими боками, спинами и колѣнами, что всѣ лавки не иначе снабжены спинками, какъ черезъ одну, и вотъ единственная причина, по которой здѣшніе знахари, прежде насъ пришедшіе, усѣлись за нами. Какъ ни несносны были мѣста наши, а особливо мое, (*) но наслажденія вечера сего наградили насъ съ избыткомъ за выдержанную мною пытку. Играли оперу-трагедію «Марино Фаліеро», муз. Доницзетти. Хоры, большею частію составленные изъ хористовъ Парижской Оперы, были отличны, не смотря что шепелянье кое-гдѣ обличало участіе въ нихъ и туземныхъ пѣвчихъ. Въ первомъ актѣ явился, въ роли Израэля, одинъ Тамбурини: актеръ прекрасный; физіономія чисто Италіянская, метода пѣнія хорошая, но голосъ его показался мнѣ нѣсколько *утомленнымъ*, или вѣрнѣе — онъ былъ отъ природы une voix voilée: позже, въ дуэтѣ съ Лаблашемъ, онъ произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе, но когда въ роли Фернандо, племянника Дожева, зарокотала живая струна неподражаемаго Рубини, то я не зналъ, голосъ ли человѣка я слышу или небесное пѣніе? Ни съ чѣмъ не умѣю сравнить его волшебнаго pianissimo, къ которому онъ переходитъ съ такою мягкостію и постепенностью отъ самаго сильнаго sforzando! Это просто соловей въ образѣ человѣка. И какъ у него все это свободно, естественно: ни малѣйшаго судорожнаго движенія при самыхъ трудныхъ переливахъ голоса! Что за очаровательныя фіоритуры! Какой огонь, какая жизнь и какая обработка голоса, въ его пѣніи! Пѣвцовъ, каковъ Рубини, судьба раждаетъ счетомъ, и едвали другаго, подобнаго ему, имѣетъ вся пѣвучая мелодическая Италія! Не слыхать Рубини имѣя возможность слышать его, значитъ быть или Англійскимъ аристократическимъ денди или вандаломъ! Однимъ словомъ, онъ такъ превосходно, такъ сердечно спѣлъ лебединую свою арію во 2-мъ актѣ, что неистовыя «браво» заѣзжихъ дилеттантовъ оторвали отъ книжекъ своихъ и самыхъ холодныхъ Англичанъ (*), перешедшихъ изъ одной крайности въ другую: чудаки сіи потребовали ея повторенія. Маріо, второй теноръ, очень хорошо спѣлъ одну свою баркаролу, по видимому, сочиненную для его голоса, и принужденъ былъ также повторить ее. Г-жа Леве, видная, красивая женщина, обладаетъ великимъ голосомъ, но далека отъ прелестной Гризи. Какъ актриса, она весьма примѣчательна, но хотя въ пѣніи и фіо-

(*) Передо мною вертѣлась огромнѣйшая лысая голова какого-то неугомоннаго Джонъ-Буля: преогромнѣйшее театральное солнце! Виски торчали вовсѣ стороны, въ родѣ солнченаго сіянія, и отсвѣчивали мнѣ сцену. Такъ и хотѣлось остановить ихъ perpetuum mobile!

(*) Еще новая странность Британніи: вы найдете здѣсь сотню слушателей, постоянно слѣдящихъ не актера или пѣвца на сценѣ: читая либретто, въ которомъ не понимаютъ ни слова, силятся они увѣрить другихъ, что *собаку съѣли* на Италіянскомъ языкѣ.

ритурахъ ея видно явное, похвальное желаніе подражать методѣ Рубиніевой; копія эта рѣзко отличается отъ своего оригинала: вскрикиванье и вовсе нераціозное открываніе рта не украшаютъ, конечно, сію Германскую примадонцу. Были, однако жъ, мѣста, гдѣ и Леве увлекала силою своей дикціи и прекрасной игры: таковы минуты признанія ея мужу въ невѣрности, и послѣдняя ея сцена!... Она исполнила ихъ прекрасно, и заставила забыть, что она не Италіянка и соперница знаменитой Гризи. Что сказать теперь объ Орестѣ своего Пилада, Рибини, о славномъ Лаблашѣ. Это чудо человѣкъ, и какъ пѣвецъ, и какъ актеръ: тоже въ басѣ, что другъ его, Рубини, въ теноробаритонѣ. Если бъ Лаблашъ захотѣлъ, то ни какой оркестъ не покрылъ бы громоваго его голоса, но у Лаблаша столько же методы, какъ и у Рубини: онъ полный властелинъ своего огромнаго, не человѣческаго голоса, и обузданіе его есть такое мастерство, которымъ едва ли владѣлъ до него и знаменитый Фишеръ, бывшій, лѣтъ за тридцать назадъ, первымъ басистомъ Европы. Это органъ Фрейбургскій или Гарлемскій, подъ перстами мастера-органиста: изъ страшной бури, онъ переходитъ въ пріятное scherzando, со всею легкостію тенориста. А что за актеръ? Сколько души въ этомъ тучномъ человѣкѣ, въ этой неповоротливой тушѣ, которая съ перваго взгляда кажется созданною не для сладкихъ звуковъ гармоніи, не для пламенной геніяльной оперы, а для атлетическаго единоборства. Ничего нельзя вообразить себѣ превосходнѣе Лаблаша, въ ужасной сценѣ 5-го акта съ его женою, гдѣ она, послѣ смерти ея любовника, Фернандо, признается въ невѣрности своему супругу. Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ зрителя, когда гигантъ Лаблашъ (Marino Faliero) схватываетъ ее за волосы, и ударомъ могучей руки своей повергаетъ на землю; ничего столь трагически *раздирательнаго*, какъ слово речитатива Лаблашева, когда онъ вскрикиваетъ: *и ты мнѣ измѣнила!* Но за то, сколько патетизма въ томъ же самомъ голосѣ страшнаго карателя мужа, когда онъ, переходя отъ мести къ состраданію и любви, передъ казнью своею прощаетъ свою невѣрную Елену! Все это такъ естественно, такъ изящно, что ни какое искусство не можетъ ничего прибавить къ игрѣ и интонаціи славнаго баснста. Нельзя не подивиться также и искусству maestro, такъ хорошо написавшаго эту оперу для своего любимца, ибо вся она видимо написана для Лаблаша, и актеръ и пѣвецъ, которому бы вздумалось подражать ему, даже на условіи столь же огромныхъ музыкальныхъ и сценическихъ дарованій, непремѣнно долженъ видѣть свой подлинникъ, чтобы постичь весь высокій трагизмъ этой роли!... По окончаніи представленія, Лаблашъ и Г-жа Лёве были единодушно вызваны публикою, и получили справедливую дань всеобщихъ рукоплесканій.

Я говорилъ о Лаблашѣ какъ объ отличномъ артистѣ; теперь не могу умолчать, что я слышалъ объ этомъ геніяльномъ артистѣ, какъ о человѣкѣ. Лаблашъ родомъ Неаполитанецъ, и отличается высокимъ образованіемъ: примѣрный отецъ семейства, онъ одаренъ всѣми качествами ума и сердца, и, какъ истинный геній, любитъ все прекрасное, все изящное, даже и въ соперникѣ своего искусства: вотъ разгадка той дружбы, которая связываетъ его съ двойникомъ его, Рубини. Одни мелкіе таланты завидуютъ успѣхамъ другихъ дарованій: люди геніяльные, художники въ душѣ, радуются, наслаждаются ими. Домъ Лаблаша есть rendez-vous всего умнаго, любезнаго, арена душевныхъ наслажденій для многочисленныхъ друзей его и любителей изящнаго во всѣхъ родахъ. Вотъ разгадка и того всеобщаго уваженія, которымъ пользуется этотъ даровитый артистъ во Франціи и въ Италіи. Объ этомъ чудѣ-человѣкѣ раз-

сказывали мнѣ множество анекдотовъ, одинъ другаго забавнѣе. Вотъ, покамѣстъ, два, принадлежащіе къ будущей біографіи сего великаго артиста, совершенно его характеризующіе. Никто столько не получалъ подарковъ какъ Лаблашъ, любимецъ всѣхъ Дворовъ и столицъ, которыхъ онъ восхищалъ своимъ необыкновеннымъ талантомъ: у него столько табакерокъ, что для каждаго дня въ году онъ имѣетъ по одной (*). Нынѣшняя Королева Викторія недавно пожаловала ему новую, драгоцѣнную табакерку, и шутя сказала ему: «J'espère, monsieur Lablache, que vous trouverez un jour dans l'année pour faire usage de mon cadeau». — Madame, отвѣчалъ артистъ: vous me voyez tout confus de ne pouvoir pas le faire: tous mes jours sont pris.... На это Королева отвѣчала ему: «Eh bien Mr. Lablache: ma tabatière vous servira pour les années bisextiles». Другой анекдотъ довольно хорошо характеризуетъ разсѣяніе Лаблаша. Находясь однажды въ Неаполѣ, онъ позванъ былъ къ Королю, который весьма любитъ Лаблаша, какъ великаго артиста и добродушнѣйшаго изъ людей. Когда онъ явился во дворецъ, Король былъ занятъ, и пѣвецъ долженъ былъ дожидаться въ пріемной залѣ. Жаръ былъ ужасный, а въ открытыхъ галереяхъ ходилъ сквозной вѣтеръ; толстякъ Лаблашъ, весь въ поту, опасаясь простуды, попросилъ у окружавшихъ его позволенія прикрыться шляпой: дорожа здоровьемъ его, всѣ единодушно пригласили его это сдѣлать. Лаблашъ, заговорясь съ придворными, не замѣчалъ, какъ текло время; вдругъ отворяются двери въ пріемную, и Лаблаша зовутъ къ Королю: онъ бросается опрометью, и забывъ, что шляпа на головѣ его, схватываетъ другую, и такъ является къ Королю. Увидя такую странность, Король не могъ удержаться отъ смѣха, и спросилъ Лаблаша: зачѣмъ держитъ онъ шляпу въ рукахъ? Лаблашъ смутился и отвѣчалъ, что иначе не смѣлъ онъ предстать предъ лице своего Монарха. «А другая шляпа, на головѣ?» возразилъ Король, продолжая смѣяться. Лаблашъ, смутясь еще болѣе, схватился за голову: тутъ только открылось, что у него двѣ шляпы, своя на головѣ, а чужая въ рукахъ. Разсѣяніе это до того разстроило Лаблаша, что онъ совершенно потерялся и готовъ былъ бѣжать, если бы Король, съ отличающимъ его благоволеніемъ, не удержалъ и не ободрилъ перепуганнаго артиста. Не правда ли, что въ этомъ характерѣ есть много сходства съ нашимъ Хемницеромъ и Французскимъ Лафонтеномъ? На театрѣ, онъ вовсе другой человѣкъ, чѣмъ въ обществѣ. Пѣніе его отличается отрывчивостью и силою нотъ, и вотъ въ чемъ манера его не похожа на методу Рубини, неподражаемаго въ мягкомъ adagio.

(*) Одинъ шутникъ Французъ Д.... сравнивалъ его, въ этомъ случаѣ, съ покойнымъ дипломатомъ Англійскимъ, Лордомъ Кастльре, прозваннымъ нѣкогда «L'Homme aux tabatières».

—

Нѣсколько дней спустя.

Я видѣлъ Лаблаша еще разъ сегодня, а съ нимъ и всѣ знаменитости здѣшней оперы: Г-жъ Гризи и Персіани. По возвращеніи моемъ изъ Гемптонъ-Коурта, одинъ примѣчательный Французскій industriel, Г. Ремюза, родственникъ знаменитаго оріенталиста, человѣкъ, о которомъ стоитъ поговорить особо, пригласилъ меня въ свою ложу. Мы отправились въ театръ цѣлою компаніею: Гг. Ремюза, Таше, дель Брюкъ и я въ ложу, а коломбійцы Ривасъ и Устарисъ въ стали. Въ этотъ день былъ бенефисъ любимой здѣшней танцовщицы, Черито. Огромный Королевинъ Театръ былъ набитъ биткомъ: пять этажей ложъ, бенуары и такъ называемыя ложи *омнибусы*, (*) стали, партеръ, галереи и раекъ (составляющій 6-й и 7-й ярусы въ углубленіи потолка противъ сцены); пустаго

(*) Обширныя боковыя ложи, въ одномъ ярусѣ съ бенуарами.

мѣста не было ни одного. Играли оперу «La Gazza Ladra» (Сорока Воровка), сцену изъ оперы «Lucia di Lammermoor,» балетъ «L' Elève de l'Amour», актъ изъ Хитаны, видѣнныя нами третьяго дня, и новый дивертиссементъ. Въ Сорокѣ Воровкѣ, Лаблашъ явился совершенно новымъ актеромъ, и столько же превосходнымъ buffo caricato, какъ и трагикомъ. Онъ игралъ роль судьи съ такимъ благороднымъ комизмомъ и юморомъ, что нельзя было не смѣяться, а пѣлъ такъ хорошо, что нельзя было слушать его безъ восхищенія: настоящій протей сцены, всегда превосходный и вездѣ разнообразный. Гризи превзошла мое ожиданіе въ роли служанки, мнимой преступницы, и пѣла съ такою душою и искусствомъ, что всѣ мы заслушались ее, не смотря на громкое болтанье нѣкоторыхъ Англійскихъ дилеттантовъ обоего пола, сидѣвшихъ въ сосѣдней ложѣ Надо признаться, что и физика Г-жи Гризи самая выгодная для сцены. Не будучи, что называютъ, красавицей, она женщина видная и довольно хороша собою, не смотря на свои 36 лѣтъ; но когда женщина эта одушевится, она истинно прекрасна! Тамбурини поразилъ меня сегодня въ роли отца Нинеты, и поразилъ вдвойнѣ: патетизмомъ игры своей и необыкновеннымъ *сходствомъ* своимъ... съ кѣмъ бы вы думали?—съ великимъ Наполеономъ! Послѣднее — просто случайность, сознанная всѣми, когда Тамбурини наденетъ военный мундиръ и причешетъ волосы, какъ убиралъ ихъ нѣкогда *маленькій капралъ*. Но первое есть плодъ ученія и любви къ своему званію, неотъемлемое достоинство истиннаго артиста. Сцена прощанія его съ дочерью, въ концѣ 1-го акта, была до высочайшей степени трогательна, и произвела неистовый восторгъ въ цѣлой публикѣ: а произвесть его здѣсь, кромѣ таланта великаго или гаерства какого нибудь шута, довольно трудно. Самый голосъ Тамбурини, какъ пѣвца, былъ сегодня гораздо чище; но воля Г. Тамбурини — онъ все-таки не естественъ: онъ не споетъ вамъ ни одной ноты безъ триллера (cadence) или фіоритуры: избытокъ сего украшенія превращается наконецъ въ какое-то гоготанье, ржаніе или козлопѣніе. Хотя бы на меня за это возстали всѣ поклонники Тамбурини, я не перемѣню своего мнѣнія, которое раздѣляютъ со мной многіе хроматики и музыканты, судившіе о пѣніи Тамбурини.—Что сказать о Флавіо, второмъ тенорѣ? Въ иной труппѣ его бы расхвалили, но близость Лаблаша и Рубини много вредили синьору Флавіо въ роли любовника героини піесы. Хоры шли довольно изрядно. Но когда появилась славная Персіани, и запѣла свою арію (въ Lucia di Lammermoor), то все затрепетало отъ наслажденія, и самая болтовня несносныхъ Англійскихъ денди и ихъ идоловъ, умолкла; каждое слово артистки было слышно, каждая нота раздавалась, какъ звукъ колокольчика или флейты. Ей уступала въ этомъ пальму первенства и сама великая Малибранъ, отдававшая ей всю должную справедливость. (*) Къ величайшему прискорбію моему, пѣніе Рубини не соотвѣтствовало общему ожиданію. Онъ былъ сегодня не въ духѣ, и не смотря на это, дуэтъ ихъ былъ прелесть! А что бы онъ былъ, если бы Рубини

(*) Такія дружескія соперничества талантовъ весьма не рѣдки. Г. Гаррисъ, Піемонтіецъ, мужъ одной примадоны, съ успѣхомъ игравшей въ Палермѣ и Миланѣ, ангажированной на два года въ Гаванну и отъѣзжающей туда черезъ двѣ недѣли, разсказывалъ мнѣ одинъ любопытный анекдотъ о театральной войнѣ, происшедшей недавно въ Палермѣ. Война сія возгорѣлась за двухъ Французскихъ пѣвицъ Алесъ и Пиксисъ, соперницъ по искусству и пріятельницъ по душѣ. Алесъ превосходила соперницу свою красотою и граціею; Пиксисъ превосходила ее въ искусствѣ пѣнія, и въ Палермѣ образовались двѣ партіи дилеттантовъ, въ пользу каждой изъ двухъ примадоннъ. Въ дни, бенефисовъ двухъ пѣвицъ, у соперниковъ доходило дѣло до драки: одна партія шикала, другая бросала вѣнки и кричала

захотѣлъ явиться тѣмъ, чѣмъ онъ есть? (*) Я говорилъ уже выше о различіи методы его съ методою Лаблаша, которому онъ уступаетъ въ игрѣ, какъ актеръ: по этой части, какъ слышалъ я, есть у него въ Италіи довольно знаменитый соперникъ, Моріани. Но, если онъ превосходитъ его въ vivace, то далеко уступаетъ сопернику своему, Рубини, въ неподражаемомъ andante. Про этого Моріани новѣйшіе Итальянцы составили каламбуръ: *Moriani* e perfetto, quand'egli dove *Morir* sulla scena». (Моріани превосходенъ, когда ему слѣдуетъ умирать на сценѣ). Объ актерѣ-пѣвцѣ Маріо разсказывали мнѣ довольно любопытныя подробности. Онъ сынъ маркиза, бывшаго военнымъ губернаторомъ Ниццы, и вступивъ на сцену, по страсти къ пѣнію и къ театру, и противъ воли отца, принудилъ его, *стыда ради*, оставить постъ свой и удалиться въ свой замокъ. Такова сценоманія въ Италіи! Таковы потомки древнихъ гражданъ міровластителя Рима! Можно ли послѣ сего дивиться уничиженію нынѣшней Италіи?

Въ антрактахъ Италіянскихъ Оперъ, кромѣ отрывчатыхъ музыкальныхъ сценъ, даютъ здѣсь обыкновенно небольшіе балеты и дивертиссементы. Мнѣ случилось видѣть нѣкоторые, напримѣръ: «L'Elève de l'amour» небольшой балетъ, даванный недавно у насъ въ Россіи. Но Петербургскій зритель грубо обманется въ своихъ ожиданіяхъ, если захочетъ увидѣть здѣсь нашу великолѣпную постановку или тотъ ensemble, которымъ отличаются наши балеты: *Далеко кулику до Петрова дня!* Двѣ танцовщицы—едва не боготворимая здѣсь Миланская грація *Черито* (Cerito) и Французская солистка Парижской Оперы, Г-жа Стефанъ, да два танцора, Матьё и Алберъ—вотъ все, что привлекаетъ Лондонскую публику въ «Воспитанницѣ Амура»; самъ амуръ, тощая и слабая дѣвочка, довольно плохъ, а corps de ballet никуда не годится. Но плутовка Черито истинно прелестна. Она умѣла поддѣлаться подъ вкусъ Англійской публики: зная, что обладаетъ прекраснѣйшимъ бюстомъ и миленькою физіономіею, она, со всею роскошью пламенной Италіянки, не скупится на самыя очаровательныя позы и тѣлодвиженія. Она такъ легка и гибка, что ее прозвали здѣсь Сильфидою, и подъ этимъ именемъ отлитографировали ея портретъ. Нельзя представить себѣ ничего

браво; ссора усилилась; палки со шпагами обнажились, и едва не дошло до кровопролитія; а что всего страннѣе: сама полиція приняла участіе въ этой распрѣ, такъ что представленіе (бенефисъ Г-жи Никсисъ) едва не остановилось. По счастію, нашелся какой-то миротворецъ со стороны противной, уговорившій своихъ товарищей отложить торжество своего идола до ея бенефиса. Предваряя повтореніе этой сцены, на слѣдующее утро обнародовано запрещеніе правительства бросать пѣнки. Что же вышло? Въ бенефисъ Г-жи Алесъ, одинъ Сицилійскій вельможа не устыдился взойти на сцену, и отъ имени своихъ кліентовъ надѣлъ пѣнокъ на чело бенефиціантки. Всего забавнѣе, что обѣ соперницы, набивъ довольно туго кошельки свои и бумажники отъ щедротъ Палермскихъ дилеттантовъ (какъ двѣ сестрицы пріятельницы), отправились на одномъ и томъ же кораблѣ пожинать новые лавры торжествъ и новые дары фортуны по другимъ театрамъ Италіи.

(*) Говорятъ, что Рубини, получающій отъ голоса своего по 100,000 фр. ежегоднаго дохода, бережетъ иногда свой золотой рудникъ, чтобы какъ можно долѣе пользоваться его богатствомъ. И умно дѣлаетъ! Въ сыромъ климатѣ Англіи, онъ бы скоро его исчерпалъ. Всѣ журналы за него. онъ ихъ *вѣрный подписчикъ*, и не боится оппозиціи. Для тѣхъ, кому неизвѣстна эта продѣлка, не мѣшаетъ сказать о семъ нѣсколько словъ. Вотъ какъ это бываетъ: Редакторъ театральнаго фельетона или газеты, какъ, наприм., Г. Морисъ, въ Парижѣ, приноситъ актеру или пѣвцу свой реестръ и *требуетъ*, а не *проситъ* подписаться на столько-то экземпляровъ, смотря по жалованью, получаемому актеромъ. Подписавшійся можетъ быть увѣренъ, что его непремѣнно будутъ хвалить, и на оборотъ. Иные артисты, какъ, наприм., получающіе высокое жалованье, принуждены иногда брать до 25-ти экземпляровъ. И послѣ этого, извольте вѣрить журнальнымъ объявленіямъ!...

подобнаго (не говорю *столь изящнаго*), даже видѣвшему Таліони и восхищавшемуся ею: это просто одна изъ Александрійскихъ дѣвъ, восхищавшихъ Римъ за его Лукулловскими пирами; олицетворенная Luxuria, à faire damner le sévère Anglais! Прелестница эта не являлась еще въ Парижской Большой Оперѣ; но слава ея прогремѣла уже въ бюллетеняхъ извѣстнаго Жюль-Жанена: «La Taglioni était venue rapper à la porte de l'opera, говоритъ онъ: mais l'echo a répondu—Cerito!» Нѣкоторые Французы увѣряли меня, что явясь на сцену ихъ оперы, Черито должна будетъ отказаться отъ своихъ manières de cabaret; что танцорка Стефанъ имѣетъ во сто разъ болѣе граціи и мастерства, чѣмъ роскошная прелестница Черито! и т. п. Но кто можетъ опредѣлить границы изящнаго въ танцахъ, когда сами они суть не натура, а роскошь искусства? По крайности, здѣсь, въ Лондонѣ я былъ свидѣтелемъ величайшаго торжества молодой волшебницы Черито. Послѣ прелестно проплясаннаго ею съ Албертомъ *Стирійскаго па*, (the Steerienne) два букета цвѣтовъ полетѣли въ честь ея на сцену, при неистовыхъ плескахъ и гикахъ двухъ тысячъ зрителей, переполнявшихъ весь Италіянскій Театръ въ бенефисъ своей любимицы. И надобно сознаться, что Черито была пластически прелестна въ этомъ изобрѣтенномъ ею па. Не спрашивайте почему онъ названъ Стирійскимъ! Ни костюмъ, ни самый танецъ не соотвѣтствуютъ своему названію, но надобно же было окрестить какъ нибудь эту *новую новость*! Понесчастію, букетомёты немного опоздали и худо цѣлили: одинъ букетъ изъ ложъ палъ на сцену, послѣ спуска завѣсы, и поднятъ бутафорскимъ помощникомъ; другой шлепнулъ по лысинѣ какого-то музыканта, и какъ на букетѣ не было адреса, то онъ... гдѣ самолюбіе не гнѣздится?... вѣроятно, принявъ посылку за дань уваженія къ своей плохой игрѣ, преспокойно воткнулъ букетъ въ петлицу своего чернаго фрака.. Еще нѣсколько словъ объ оркестрѣ здѣшней оперы: не смотря на шутку мою, онъ превосходенъ, и уступитъ развѣ одному Парижскому въ числѣ и искусствѣ музыкантовъ, разумѣется, примачей, а не секундистовъ.

30 Іюля (11 Августа), былъ я въ національномъ Геймаркетскомъ Театрѣ; играли комедію въ двухъ дѣйствіяхъ Foreign-affaires or the Court of Queen Anne (Иностранные дѣла, или Дворъ Королевы Анны), кажется, передѣланную съ Французскаго и которой мы не застали-но за то насмотрѣлись вдоволь на проказы любимца здѣшней публики, Вренча (Wrench) «въ My Friend the Captain, a new Farce (Другъ мой капитанъ, новый, фарсъ). Все дѣло въ томъ, что *Мистеръ Фридерикъ Донг-Броунъ* captain by Courtesy т.е. *названный капитанъ*, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ актовъ надуваетъ на каждомъ шагу друга своего, провинціяла *Габріеля Спокесвеля*, a natural victim (*естественную жертву*); въ 1-мъ актѣ съѣдаетъ его обѣдъ, выпиваетъ его вино и пиво; при помощи вора слуги, *Тома Трига*, a Tiger (Тигра), обираетъ его мебель, надѣваетъ на себя новый его пальто и новую шляпу; выманиваетъ у него кошелекъ съ деньгами и, оставя его расплачиваться съ портнымъ и съ преслѣдующими его заимодавцами, выскакиваетъ въ окно. Во 2-мъ актѣ, преслѣдуемый полиціею, тотъ же мошенникъ вскакиваетъ въ окно другаго дома, опрокидываетъ столъ съ фарфоромъ, встрѣчается съ служанкою дома, узнаетъ отъ нее, что сюда ожидаютъ жениха хозяйской дочери, Патти, богатой, *набитой* дурѣ, невѣстѣ-облупленнаго имъ дурня; называется его знатнымъ родственникомъ, и втирается въ милость къ ея родителямъ. Отецъ дѣвушки, Г. Тейдмаршъ, родъ Панталона Италіянскихъ арлекинадъ, а мать — родъ Ксантипы, жены Сократовой. Въ ожиданіи жениха, мнимый капитанъ вскруживаетъ голову дурѣ невѣстѣ, цѣлуется съ нею въ ви-

у Эродныхъ, и она, отзывая мать въ сторону, говоритъ ей, что хочетъ выйти замужъ за этого рыцаря фортуны. Отецъ противится, дочь даетъ любовнику ночное *рандеву* въ библіотекѣ. Является другая дѣвушка, пріятельница Патти и племянница отца ея, Клара Сельборнъ, которой негодяй строилъ куры, и которая влюблена въ него и хочетъ быть свидѣтельницею его невѣрности. Между тѣмъ приходитъ и дурень Сноксвель, открывающій обокравшаго его плута, такъ глупъ, что даетъ себя обмануть вторично: мнимый капитанъ не даетъ ему говорить и выталкиваетъ его à coups de pieds, подъ видомъ объясненія: потомъ, напоивъ его пьянаго, приводитъ назадъ. Ночная сцена въ 3-мъ дѣйствіи, въ темнотѣ. Всѣ другъ друга ищутъ, капитанъ сталкивается dos à dos съ хозяйскою дочерью и начинаетъ съ ней объясняться; свиданіе прервано приходомъ Карла Сельборна, производящаго страшную кутерьму; но подъ конецъ все улаживается: двѣ пары женятся, и въ дуракахъ остается.... a natural victim, Габріель Сноксвель. Вотъ и все. Таковы нынѣшніе фарсы, замѣнившіе у Англичанъ неблагопристойные, но умныя комедіи Шеридана, Ванбрёга и Шадуэля. Одна изъ нихъ, однако жъ, the Scool for scandal возвѣщена на афишѣ, для дебюта Американскаго актера *Плясида* и лучшаго Англійскаго трагика, *Мекреди*. Актеры эти довольно хороши и въ комедіи, а Мекреди, обладающій самымъ звучнымъ органомъ, весьма хорошъ и въ трагедіи. Онъ занимаетъ роли нашего Я. Г. Брянскаго. Я видѣлъ Мекреди въ новой трагедіи Шеридана-Ноульса (Cheridane Knowles) младшаго (*) — «Виргиній,» которая имѣла здѣсь an immense success (*огромный успѣхъ*), какъ то возвѣщено было и въ газетахъ и на афишахъ. Аппія игралъ *Валлакъ*, замѣнившій *Кина* младшаго, далеко отставшаго отъ своего геніяльнаго отца, хотя онъ гораздо выше Плясида и Валлака. Я видѣлъ его въ послѣднемъ представленіи — «Ромео и Юліи», съ Миссъ Еленою Три (Tree), гдѣ они мнѣ очень понравились. Но о сравненіи всѣхъ этихъ трагиковъ и самаго Мекреди, въ «Королѣ Лирѣ,» съ нашимъ В. А. Каратыгинымъ—и словъ нѣтъ! Они далеко отъ него, a cent lieues, какъ говорятъ Французы. Кинъ играетъ теперь... на бѣдномъ Ричмондскомъ Театрѣ! (*) Но отличнѣйшій комическій актеръ Геймаркетскаго Театра, безъ сомнѣнія *Врениъ*. Онъ прекрасно игралъ роль мнимаго капитана. Комическія актрисы весьма посредственны, и развѣ одну Мистрисъ Елену Фаусить, игравшую роль Виргиніи, можно назвать настоящею актрисой. Но здѣсь есть другая особа, которая всѣмъ кружитъ голову, это лихая, лѣтъ 25-ти, Француженка, *Селеста*, пожаловавшая сюда съ Парижскаго пантомимнаго Театра de la Porte St. Martin. Года за три назадъ ее почти не замѣтили въ Лондонѣ; но когда она воротилась сюда изъ Америки, гдѣ два года торжествъ, *едва ли заслуженныхъ*, пріобрѣли ей *условную* славу, она принята была съ восторгомъ, и имя ея, для *влящаго привлеченія публики*, выставляется на афишѣ съ тремя особенными удивительными знаками (! !! !!!). Таково колесо фортуны! Проживъ въ Америкѣ, Селеста, едва не бовгогримая теперь въ Лондонѣ, безъ зазрѣнія совѣсти ломаетъ Англійскій выговоръ на Французскій ладъ, выходитъ иногда и въ драмахъ (въ *мужскихъ* роляхъ); но главная арена торжествъ ея — *пантомима*. Англійскіе бумагомарателн кропаютъ для нея librettos, гдѣ она болѣе отличается ловкими переодѣваніями, чѣмъ настоящею мимикою. Такова точно и плохая мелодрама The Frensh Spy (*Фран-*

(*) Нарочно такъ назвали его въ отличіе отъ извѣстнаго автора «Школы злословія».

(*) Основателемъ театра сего былъ знаменитый его отецъ.

чузъ шпіонъ\, гдѣ я видѣлъ Селесту. Дѣйствіе представляетъ взятіе Алжира: на сцену выведены *Маршалъ Бурмонъ съ своимъ штабомъ* и *маркитантками, чтобы протанцовать въ дивертиссементъ!* Дей Алжирскій, Гуссейнъ-Паша, въ видѣ и костюмѣ какого-то безбородаго пирата, съ своимъ кальяномъ, и арабъ пустыни, Гаметъ, съ Алжирскими агами и офицерами. Дѣло въ томъ, что мнимый шпіонъ есть Французская дама (a French Lady), которой женихъ, полковникъ де Курси, попалъ въ плѣнъ къ Алжирцамъ, и изъ любви къ которому Матильда де Мери является сперва нѣмымъ Французско-уланскимъ офицеромъ, не смотря на нѣмоту свою, командуетъ пѣхотой, а потомъ надѣваетъ платье какого-то Гамета, восточнаго стрѣльца, и съ лукомъ въ рукѣ расхаживаетъ по Алжиру, хотя подобныхъ луконосцевъ тамъ давно уже не видали. Приключенія ея, опасности, коимъ подвергается, тайныя передачи писемъ на лукѣ плѣнному полковнику — вотъ завязка этой преглупой піесы, лишенной всякаго правдоподобія, и кончающейся бомбардированіемъ и взятіемъ цитадели. Въ піесѣ этой солдаты и маркитантки составляютъ такъ называемый здѣсь балетъ, истинную пародію на балеты! Граціозо піесы — актеръ Оксбери, въ роли Тони Бернарда, недавняго рекрута (of the new levée) составляетъ отраду любителей фарса, раздѣляющихъ рукоплесканія свои между *неподражаемою*(!) *Селестой* и этимъ шутомъ. И вотъ піесы, которыми восхищается Лондонская публика, за непмѣніемъ или не желаніемъ лучшихъ. Честь и слава ея изящному вкусу!

—

Августа 1/13 были мы цѣлымъ обществомъ въ простонародномъ театрѣ New-Strand-Theatre, недавно открытомъ для публики. Театръ этотъ образуетъ передъ сценою правильный полукругъ, и такъ малъ, что въ немъ едва помѣстится нѣсколько сотъ человѣкъ, если бы даже всѣ мѣста его были заняты. На немъ играются мелодрамы и фарсы *бурлеско*, любимый родъ здѣшнихъ піесъ. Костюмы и декораціи хуже нашихъ балаганныхъ, и при всемъ томъ, театръ этотъ всегда полонъ. Актеры были бы не дурны (*), если бы не было здѣсь *въ обязанности ихъ* утрировать всѣ свои роли: истины и натуры не ищите на здѣшней сценѣ; но за то на ней есть натура условная, натура Англійскихъ Гогартовыхъ карикатуръ: здѣсь вы всѣхъ ихъ увидите въ дѣйствіи. Представленіе началось разными аллегорическими картинами; но главная піеса, привлекающая здѣшнихъ дилеттантовъ, была «Barnaby Rudge», піеса нелѣпая, какъ и всѣ мелодрамы, но заключающая въ себѣ политическую цѣль, и совершенно въ духѣ нынѣшняго времени, т. е. въ духѣ господствующей здѣсь партіи *вигговъ* (**). Цѣль этой піесы доказать бѣдность и развратъ народа, каменное равнодушіе и низость торіевъ.

Чтобы дать идею о шарлатанствѣ Англійскихъ афишъ, нужно списать хоть эту. Вотъ она съ переводомъ:

(*) Одну только Мистрисъ Кили можно назвать истинно *превосходною* въ роли Барнеби Роджа; Миссъ Скотъ была очень хороша въ роли матери. Другіе любимцы здѣшней публики, Директоръ Страндскаго театра Голь (Hall), Леси (Lacy) Сандерсъ, Рей, Г-жи Мельвиль Фосбрукъ и Ли, портили талантъ свой самою жалкою угодливостью безвкуснѣйшей своей публикѣ. Карикатурность ихъ выходила изъ всѣхъ предѣловъ условнаго комизма. Самая красота послѣдней актрисы не помогала; жаль было смотрѣть на нее въ иныхъ сценахъ, напоминавшихъ Вольтерову la belle et bête Corysandre.

(**) Теперь листъ перевернулся, и мѣсто ихъ заняли Торіи.

BARNABY RUDGE
OR THE RIOTS OF LONDON IN 1780.

New scenery by Mr. Gordoy. Dresses by M. Nathan. Machinery by M. Breckell. *Proporties* by Mr. Purvis. The piece written and adaptet expresly for this Theatre by *M. Stirling.*

Characters in the history:

Mr. Haredale, a gentleman of ruined fortune	*Mr. Maynard.*
Mr. (afterwards sir John) Chester, a man of the world and a Disciple of the Chesterfield code .	*Mr. I. W. Ray.*
Edward Chester, his son. Loved and loving. . . .	*Mr. Conway.*
Gabriel Vargen, Locksmith and Bellhanger	*Mr. Cullenpord.*
John Willett, Landlord of the Maypole	*Mr. Corrie.*
Joe Willett, his boy . .	*Mr. Everett.*
Simon Tappersit, an apprentice under protest a United Bull-dog, Captain general of theprenticeknights	*Mr. Attwood.*
Tom Cobbs, an Exciseman	*Mr. Bottler.*
Salomon Daisy.	*Mr. Deane.*
The Stranger, a Mysstery	*Mr. Laccy.*
Maypole Hugh, the ostler	*Mr. Hall.*
Dennis, the Hangman . .	*Mr. Sanders.*
Barnaby Rudge (the idiot boy)	*Mrs. Keeley.*
Reak, a Valet	*Master Ryan.*

БАРНЕБИ РОДЖЪ,
или Лондонскіе мятежи въ 1780.

Новое сценическое представленіе Г. Гордоя. Костюмы Н. Натана. Машины Г. Брекеля. *Характеристика* (обстановка) Г. Порвиса. Піеса написана и приспособлена именно къ здѣшнему театру *Г. Стирлингомъ* (*).

Историческіе характеры:

Г. Гаредаль, разоренный джентльменъ.	*Г. Мейнардъ.*
Г. (въ послѣдствіи Сэръ Джонъ) Честеръ, свѣтскій человѣкъ, ученикъ Честерфильдова Кодекса (**).	*Г. Д. В. Рей.*
Эдуардъ Честеръ, его сынъ, любимый и влюбленый	*Г. Конуэй.*
Габріэль Варденъ, слесарь и привѣшиватель дверныхъ колокольчиковъ .	*Г. Колленпордъ.*
Джонъ Уиллетъ, Майпольскій трактирщикъ	*Г. Корри.*
Джоэ Уиллетъ, его прислужникъ.	*Г. Эверетъ.*
Симонъ Теперсайтъ, подмастерье, преслѣдуемый закономъ, членъ общества бульдоговъ, главный начальникъ разгульныхъ подмастерьевъ.	*Г. Атвудъ.*
Томъ Коббъ, акцизный сборщикъ	*Г. Ботлеръ.*
Самсонъ Дейзи.	*Г. День.*
Прихожій, неизвѣстный .	*Г. Леси.*
Майпольскій Гогъ, конюхъ	*Г. Голлъ.*
Деннисъ, палачъ.	*Г. Сандеръ.*
Барнеби Роджъ (дурачокъ)	*Г-жа Кили.*
Рекъ, слуга	*Г. Рейанъ.*

(*) Стало быть писатель, не есть сочинитель піесы, а просто фабрикантъ, исполнитель, которому изобрѣтатель далъ идею цѣлаго, костюмеръ нарисовалъ платье, машинистъ назначилъ перемѣны декорацій, а обстановщикъ начерталъ свойства (характеры) его лицъ! Что же онъ самъ? Не поденщикъ ли? Піеса сія взята изъ простонародной повѣсти Боза, до того привлекшей всеобщее вниманіе публики, что извѣстный Чарльсъ Диккенсъ, сдѣлавъ изъ нее историческій романъ, публикуетъ его, по нынѣшней модѣ, выпусками.

(**) Т. е. Кодекса аристократическихъ Beaux или Dandy's.

Mob, soldiers, citizens etc.
Miss Emma Haredale, Niece to Mr. Haredale . . *Miss Lee.*
Mr. Varden, a Saint. . . *Mrs. Fosbroke.*
Dolly Warden, Lacksmiths Daughter . . . . . *Miss Terry.*

Sarra Miggs, a spinster and injuried innocent . *Mrs. Melville.*
Mtrs Rudge, Barnaby's Mother . . . . . *Miss S. Scot.*

Synopsis of the local, scenery, tableaux, taken from the etchings of Phiz, etc.

ACT 1.

Maypole at Chegwell!

A cold customer and warm fireside, cross questions and short answers, strange guests, a story, the uurder at the old manor house, Fathers and Sohns, the dispute, Rebellion, and Flight — Tableau.

A Street in the Outkirts of London 1775,

The Idiot-boy, Robbery and assassination; a saret Witness, the Alarm, a friend in need—Tableau!

House of Gabriel Varden, the Locksmith Clerckenwell.

The solitary Watcher — Tableau! Love laughts at Locksmith's and their Prentices, a Stratagen, the United Bull dog, happy family, a suffering Saint.

Parlour et Workshop at Varden.

The illused'prentice knight, a study; Tableau! A runaway et runaway meeting, a soldier lad plot et counterplot, the letter, a happy day and its gloomy consequences — Tableau!

The Widow's home.

Meeting, misery et mystery, a Widow's mite, de Idiot boy and his only Companion, danger et stealth inbidden guest, wild forest life, snare for the Wicked, the dream, threatenad evil, a Mother's comfort, a Mother's joy — Tableau!

Oak parlour in the Maypole.

Out of Town, the family party, Love's

Народъ, солдаты, граждане и пр.
Мисъ Эмма Гаредаль, племянница Гаредаля . . . *Дѣв. Ли.*
Мистрисъ Варденъ, святоша . . . . . *Г-жа Фосбрукъ.*
Долли Варденъ, слесарева дочь . . . . . *Дѣв. Терри.*
Сарра Мигсъ, прялья, оскорбляемая невинность (старуха). . . . . *Г-жа Мельвиль.*
Г-жа Роджъ, мать Барнеби *Дѣв. Скотъ.*

Очеркъ сценическихъ мѣстностей, картины, составленныя по гравюрамъ Физа, и проч.

ДѢЙСТВІЕ I.

Гостиница Майпольская у Чегуэля.

Холодные гости и теплый очагъ.—Перекрестные вопросы и короткіе отвѣты.—Странные гости.—Разсказъ воспитателя въ замкѣ отца и сына.—Ссора, возмущеніе и побѣгъ — Картина!

Улица въ кварталѣ Оуткиртсъ въ Лондонѣ 1775.

Дурачокъ.—Разбой и смертоубійство.—Тайный свидѣтель.—Испугъ.—Другъ въ нуждѣ. — Картина!

Домъ Габріэля Вардена, слесаря на Клеркенуэлѣ.

Уединенный сторожъ.—Картина!—Любовь насмѣхается надъ слесаремъ и его ученикомъ.—Хитрость.—Общество соединенныхъ бульдоговъ.—Счастливое семейство.—Страждущая святоша.

Бесѣдная и мастерская Вардена.

Обвороженный подмастерье.—Ученье.—Картина!—Побѣгъ и встрѣча на побѣгѣ.—Солдатъ молодецъ.—Заговоръ и отводъ.—Письмо.—Счастливый день и его печальныя слѣдствія. — Картина!

Жилище вдовы.

Встрѣча.—Нищета и таинственность.—Лепта вдовицы.—Дурачокъ и его единственный товарищъ.—Опасность и покража.—Незваный гость.—Жизнь въ дикомъ лѣсу.—Ловушка для злодѣя. — Сонъ. — Угрожающая бѣда.—Материнскій пріютъ. — Материнская радость.—Картина!

Дубовая зала въ Майполѣ.

За городомъ.—Семейная прогулка. —

messenger, a Fop of the last century, a Fathers bargain, honey not hearts, the Barnaby, Raugh Hugh.

ACT II.

The old Manor House.

The English Gentleman, the poor dependant—TABLEAU! Guilt and innocence, departure, a Woman's secret, the Lover's surprised—TABLEAU! Youth, Love and Folly.

Varden's house.

A card, the spy, friedly call, cordial meeting, saents et sinners, a compact.

Chester chambers in the Temple.

A morning lecture on the Arts, Fathers et sons, a friend from the Country, the stolen letter, home et logic, Drink to the Drink—TABLEAU! Filial love, happy Mother, hopeful son—TABLEAU! The chair.

The House of Mrs. Rudge.

The Mystery, an honest rival, Honour and Honesty, The ruined family.

The Wanderer's rest.

The hoart's Yearning for Gold. Sunny prospects, Chilling Words, a traveller. Weep for the blind, disovery and threat, the bargain. Flight from home, swet home—TABLEAU! The Widow and the son.

The boot, a low public house near the foundleng Hospital.

The united Bull-dogs, a new member—TABLEAU!

The patriot hist, a noble captain, Sons of Freedom.

NO POPERY DANCE.

Westminster Bridge leading to the Hall, 1780.

Old Friends, Street rows, the shalengo—TABLEAU! A secret foe, the wanderers, the boy and the patriot, order and disorder, Last scéne, The forsaken Home.

THE RIOTS OF LONDON.

Justice to the Guilty, Conflagration of London, and the mistery revealed amidst the Flames of the

Burning City!

Вѣстникъ любви. — Франтъ послѣдняго столѣтія.—Родительское согласіе. —Медъ на сердце!—Барнеби.—Грубый Гогъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Старый замокъ.

Англійскій помѣщикъ.—Бѣдные подчиненные.—КАРТИНА!—Вина и невинность.—Отъѣздъ. — Женская тайна.—Пойманные любовники.—КАРТИНА!—Юность.—Любовь и безразсудство.

Домъ Вардена.

Стебель.—Шпіонъ.—Дружескій зовъ.—Радушная встрѣча. — Святоши и грѣшники. — Договоръ.

Честеровы комнаты въ Темплѣ.

Утреннее беллетрическое чтеніе.—Отцы и сыновья. — Деревенскій пріятель. — Украденное письмо.—Квартира и логика —Глотокъ за глоткомъ.—КАРТИНА.—Дѣтская любовь.—Счастливая мать.—Полный надежды сынъ—КАРТИНА!—Каѳедра(бочка)!

Домъ Г-жи Роджъ.

Тайна.—Честный соперникъ.—Честь и честность.—Разоренное семейство.

Остатки бродяжничества.

Куча состраданія за золото.—Свѣтлая перспектива. — Ледяныя слова.—Странникъ.—Слезы о слѣпцѣ.—Открытіе и угроза.—Уговоръ.—Побѣгъ изъ дому.—Любезный домъ.—КАРТИНА! – Вдова съ сыномъ.

Бутъ, домъ призрѣнія близъ госпиталя найденышей.

Собраніе бульдоговъ.—Новый членъ.—КАРТИНА.

Патріотическое утишье.—Благородный начальникъ.—Чада свободы.

ПРОЧЬ ПЛЯСКИ ПАПИСМА.

Мостъ Вестминстерскій, дорога къ палатамъ, 1780.

Старые пріятели.—Ряды улицъ.—Поединокъ,—КАРТИНА!—Тайный врагъ. – Странники.—Дурачокъ и патріоты.—Порядокъ и безпорядокъ! —Послѣдняя сцена.—Покинутое жилище.

ЛОНДОНСКІЕ МЯТЕЖИ.

Кара виновному. —Пожаръ въ Лондонѣ и открытіе тайны при пламени

Горящаго города!

Герой этой піесы мальчикъ, полудурье (idiol) *Барнеби Роджъ*, добрый геній, противопоставленный закоснѣлому злодѣю, который во все продолженіе піесы грабитъ и рѣжетъ людей. Мальчикъ этотъ съ тетеревомъ за плечами и съ палкою въ рукѣ, не смотря на слабоуміе свое, исправляетъ разныя посылки, и тѣмъ кормитъ себя и бѣдную мать свою. Онъ одинъ былъ свидѣтелемъ убійства, совершеннаго злодѣемъ во 2-й картинѣ, и въ концѣ піесы обнаруживаетъ его. Злодѣй этотъ его отецъ, приходящій не разъ грабить домъ несчастной матери добряка *Барнеби*, котораго онъ готовъ былъ убить, если бы тотъ открылъ его въ видѣ слѣпца, просившаго у нихъ милостыни. Правосудная казнь постигаетъ злодѣя въ концѣ піесы, въ которой нѣтъ ни связи, ни толку, но за то бездна эффектныхъ картинъ, привлекающихъ Англійскую публику. Въ піесѣ сей, не смѣю назвать ее даже и мелодрамою—чего—чего хочешь, того спросишь: въ ней нѣтъ сюжета и бездна сюжетовъ, отъ которыхъ идетъ голова кругомъ; тутъ есть и аристократъ, чокающійся съ грязнымъ мерзавцемъ, и покушеніе противъ *дѣвушки* въ лѣсу, и спасеніе ея полудурьемъ *Барнеби*, и драка подъ кулачки, и сцена пьяныхъ, неистовыхъ бульдоговъ(людей-псовъ)—черни, подкупаемой навыборъ депутата, есть и народный *ораторъ на бочкѣ*, и дуэль, и Гогартовскія карикатуры въ лицахъ, и обольщенія, и таинственность, и зажигатели, которые даютъ нести знамя свое глупенькому Барнеби, и *мятежъ*, и набатъ, и стрѣльба, и палачъ—недостаетъ только одного .... *здраваго смысла*!

Здѣсь слѣдуетъ вопросъ: «какая польза обществу отъ представленія подобныхъ сценъ?»

Но при всей чудовищности этой возмутительной піесы, здѣсь представляютъ другую, еще болѣе неистовую; она играна болѣе 100 разъ на всѣхъ Лондонскихъ театрахъ, и называется *Джекъ Шеферъ* (Jack Shepher). Если вѣрить тѣмъ, которые ее видѣли, то въ ней *преподается полный курсъ мошенничества и воровства*. Передъ осмотромъ *Ньюгетской Тюрьмы*, мнѣ разсказывали, что въ ней находится еще нѣсколько мальчиковъ, принявшихся за кражу тотчасъ по выходѣ изъ представленія этой мерзости. Я самъ видѣлъ двухъ изъ нихъ, которыхъ стараются обратить на путь истины въ Ньюгетской Тюремной Школѣ. Такой *систематическій развратъ* народа Англійскаго, съ разрѣшенія Лорда Чамберлейна(*Лорда Камергера*) мало приноситъ чести ихъ безграничной свободѣ, ибо злоупотребленіе ея вышло изъ границъ. Конечно, въ піесѣ Джекъ Шеферъ есть нравственная развязка: злодѣя ведутъ на висѣлицу, и онъ кается передъ смертью. Но порокъ представленъ здѣсь въ такомъ *привлекательномъ видѣ*, что окончаніе забывается послѣ долгихъ наслажденій гнуснѣйшимъ развратомъ. Что пользы въ двухъ и трехъ часовыхъ проповѣдяхъ, за которыми зѣваетъ половина Англійской публики? Что проку во всѣхъ внѣшнихъ признакахъ набожности, каково, напримѣръ, закрытіе лавокъ, театровъ и *аптекъ* (!) по воскресеньямъ, если въ будни народъ читаетъ противное Слову Божію во всѣхъ газетахъ, если всѣ мерзости, всѣ неистовства составляютъ лучшую забаву его на сценѣ? Личина святошества ничего не доказываетъ въ пользу религіозной нравственности. Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ напечатанъ былъ въ газетѣ Times разговоръ судьи съ приговореннымъ къ смерти грабителемъ: преступникъ публично сознавался ему, что онъ *ничему не вритъ* и не имѣетъ ни какого понятія о религіи. Не угодно ль другаго примѣра? Вотъ онъ: у родной сестры Пастора въ Г.., родился сынъ, ему уже болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, и мальчикъ не крещенъ еще и понынѣ! Примѣровъ такихъ можно насчитать тысячи, если угодно. Я самъ видѣлъ многихъ Англичанъ и въ Англіи, и внѣ оной.

которые едва признаютъ таинствами Крещеніе и Евхаристію, не говоря уже о прочихъ. И этотъ народъ надменныхъ святошъ назовемъ мы религіознымъ!... Конечно, промышленость ихъ изумительна; успѣхи въ наукахъ, доставляющихъ золото, неимовѣрны, но съ сожалѣніемъ сознать должно, что *положительность* заступила у нихъ мѣсто *нравственности и истинной вѣры! Человѣкъ въ чести своей не уразумѣ*... Вотъ диктонъ, который можно приложить къ настоящей Англіи въ нравственномъ смыслѣ. *Золото и комфортъ—настоящіе идолы Англіи!* и это столь же положительно, какъ и величіе Англіи въ промышлено-торговомъ ея отношеніи...

Изъ другихъ театровъ, открытыхъ при мнѣ, могу упомянуть съ нѣкоторою похвалою объ *Англійской національной Оперѣ* (English Opera), куда привлекаютъ слушателей извѣстный пѣвецъ Кили (Keely)и пѣвица Уэйлетъ, занявшая роли любимой публикою Г-жи Вестрисъ. Веселая оперетка или *бурлетта* «Любовникъ на прокатъ (The Locen of a Lover, a laughable Burletta)» успѣшно пересаженная сюда съ Олимпическаго Театра, чрезвычайно понравилась публикѣ. Успѣхъ новой пѣвицы въ роли Гертруды и *совершенство* (какъ говорятъ Англичане) (*) любимца публики Кили, въ характерѣ Петра Спейка (Peter Spyk) — были *неимовѣрны*; не смѣю прибавить: *и вполнѣ* заслужены. Есть, однако жъ, баллада

«Ill marry him to morrow,»

которую Г-жа *Уэйлетъ* поетъ съ такимъ чувствомъ, что руки ваши невольно слѣдуютъ примѣру другихъ, и вы апплодируете даровитой примадоннѣ, и вы принимаете участіе въ общемъ крикѣ публики: bis! encore! Свистящій Англійскій выговоръ принимаетъ въ устахъ этой женщины какую-то сердечную бархатную мягкость. Два другіе актера—*Гренби* (Granby) и фарсёръ *Серль* (Serle) суть единственные, послѣ двухъ первыхъ, которыхъ можно видѣть съ удовольствіемъ на этой сценѣ. Остальное—unter aller Kritik!

Театръ *Друриленскій* (Drurylane Theatre) былъ закрытъ; на немъ давались въ мое время такъ называемые «Лѣтніе концерты,» на которыхъ дилеттантовъ восхищали увертюра Вильгельма Теля и вся Локова, музыка «Макбета». Представленія на театрѣ семъ, состоящемъ подъ вѣдѣніемъ Мекреди, предполагали открыть послѣ моего отъѣзда.

Для Г-жи Вестрисъ написана, какъ слышно, новая комедія, сочиненія автора піесы «London assurance», которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ журналистовъ, должна быть more admirable than that very succesfull and talented production. Правда ли это? Увидимъ въ послѣдствіи.

На Театрѣ *Адельфи* (Adelphy Theatre) представляютъ публикѣ Китайскія тѣни и піесы съ Бенгальскимъ освѣщеніемъ, которыя являются и исчезаютъ съ своими «allegorical Tableaux» подобно великолѣпнымъ тѣнямъ, для которыхъ они написаны.

Но кто перечтетъ всѣ роды публичныхъ увеселеній Лондона, устроенныхъ для потѣхи публики балаганной? Я далъ два обращика, отъ продолженія—избавляю читателей и самого себя; восхищаться ими и ставить по три удивительныхъ (! !! !!!) предоставляю Великобританскимъ газетчикамъ и ихъ достойнымъ кліентамъ!

24 Августа 1841.
Лондонъ.

П. КОРСАКОВЪ.

(*) Когда отыграли піесу сію, одинъ Англійскій дилеттантъ спросилъ меня: «What can be more perfect than Keely's Peter Spyk?» — «Mr. Bouffé in Michel Perrin» отвѣчалъ я, if you have seen him on the parisian Theatre «Gymnase Dramatique.» Надобно было видѣть съ какимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня, сѣвернаго вандала, надменный сосѣдъ мой, Британецъ.

ТАЛЬМА НА ДАЧѢ.

Извѣстно, что Наполеонъ любилъ и уважалъ Тальму; но, при всей славѣ, знаменитый трагикъ, точно такъ же какъ его старинный другъ и покровитель, мучился одною мыслію: обоихъ снѣдало честолюбіе. Одинъ мечталъ о завоеваніи міра, другой объ обладаніи нѣсколькими десятинами земли за городомъ.

Случилось однажды, что отыскивая травку незапыленную, незагрязненную, не помятую городскими охотниками, Тальма незамѣтно очутился близъ Брюнуа. Надобно же было, чтобы именно въ эту минуту продавали часть имѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ *Маленькой Машины*. Тальма скоро сторговался, и поручилъ своему архитектору, сломавъ гидравлическій снарядъ, построить, вмѣсто его, красивую дачу. Знаменитый артистъ, превратившись въ помѣщика, отличался удивительною страстію къ постройкамъ: онъ безпрестанно строилъ, ломалъ и опять строилъ. Одинъ разъ, когда домъ былъ уже совершенно готовъ, Тальма узналъ, что продается участокъ земли противъ его дачи, перейдя черезъ дорогу. Тальма отправился къ владѣльцу этого участка.

— Ваше мѣсто было бы гораздо удобнѣе для моего дома; видъ былъ бы лучше.

«Да, хладнокровно отвѣчалъ сосѣдъ трагика: но теперь уже поздно.»

— А почему же? спросилъ нетерпѣливый Тальма.

«Потому что домъ вашъ готовъ.»

По мнѣнію великаго трагика, такая причина была неосновательна. Онъ тотчасъ же приказалъ сломать вновь выстроенный домъ, и перенести его на другую сторону дороги. Это обстоятельство подало поводъ къ слѣдующему анекдоту:

Наполеонъ часто и совсѣмъ неожиданно призывалъ къ себѣ Тальму, иногда для того, чтобы поговорить о спектаклѣ въ Тюльери, а иногда для совѣтовъ объ искусствѣ или о театральной администраціи. Каммеръ-лакей былъ посланъ въ Брюнуа. Какъ прежде его посылали нѣсколько разъ на дачу трагика, то, зная ея мѣстоположеніе, онъ прямо отправился къ дому, который уже не существовалъ. Это случилось подъ вечеръ. Каммеръ-лакей сталъ ощупью искать звонка; не тутъ-то было... Посланный бранится, посылаетъ всѣхъ къ чорту. Проходившій мимо крестьянинъ спрашиваетъ его, что онъ ищетъ.

— Домъ Г. Тальмы.

«Да вонъ домъ Г. Тальмы, позади васъ.»

Бѣдный каммеръ-лакей не могъ опомниться отъ изумленія. Незнакомый съ странностями артистовъ, онъ не могъ понять, какимъ образомъ совершенно новый домъ перескочилъ съ одного мѣста на другое.

Тальма особенно любилъ жить въ Брюнуа: это было его убѣжище, куда не достигалъ шумъ свѣта, и гдѣ умирали монотонныя рукоплесканія. Въ свободное время Тальма проводилъ вечера на дачѣ, и вы никогда не угадаете въ чемъ состояло его любимѣйшее развлеченіе. Смывъ румяны и сбросивъ Римскую тогу, великій артистъ снова румянился и переодѣвался, не для того, чтобы явиться на сценѣ Французскаго Театра, но чтобы войти въ какую-то хижину, которая была

выстроена въ саду. Здѣсь, въ присутствіи знакомыхъ и друзей, Тальма забывалъ свое трагическое достоинство, и Манлій являлся... въ курткѣ, въ рыжемъ парикѣ Жокриса и Каде-Русселя! Это истинный фактъ. Но всего забавнѣе то, что сыгравъ *Жокриса въ отчаяніи*, Тальма обращался къ собранію, и говорилъ съ гордостію:

— Не правда ли, вѣдь я лучше Брюне?

Можно себѣ вообразить, каковъ былъ Тальма, когда своимъ могущественнымъ голосомъ выражалъ отчаяніе Жокриса! И что же? Великій трагикъ высоко ставилъ подобныя представленія, оправдывая собою истину, что всѣ геніяльные люди именно и гордятся тѣми достоинствами, которыхъ не имѣютъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ на дачу, говаривалъ Тальма своимъ пріятелямъ, если хотѣлъ оказать имъ особенное отличіе.

Въ Брюнуа же, вскорѣ послѣ первыхъ представленій *Школы стариковъ*, случилась слѣдующая странная сцена.

Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ исполнялъ Тальма роль старика, столь слабаго передъ молодою женою, и столь великаго передъ оскорбленною честію; но едва ли кто знаетъ, что блистательный успѣхъ роли должно, частію, приписать дѣйствію истинной страсти. Во время репетицій *Школы стариковъ*, вдругъ пришло Тальмѣ въ голову, почему онъ, первый трагикъ въ Европѣ, до сихъ поръ не влюбленъ въ первую комическую актрису! Дѣло въ томъ, что Тальма дѣйствительно влюбился въ Г-жу Марсъ... Когда восхищенная публика смотрѣла на обоихъ артистовъ, на борьбу ихъ, основанную на любви и кокетствѣ, вѣрно, никто не воображалъ, чтобы подъ одушевленною личиною скрывалась истинная страсть, достигшая до степени парокисма.

Марсъ пріѣхала однажды въ Брюнуа, къ обѣду. Тальма, полагая, что это самая благопріятная минута для страстнаго объясненія, бросился передъ Марсъ на колѣни. Марсъ со вниманіемъ выслушала его, и потомъ, принявъ фамиліярный тонъ, весьма обыкновенный между артистами, сказала съ своею очаровательною улыбкою:

— Выслушай меня, бѣдный Тальма; ты влюбленъ не въ меня, а въ искусство.

«Въ самомъ дѣлѣ, это правда!» отвѣчалъ Тальма наивно, исцѣленный въ одно мгновеніе, и со смѣхомъ сталъ вытирать свои колѣни...

Въ художническомъ отношеніи, скромная дача Тальмы имѣла, вѣроятно, вліяніе на будущность трагика. Не въ ея ли прекрасныхъ аллеяхъ испытывалъ онъ дѣйствіе своего могучаго органа надъ деревенскими дѣтьми, которыми любилъ окружать себя? Нужно ли было создать новую роль, надобно ли было повторить старую, которая, при каждомъ представленіи, являлась почти новымъ созданіемъ, Тальма тотчасъ уѣзжалъ въ Брюнуа. Здѣсь, передъ зеркаломъ, одинъ съ своею ролью, онъ слѣдилъ за всѣми ея оттѣнками, обсуживалъ, измѣнялъ свою страсть, какъ посторонній человѣкъ.

Замѣчательно, что при многосложномъ его репертуарѣ, каждая страсть, каждое трагическое положеніе такъ глубоко напечатлѣвалось въ памяти Тальмы, что онъ припоминалъ ихъ себѣ безъ книги, безъ тетради, и, уничтоживъ какую нибудь черту, забывалъ уничтоженное и замѣнялъ ее болѣе приличною чертою.

По смерти Тальмы, дача его была продана. Между ревностными охотниками на Брюнуа, явились Бертранъ, директоръ Капатныхъ плясуновъ, и Саки, директрисса акробатовъ. Третій конкурентъ, профанъ, надбавилъ сумму до двухъ сотъ сорока тысячъ франковъ, и такимъ образомъ лишилъ ихъ надежды имѣть въ *драматическихъ* рукахъ помѣстье, соединенное съ прекраснѣйшими воспоминаніями.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Самое замѣчательное явленіе на сценѣ Александринскаго Театра, во второй половинѣ истекшаго мѣсяца, былъ, безъ сомнѣнія, бенефисъ В. А. Каратыгина, 19-го Января. Спектакль начался водевилемъ *Симонъ-Сиротинка*, переведеннымъ съ Французскаго Г-мъ Соловьевымъ. Водевиль этотъ знакомъ читателямъ Репертуара (См. XI-ю книжку 1841-го года), и потому мы не станемъ разсказывать его содержанія.

Главную роль въ этомъ водевилѣ—роль Симона, занималъ Г-нъ Шемаевъ, который, по справедливости, удостоился за нее вызова.

Послѣ этого водевиля дана была трагедія въ стихахъ, *Александра Суме*, написанная имъ общими силами съ дочерью своею, *Маріею д'Альтенгеймъ*. Суме принадлежитъ къ числу самыхъ трудолюбивыхъ, талантливыхъ и благонамѣренныхъ Французскихъ писателей. Онъ смотритъ на искусство съ чистой, благородной точки зрѣнія, и воздѣлываетъ его усердно. Послѣ первыхъ успѣховъ своихъ, онъ удалился изъ Парижа, провелъ нѣсколько времени въ путешествіи по Италіи, безмятежно наслаждаясь природой, искусствомъ и бесѣдою съ Музами. Плодомъ этого артистическаго путешествія были *Божественная Эпопея* (La divine Epopée) поэма, которой первое изданіе разошлось въ Парижѣ въ три недѣли; комедія *Королевскій Дубъ* (Le chêne du Roi), въ трехъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, наконецъ трагедія *Гладіаторъ*.

Сюжетъ этой трагедіи вовсе не историческій, хотя нѣкоторыя дѣйствующія лица въ ней, повидимому, взяты изъ исторіи, и главная идея въ основаніе положена историческая. Авторъ избралъ канвою для своей драмы тотъ моментъ исторіи, когда надъ одряхлѣвшимъ Римомъ занималась первая заря Христіанства, когда въ столицѣ древняго міра раздались первые клики его. Эпоха великая, для которой, по нашему мнѣнію, слишкомъ тѣсны рамы трагедіи.

Впрочемъ, главное дѣйствующее лицо—Гладіаторъ, совершенно отдѣлёно отъ основной идеи драмы: если на немъ сосредоточится вниманіе зрителя, то зритель совершенно не будетъ въ состояніи дать себѣ отчета въ томъ, что авторъ хотѣлъ сказать, какую мысль хотѣлъ выразить своей драмой; если же основная идея драмы сосредоточитъ вниманіе зрителя на себѣ, тогда лицо Гладіатора блѣднымъ призракомъ проскользнетъ по душѣ его, какъ лицо эпизодическое, весьма мало связанное съ самою драмой.

Дѣйствіе въ Римѣ. Христіане украдкою совершаютъ свое богослуженіе въ катакомбахъ, или подземныхъ пещерахъ; число ихъ еще слишкомъ не велико, между тѣмъ какъ гоненія противъ Христіанства съ каждымъ днемъ воздвигаются

болѣе и болѣе. Главою всѣхъ Христіанъ, средоточіемъ, куда они прибѣгаютъ, служитъ старецъ Оригенъ, пустынникъ и пламенный проповѣдникъ Слова Божія. Между его учениками - неофитами особенно отличается красотою тѣла и чистотою души молодая Неодемія, сперва невольница, а потомъ невѣста Флавіана, знатнаго и богатаго Римлянина, который ея любви предпочелъ любовь Фаустины, развратной матери юнаго Цесаря Гордіана.

Фаустина не можетъ перенести такого оскорбленія, и готова мстить, чѣмъ только можетъ, и Флавіану, и Неодеміи. Но и противъ Фаустины есть также мститель — гладіаторъ, котораго жена, по приказанію Фаустины, была зарѣзана во время беременности своей, для того, чтобы изъ крови недоношеннаго ребенка ея сдѣлать, по совѣту врачей, лекарство для новорожденнаго Цесаря Гордіана. Жена гладіатора умерла, но новорожденный ребенокъ (дочь) остался живъ и здоровъ; шрамъ на плечѣ, сдѣланный во время операціи матери, былъ единственнымъ поврежденіемъ, какое сдѣлали дочери ея. Гладіаторъ похитилъ этого ребенка изъ дворца Фаустины, увезъ его въ Египетъ, воспитывалъ тамъ въ пустынѣ; но разъ, когда онъ былъ на охотѣ, дочь его похитили, и съ тѣхъ поръ она пропала безъ вѣсти.

Гладіаторъ возвратился въ Римъ, пылая мщеніемъ противъ жестокой и развратной Фаустины; тщетны были всѣ труды его отыскать дочь свою, которую ищетъ также и Фаустина — цѣною золота. Надобно сказать, что, по словамъ одной волшебницы, судьба Цесаря Гордіана тѣсно связана съ судьбою дочери гладіатора: жизнь и смерть перваго зависятъ отъ жизни и смерти второй. Фаустина знаетъ это, и вотъ почему она такъ заботится объ отысканіи пропавшей дочери гладіатора.

Между тѣмъ, такъ заботясь объ участи своего сына, эта *нѣжная* мать никакъ не можетъ простить измѣнившему ей любовнику; она взяла въ службу къ себѣ гладіатора, повѣрила ему свои преступные замыслы, и тотъ, чтобы имѣть случай лучше отмстить ей, притворно согласился. Разъ, прокравшись въ чертоги Флавіана, встрѣтила она Неодемію, и напала на нее всею силою своего сатанинскаго краснорѣчія: не успѣвъ ничего сдѣлать угрозами, она прибѣгла къ хитрости — хотѣла ревностію разбить въ дребезги сердце ея; но Гладіаторъ былъ тутъ, вѣрный своему посту, и въ минуту разрушилъ ея замыслы, успокоивъ Неодемію и объяснивъ ей все дѣло.

Но такія обстоятельства заставляютъ поспѣшать соединеніемъ Неодеміи съ Флавіаномъ. И вотъ женихъ и невѣста (хотя и *тайная христіанка*) во храмѣ Юноны. Жрецъ приступаетъ уже къ обряду ихъ соединенія, который, между нами сказать, никогда не существовалъ на дѣлѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ авторъ. По опредѣленію Римскихъ законовъ, *бракъ есть соединеніе мужчины съ женщиною* (Nuptiae sive matrimonium est viri et mulieris conjunctio), стало быть жрецу тутъ и дѣлать нечего! Вдругъ врывается во храмъ толпа народа, влекущаго за собой старца Оригена, который дерзнулъ всенародно смѣяться надъ Римскими богами. Жрецъ требуетъ поклоненія истукану, возвѣщая смерть въ противномъ случаѣ. Оригенъ мужественно встрѣчаетъ его проклятія и угрозы, оставаясь твердымъ и непреклоннымъ. Величіе души старца такъ поразило юную Неодемію, что она не утерпѣла, и въ порывѣ Христіанскаго геройсма, опрокинувъ жёртвенникъ Юноны, воскликнула во услышаніе: И *я Христіанка*! Народъ приходитъ еще въ большее волненіе, и побуждаемый жрецомъ, обрекаетъ на смерть Оригена и Неодемію.

Циркъ, усѣянный несмѣтнымъ множе-

ствомъ народа. Гладіаторъ выходитъ на арену. Уже осьмнадцать лѣтъ не являлся онъ передъ народомъ Римскимъ, осьмнадцать лѣтъ съ той самой поры, когда похитивъ дочь свою у Фаустины, онъ бѣжалъ съ нею въ Египетъ... «Спускайте львовъ, говоритъ онъ: и на моихъ обглоданныхъ костяхъ есть еще довольно для нихъ мяса, и въ моихъ рукахъ довольно для нихъ силы!...» Но, вмѣсто львовъ, выводятъ Неодемію: *Гладіаторъ* долженъ быть *палачемъ* ея: этого требуетъ Фаустина, требуетъ жрецъ, требуетъ народъ... Нечего дѣлать! Гладіаторъ долженъ исполнить это тройственное требованіе.... И вотъ онъ обнажаетъ мечъ, пробуетъ размахъ его: мечъ тяжелъ и ловокъ... Вотъ онъ снимаетъ покрывало, скрывающее дѣвственныя прелести Неодеміи отъ нескромныхъ взоровъ, онъ готовъ уже занести мечъ.... но вдругъ, о ужасъ! онъ видитъ знакомый ему шрамъ на плечѣ Неодеміи, онъ узнаетъ въ ней — дочь свою!.. Мечъ выпалъ изъ руки его... Гладіаторъ и палачъ становится отцемъ.

Но народъ требуетъ казни, не внимая ни воплямъ отца, ни стонамъ дочери! Онъ жаждетъ крови, упитанный кровью побѣдъ, кровью гладіаторскихъ игрищъ! Жрецъ также настаиваетъ на своемъ; Фаустина еще болѣе. Но Гладіаторъ подходитъ къ мѣсту, гдѣ она возсѣдаетъ; онъ говоритъ ей — кто эта несчастная жертва, которую долженъ заклать онъ въ угоду боговъ и народа, — и Фаустина сама приходитъ въ ужасъ: чувство любовницы уступаетъ въ ней чувству матери — она требуетъ прощенія Неодеміи, но успѣваетъ только испросить у народа отсрочки казни до другаго дня Неодемію заключаютъ въ темницу, также какъ Оригена и самого гладіатора.

Народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ кроваваго зрѣлища, ему обѣщаннаго. Онъ ломится въ темницу, а между тѣмъ Фаустина, заботясь объ участи сына, старается спасти Неодемію, идетъ сама къ ней въ темницу, добровольно уступаетъ ее Флавіану... Но все тщетно, все поздно!.. Народъ возмущается, спасенія нѣтъ. Гладіаторъ, пробивъ стѣну въ темницу, гдѣ заключена дочь его врывается съ мечемъ въ рукѣ, и видя, что уже нельзя спасти Неодемію, убиваетъ ее изъ собственныхъ рукъ, чтобы черезъ это избавить свое дѣтище отъ поруганія... Неодемія умираетъ тихо, съ прощеніемъ врагамъ своимъ на устахъ, съ теплою молитвою въ сердцѣ. Гладіаторъ видитъ въ эту минуту величіе Бога Христіанскаго, и преклоняетъ голову свою предъ Единымъ.

Таковы завязка и ходъ драмы Г-па Суме.

Не смотря на указанный нами въ началѣ статьи недостатокъ, драма эта имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства — умно задуманныя сцены, теплоту поэтическую, и, наконецъ, живые, бойкіе, звучные стихи, которые, благодаря талантливому Василію Андреевичу Каратыгину, не теряли въ его переводѣ своей силы и красоты.

Роль Гладіатора выполнена сильно и эффектно самимъ бенефиціантомъ; сцены въ четвертомъ актѣ, на аренѣ, особенно когда онъ въ Неодеміи узнаетъ дочь свою, эти сцены могли быть такъ переданы однимъ Каратыгинымъ и только Каратыгинымъ. Роль Фаустины занимала А. М. Каратыгина: а Неодеміи Г-жа Дюръ.

Новая декорація — изображеніе цирка, въ 4-мъ актѣ, писанная Г-мъ Ѳедоровымъ, весьма эффектна.

Спектакль заключился комедіей *П. А. Каратыгина: Павелъ Павловичъ съ супругою*, передѣланною изъ старинной комедіи Коцебу. Мы надѣемся, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего изданія, напечатать эту умную и забавную піесу, принятую публикою съ единодушнымъ одобреніемъ, а потому и не станемъ разсказывать теперь ея содержанія, чтобы не лишать читателей нашихъ удо-

вольствія узнать его изъ самой піесы. Скажемъ только, что роль супруги Павла Павловича выполнена была А. М. Каратыгиной... Нужно ли что еще прибавлять къ этому?

Вообще бенефисъ В. А. Каратыгина принадлежитъ къ числу такихъ спектаклей, которые надолго остаются въ памяти любителей театра. Высшая публика Петербурга почтила артиста своимъ посѣщеніемъ и привѣтомъ.

23-го Января, для перваго дебюта Г. Васильева, на Александрійскомъ Театрѣ была представлена, по возобновленіи въ первый разъ, трагедія Озерова, *Эдипъ въ Аѳинахъ*, въ которой Г. Васильевъ дебютировалъ въ роли Полиника. Удивляемся Г. Васильеву въ выборѣ такой роли для перваго дебюта! Мы знаемъ, что эта же самая роль была когда-то избрана и *Мочаловымъ* для перваго его дебюта, но вѣдь это было давно, очень давно, когда псевдоклассическая трагедія еще царствовала на сценѣ и умиляла сердца зрителей. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и потому-то странно теперь, въ наше время, видѣть молодаго, только что выступающаго передъ публику актера

Тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,

Собирая, разумѣется, полную дань улыбокъ и выразительнаго пожатія плечами. Объ этомъ недавнемъ, представленіи «Эдипа» мы скажемъ только то, что всѣ артисты, исключая Г. Брянскаго, на которомъ сосредоточивалось главное вниманіе, и по первенству его роли (Эдипа), и превосходному ея исполненію, Г-жи Дюръ, въ роли Антигоны, художественно исполненной нашею артисткой, всѣ прочіе были — *образы безъ лицъ*, какъ сказалъ Жуковскій. Подъ эту общую категорію подходитъ и дебютантъ: ни теплоты, ни мягкости, ни нѣжности, и, съ другой стороны, ни силы, ни глубины чувства мы не замѣтили въ Г. Васильевѣ. Отчего жъ, спрашиваемъ, роль Антигоны, этотъ pendant къ роли Полиника, была исполнена такъ превосходно? Отчего? Повторяемъ: Г. Васильевъ не выдался тутъ изъ толпы, и былъ ничуть не замѣтнѣе Гг. Борецкаго, Ахалина, Радина (Креона, Нарцеса, Первосвященника). Притомъ же, для завываній и декламаціи псевдоклассической трагедіи у него слаба грудь: тутъ это важное условіе! И хотя Г. Васильевъ, къ чести его, *не рубитъ рукавомъ воздуха*, — умный совѣтъ данный Гамлетомъ тоже для актера псевдоклассической трагедіи, однако, остаться въ толпѣ — воля ваша, все таки невыгодно молодому дебютанту.

Для втораго дебюта мы посовѣтуемъ Г. Васильеву выбрать что нибудь поестественнѣе трагедіи и ролей Озерова. Можетъ быть, въ молодомъ артистѣ и въ самомъ дѣлѣ есть дарованіе: такъ какая же была ему выгода выставлять его на показъ въ рѣшительныхъ потемкахъ?

Послѣ «Эдипа» данъ былъ Левъ Гурычъ Синичкинъ. Эта піеса идетъ у насъ хуже, безъ всякаго сравненія хуже, чѣмъ въ Москвѣ. Г. Мартыновъ понимаетъ свою роль — вотъ и все. Г-жа Самойлова нисколько не выдерживаетъ тутъ сравненія съ знаменитою Рѣпиной: мы помнимъ и всѣ Московичи помнятъ, какъ хороша была, въ этой роли, Н. В. Рѣпина! Даже Вѣтринскій и Зефировъ тутъ какіе-то безцвѣтные существа. Г. П. Степановъ создалъ въ Москвѣ роль Графа Зефирова. Но созданіе, настоящее созданіе роли Пустосдавцева принадлежитъ Г. Садовскому, молодому и замѣчательному Московскому артисту, уже хорошо оцѣненному Московскою публикою, не смотря на недавность его появленія. Да, Г. Садовскій талантъ замѣчательный, и всякое сравненіе между имъ и Г. Григорьевымъ 2, въ роли Пустославцева, мы, изъ вѣжливости, проходимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Герта, повелительница Эльфридъ, балетъ въ трехъ картинахъ, соч. Балетмейстера Г. Таліони, музыка соч. Капельмейстера Г. Келлера. Декораціи, по рисункамъ Г. Роллера: 1-я Шиніяна, 2-я Сѣркова, 3-я и машины Г. Роллера.

Новый балетъ, играный — увы! — въ послѣдній бенефисъ Таліони, нашей несравненной Таліони, покидающей насъ на всегда, именно въ ту минуту, когда мы узнали, какъ должно цѣнить ея грацію, когда мы избаловались изяществомъ ея танцевъ, ея поз! Посмотрите, посмотрите, какъ она легка, воздушна въ этомъ идеальномъ голубомъ костюмѣ; спѣшите, насыщайтесь ея восхитительнымъ искусствомъ, неуловимымъ, неопредѣлимымъ! Еще одинъ мѣсяцъ, кратчайшій мѣсяцъ въ году, и — Таліони улетитъ отъ насъ, не такъ, какъ улетала донынѣ Сильфидою, Дѣвою Дуная, Тѣнью,—улетитъ прозаически, съ заграничнымъ паспортомъ въ рукахъ, съ паспортомъ за всѣми подписями и скрѣпами.

Новый балетъ прелестенъ, и нравится особенно послѣ безцвѣтной *Даи*, предпослѣдняго произведенія балетмейстера Таліони. Вотъ его содержаніе.

Картина 1-я. Герта, съ подругами, забавляется танцами, послѣ удачной охоты. Звукъ отдаленной деревенской музыки поражаетъ ихъ. Эльфриды убѣгаютъ, но любопытствуя узнать откуда музыка происходитъ, Герта скрывается въ розовомъ кустарникѣ, и видитъ приближающуюся крестьянскую свадьбу. Начинаются пляски молодежи. Альваръ, молодой крестьянинъ, женихъ Пакиты, обращаетъ на себя вниманіе Герты, которая тотчасъ же обдумываетъ средство удалить невѣсту; она наводитъ ужаснѣйшую грозу, въ ту самую минуту, когда общество пускается въ путь. Альваръ, въ темнотѣ, теряетъ Пакиту и тщетно старается ее отыскать, — Ударомъ жезла, розовый кустъ превращается въ хижину, а Герта въ Аррагонку, и увлекаетъ за собою въ лѣсъ Альвара, который принимаетъ ее за Пакиту. — Геній Проно привлеченный въ лѣсъ силою грозы, узнаетъ какимъ опасностямъ подвергается женихъ покровительствуемой имъ Пакиты, и даетъ обѣтъ не покидать его и отомстить Гертѣ. — Герта вбѣгаетъ въ хижину, Альваръ, преслѣдующій ее, вбѣгаетъ туда же за нею.

Картина 2-я. Хижина. Входитъ Альваръ и видитъ молодую дѣвушку въ величайшемъ испугѣ; онъ приближается къ ней, успокоиваетъ ее, и спрашиваетъ гдѣ онъ находится. Являются Феи, переодѣтыя въ Аррагонскія платья. Всѣ стараются успокоить его, и молодой человѣкъ начинаетъ увлекаться ихъ ласками и красотою. Однако же Герта замѣчаетъ, что Альваръ не забываетъ своей возлюбленной. Онъ хочетъ бѣжать, но Герта усыпляетъ его, дѣйствіемъ волшебнаго жезла, и, окруживъ его облаками, уноситъ съ собою, въ свое горнее жилище.

Картина 3-я. Театръ представляетъ волшебные сады Герты. Является Проно, окруженный своею свитою, и убѣдившись, что нѣтъ никого изъ подвластныхъ Гертѣ, придаетъ одной изъ статуй, украшающихъ садъ, видъ Пакиты. Геніи увѣдомляютъ Проно, что въ сады спѣшатъ волшебницы, и онъ удаляется съ своею свитою. Входитъ Минна (Эльфрида) въ сопровожде-

ніи подругъ, которыя спѣшатъ исполнять ея приказанія. Альваръ занятъ мыслію о побѣгѣ, но когда онъ хочетъ привести намѣреніе свое въ исполненіе, его окружаютъ волшебницы; избѣгая ихъ, Альваръ приближается къ статуямъ, совершенство которыхъ его поражаетъ. Минна, замѣтивъ его удивленіе, объясняетъ, что отъ него зависитъ оживить ихъ прикосновеніемъ розовой вѣтки, которую она даетъ ему. Онъ обдумываетъ, съ которой начать, и подойдя случайно къ статуѣ, похожей на Пакиту, останавливается пораженный разительнымъ сходствомъ; опомнясь, однако жъ, убѣгаетъ, дотрогиваясь до всѣхъ даннымъ ему талисманомъ. Каждая догоняетъ его, изъявляя признательность, по приближеніе къ нему образа возлюбленной вселяетъ въ душу его глубокое чувство. Онъ въ изумленіи; не находя однако жъ настоящаго счастія, въ новомъ замѣшательствѣ хочетъ бѣжать, и въ ту же минуту его останавливаетъ сама Герта, представляющаяся во всемъ блескѣ и величіи повелительницы Эльфридъ.— Альваръ сначала восхищается ея красотою, но образъ Пакиты, въ чертахъ статуи, вселяетъ въ него разсѣяніе и грусть. Герта замѣчаетъ это, и приказываетъ подать головной уборъ для Альвара и вазу, наполненную водою забвенія, опускаетъ токъ этотъ въ воду, дабы возбудить въ немъ силу произвести забвеніе Альвара ко всему прошедшему.—Движеніемъ волшебнаго жезла, она превращаетъ на Альварѣ платье въ самое великолѣпное, а Эльфриды подаютъ ему токъ; едва успѣлъ онъ надѣть его на голову, память его исчезаетъ, и онъ предается совершенно Гертѣ, почувствовавъ къ ней любовь! Герта, исполненная восторта, не замѣчаетъ, что въ числѣ ея фей находится Проно, который, скрываясь, отыскиваетъ средства избавить отъ ея преслѣдованія Альвара.

Когда Альваръ не можетъ болѣе противостоять вліянію Герты, Проно приказываетъ одному изъ своихъ геніевъ сорвать съ головы его токъ: память возвращена Альвару, и онъ не можетъ постигнуть какимъ образомъ сдѣлался подобною игрушкою, узнаетъ въ Эльфридѣ молодую Арагонку, видѣнную имъ въ хижинѣ, осыпаетъ ее упреками, и отвергаетъ всѣ ея просьбы... Геній Проно соединяетъ Альвара съ Пакитою, а Герту превращаетъ въ статую!

Балетъ этотъ изобилуетъ танцами, полетами, прелестными группами: здѣсь есть танцы фантастическіе и обыкновенные земные, Аррагонскій танецъ съ кастаньетами и несравненный pas de deux Г-жи Таліони съ Г. Іогансономъ, молодымъ танцоромъ, который, въ нынѣшній разъ, братилъ на себя вниманіе значительною ролею и танцами. Г. Іогансонъ танцуетъ съ удивительною увѣренностію (aplomb), очень легко и съ возможною граціею для мужчины.

Декораціи и машины Г-на Роллера, или по его рисункамъ, достойны украшать балетъ, начеранный для Г-жи Таліони; въ особенности поразительна минута, когда Герта, превратившись въ статую, поднимается на водяномъ піедесталѣ: эффектъ неожиданный и новый.—Музыка Г. Келлера мила, игрива и легка.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

а Русскій спектакль.

Мизантропъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Моліера, перев. въ стихахъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, и

Артистъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. А. И. Булгакова (23-го Января).

Нельзя не порадоваться прекрасной мысли Дирекціи *Императорскихъ* Театровъ, нельзя не поблагодарить ее за то, что она рѣшилась по временамъ давать на Михайловскомъ Театрѣ Русскіе спектакли, составленные изъ избранныхъ піесъ, каковы, напримѣръ, *Тартюфъ* и *Мизантропъ* Моліера, или хорошіе *опрятные* водевили, подобные водевилю *Артистъ*. Мы винимъ публику въ равнодушіи къ Русскому Театру, и винимъ совершенно несправедливо: не равнодушіе, не нелюбовь къ Театру причиною того, что спектакли Александринскаго Театра не привлекаютъ публики высшаго образованія, а то, что эта публика никакъ не можетъ сойтись во вкусахъ съ другою, болѣе многочисленною частію публики, которая, однако жъ, должна имѣть *свой* театръ, *своихъ* любимыхъ артистовъ и *своихъ избранныхъ* писателей. Михайловскій Театръ именно можетъ принести Русскими спектаклями, составленными, какъ сказано выше изъ *избранныхъ* піесъ, и обставленныхъ *избранными* артистами, можетъ принести плоды благодѣтельные вообще *Русскому* Театру, образуя вкусъ артистовъ и указывая имъ надлежащій путь. Что ни говорите, а сценическій артистъ живетъ рукоплесканіями и вызовами; онъ дорожитъ ими, поставляетъ въ нихъ свое честолюбіе, свою славу; если бы какой либо артистъ сталъ увѣрять въ противномъ, не вѣрьте ему, не то онъ не артистъ, а ремесленникъ, работникъ, играющій по нуждѣ, изъ куска хлѣба, больше не изъ чего. Дорожа рукоплесканіями и вызовами, онъ ихъ ищетъ, добивается, стараясь угодить публикѣ; если же вкусъ публики не очищенъ, если она потѣшается фарсами и отъ нихъ только приходитъ въ восторгъ, то какъ же хотите вы, чтобъ артистъ утерпѣлъ, чтобъ онъ не увлекся ея требованіями, не сталъ бы потворствовать капризу необразованности, или вкусу, слишкомъ утонченному?.. И вотъ умный, искренно любящій свое дѣло артистъ по неволѣ сбивается съ дороги, и идетъ ложнымъ путемъ, съ котораго потомъ очень трудно ему своротить. Много бы можно указать тому примѣровъ, но мы оставляемъ это до другаго, болѣе удобнаго случая.

Послѣ этихъ словъ понятно, почему Русскіе спектакли на Михайловскомъ Театрѣ куда собирается избраннѣйшая, образованнѣйшая публика столицы, почему спектакли эти могутъ имѣть важное вліяніе вообще на развитіе Сценическаго Искусства въ Россіи.

За недостаткомъ мѣста и времени, отлагаемъ до слѣдующей книжки сужденіе наше о *Мизантропѣ* и объ исполненіи его на Русской сценѣ. Теперь же замѣтимъ только, что этотъ спектакль доказалъ, что высшая, образованнѣйшая публика наша не совсѣмъ равнодушна

къ Русскому Театру, и охотно готова удѣлять нѣсколько вечеровъ въ недѣлю на наслажденіе Театромъ отечественнымъ, и на поощреніе самородныхъ талантовъ нашихъ.

b) Французскіе спектакли.

Une Chaine (Цѣпь), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Скриба; *L'Aveugle et son bâton*, (Слѣпой и его палка) водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Варена и Лорансена. (Бенефисъ Г. Брессана, 24-го Января).

Содержаніе комедіи, игранной въ бенефисъ Г. Брессана, безъ сомнѣнія, извѣстно уже вамъ по переводу ея, который напечатанъ въ нынѣшней книжкѣ Репертуара и Пантеона. Слѣдовательно, намъ остается только извѣстить васъ объ игрѣ артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи этой піесы. И такъ, къ дѣлу. Главную женскую роль, роль Графини, занимала въ ней Г-жа Александръ Майеръ. Признаемся, что, до поднятія завѣсы, намъ было страшно за Г-жу Майеръ: намъ казалось, что роль столь энергическая, какъ та, въ которой долженствовала она явиться, нѣсколько внѣ средствъ ея; но, съ каждымъ актомъ, опасенія эти исчезали болѣе и болѣе, и, при концѣ піесы разсѣялись совершенно. Г-жа Майеръ сыграла ее вообще весьма удовлетворительно, и въ нѣкоторыхъ сценахъ была очень хороша. Даже самая сильная сцена, сцена, въ которой Графиня пріѣзжаетъ къ Клеранбо и прощается на всегда съ Эммерикомъ, исполнила она болѣе чѣмъ безукоризненно. Бенефиціантъ (р. Эммерика) не измѣнилъ себѣ отъ начала до конца піесы, то есть игралъ прекрасно. Любовь, переходы отъ безнадежности къ радости и отъ радости къ безнадежности, порывы гордости — все это передалъ онъ вѣрно и живо.

Г. Верне (въ роли Баландара), можно сказать, былъ лучше всѣхъ въ піесѣ; онъ ее игралъ натурально, непринужденно, именно въ томъ характерѣ и тонѣ, на который она расчитана. Г. Эрикъ-Бернаръ, (Сенъ-Жеранъ), какъ артистъ опытный, не могъ играть не хорошо, но нельзя не сознаться, что въ этой роли несравненно лучше его былъ бы Г. Алланъ. Г. Дюфуръ (Клеранбо), къ сожалѣнію, не понялъ своей роли, и вмѣсто добродушнаго негоціянта, представилъ отставнаго военнаго, грубоватаго въ обращеніи. Но, въ комъ нашли мы большіе успѣхи на сценѣ, такъ это въ Г-жѣ Дегранжъ (Алина); во-первыхъ, никто у насъ лучше ея не сыграетъ роли красавицы, а во-вторыхъ, она замѣтно привыкаетъ къ сценѣ, и въ ней исчезаетъ робость, неразлучная со всѣми молодыми артистками. — Г. Брессанъ и Г-жа Майеръ были вызваны. Вообще Une Chaine возбудила въ публикѣ Михайловскаго Театра самое живое вниманіе, которое, въ главныхъ сценахъ піесы, выражалось невольными восклицаніями.

Водевиль L'Aveugle et son bâton не обратилъ на себя вниманія послѣ прелестной комедіи Скриба. Дѣло здѣсь все въ томъ, что одинъ молодой скульпторъ, влюбленный въ молоденькую и хорошенькую дѣвушку, притворяется слѣпымъ, надѣваетъ поношеный сертукъ, беретъ кларнетъ да палку, и пробирается въ домъ своей милой, которая живетъ съ родственницею, старою, сердитою дѣвою. Забравшись туда, онъ мистифируетъ дурака-соперника, срываетъ съ него парикъ, выходитъ съ нимъ на палочную дуэль, и пр. и пр. Роль скульптора игралъ Г. Поль-Мине.

Le Malade Imaginaire (Мнимый больной соч. Моліера; *Les femmes entr' elles, ou la jeune prude* (Женщины между собою, или молодая смиренница), комедія съ куплетами, Дюпати; *Le Jettador* (Дурной глазъ), комедія съ куплетами, Дюмануара, Маркъ Мишеля и Гонзалеса. (Бенефисъ Г-жи Дюпонъ, 17-го Января.)

Мнимый больной, Моліера, принадле-

жать къ числу тѣхъ піесъ, которыя каждый у насъ знаетъ по наслышкѣ, но съ которыми, на самомъ дѣлѣ, знакомы далеко не всѣ. У насъ, по принятому (не нами, впрочемъ) обыкновенію, считаютъ Мнимаго Больнаго высокою комедіею, между тѣмъ, какъ это, просто, фарсъ, — но фарсъ, исполненный ума, ѣдкой насмѣшливости и, болѣе всего, веселости, шумной, всеувлекающей, магической веселости. Моліеръ написалъ его только для того, чтобы осмѣять невѣждъ врачей, и вовсе не думалъ создавать для него характеровъ, какъ создавалъ, напримѣръ, для Мизантропа, для Тартюфа, для Скупаго. *Басня* этой піесы, очевидно, придумана для того только, чтобы служить рамою для картины, въ которой авторъ хотѣлъ показать пріятелей своихъ, сыновъ Эскулана, въ самомъ забавномъ видѣ. Вотъ она, въ нѣсколькихъ словахъ: Богатый *bourgeois* Парижскій, Арганъ, увѣрилъ себя, что онъ опасно боленъ что онъ чуть не при смерти, между тѣмъ какъ здоровью его можно отъ души позавидовать. Арганъ имѣетъ аппетитъ чудесный, спитъ славно, ходитъ, когда забываетъ о своей мнимой болѣзни, какъ нельзя бодрѣе, но, не смотря на все это, сидитъ на діетѣ и принимаетъ лекарство за лекарствомъ. Онъ до того считаетъ необходимымъ лечиться, до того благоговѣетъ передъ медициной, что принуждаетъ дочь свою (отъ перваго брака), хорошенькую Ангелику, итти за дурака доктора Діафоарюса, сына тоже дурака доктора. Бѣдная Ангелика любитъ другаго (Клеанта) и сама любима имъ, но не смѣетъ противиться волѣ отца. Она уже выслушала терпѣливо длинное, глупое привѣтствіе Діафоарюса, привѣтствіе, которое произноситъ онъ скороговоркою, не переводя духа, какъ читаютъ уроки иные ученики въ приходскихъ училищахъ; Діафоарюсъ уже считаетъ ее своею, какъ вдругъ вступается за нее дядя ея, Беральдъ, человѣкъ разсудительный и добрый. Беральдъ говоритъ Аргану что онъ вредитъ себѣ леченьемъ, что доктора обманываютъ его, что его обманываетъ даже вторая жена его, и что истинно любимъ онъ только одною своею дочерью. Арганъ не вѣритъ сначала Беральду; но Беральдъ твердо стоитъ на своемъ, и предлагаетъ брату, для испытанія любви дочери и жены, притвориться умершимъ. Арганъ соглашается, падаетъ въ кресла и закрываетъ глаза. Служанка его, Туанета, начинаетъ кричать, что въ домѣ случилось несчастіе, что баринъ умеръ, и пр. Является Белина (жена Аргана) и, узнавъ о мнимой смерти мужа, не только не горюетъ о ней, но еще радуется во всеуслышаніе, что избавилась отъ докукъ этого брюзгливаго старика. Вслѣдъ за тѣмъ приходитъ Ангелика, приходитъ ея милый; но они принимаютъ иначе извѣстіе о смерти Аргана: Ангелика въ отчаяніи, Клеантъ горюетъ. Арганъ, тронутый любовью дочери и разувѣренный на счетъ любви жены, позволяетъ Ангеликѣ выйти за Клеанта, уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаніе, которое написалъ - было онъ въ пользу жены. Однако жъ, Арганъ, исцѣлившись отъ вѣры въ привязанность жены, не исцѣлился вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вѣры въ необходимость глотать лекарства и, для пущаго удобства блюсти свое драгоцѣнное здоровье, рѣшается, по совѣту насмѣшника брата, самъ сдѣлаться докторомъ. Этимъ и оканчивается піеса. Послѣ нея начинается латинская церемонія, въ которой, послѣ публичнаго диспута, признаютъ Аргана докторомъ.

Церемонія эта до того забавна, что Репертуаръ считаетъ не лишнимъ разсказать, какъ происходитъ она на Михайловской сценѣ. Во время ея, театръ представляетъ большую залу; въ глубинѣ этой залы находится, на высокой эстрадѣ, каѳедра съ эмблематическими изображеніями разныхъ принадлежностей Латинской кухни; по сторонамъ ея тянутся скамьи, покрытыя краснымъ сукномъ. При поднятіи завѣсы, сцена пуста; но,

въ слѣдъ за тѣмъ, выходитъ, при звукахъ музыки, строй аптекарей, въ мантіяхъ, и съ *извѣстными* трубками въ рукахъ. Они тихо, величаво, щеренгою подходятъ къ аванъ - сценѣ; низко кланяются публикѣ, потомъ низко кланяются другъ другу и, отдавъ трубками честь, становятся безмолвно въ четыре ряда, такъ, что каждые два ряда образуютъ какъ-бы аллею. Сквозь эти аллеи, подъ трубками, поднятыми аптекарями, проходятъ по-парно, медленно и торжественно, всѣ артисты и артистки Французской труппы, наряженные въ докторскія мантіи. Всѣ они и всѣ онѣ, раскланявшися съ публикою и другъ съ другомъ, занимаютъ мѣста на боковыхъ скамьяхъ. Потомъ является Арганъ и президентъ. Арганъ садится у фаса каѳедры; президентъ всходитъ на каѳедру, и произноситъ рѣчь на какомъ-то уморительномъ, полу-латинскомъ, полу-Французскомъ нарѣчіи. За рѣчью начинается диспутъ и послѣ каждаго отвѣта докторанта, доктора и аптекаря возглашаютъ хоромъ:

Dignus, dignus est intrare
In nostro docto corpore!

Въ заключеніе всего, президентъ признаетъ Аргана достойнымъ званіядоктора, и возвѣщаетъ это слѣдующими словами:

Ego, cum isto boneto,
Dono tibi et concedo
Virtutem et puissantiam:
Medicandi,
Purgandi,
Seignandi,
Taillandi,
Coupandi,
Et Occidendi
Impune per totam terram!

Завѣса падаетъ при оглушительныхъ рукоплескапіяхъ.

Но, разсказавъ вамъ содержаніе *Мнимаго больнаго* съ его *Латинскою церемоніею*, Репертуаръ не могъ передать всѣхъ чудныхъ аксесуарныхъ подробностей этой піесы: ихъ должно видѣть, тобы понять, что онѣ значатъ такое. Репертуаръ лучше скажетъ вамъ нѣсколько словъ объ исполненіи Мнимаго Больнаго на здѣшней Французкой сценѣ. Роль Аргана занималъ Г. Додель. Онъ сыгралъ ее умно, съ знаніемъ дѣла, не карикатурно и вообще несравненно лучше, чѣмъ прежде игрывалъ ее другой артистъ, уже оставившій Французскую труппу. Сцены комическаго гнѣва были ведены имъ весьма искусно. Вторымъ послѣ него должно назвать Г. Бо, который былъ истинно уморителенъ въ небольшой роли Діафоарюса сына. Право, трудно вспомнить безъ смѣха его привѣтствія Аргану, Белинѣ и Анжеликѣ, его сидѣнье на высокомъ дѣтскомъ стульчикѣ, и его консультацію съ отцемъ своимъ. Прочимъ артистамъ, въ ихъ небольшихъ роляхъ, дѣла было не много, но всѣ они — *всѣ безъ исключенія*, исполнили свои роли весьма хорошо. Изъ женскихъ ролей, самая трудная (Туанеты) была играна Г-жею Дюпонъ, которая, какъ извѣстно, была одною изъ лучшихъ Парижскихъ актрисъ для амплуа субретокъ. Послѣ нее, Парижскій Французскій Театръ оспротѣлъ въ этомъ амплуа! Съ какимъ наслажденіемъ можно было смотрѣть на нее въ своей стихіи, въ роли субретки, Моліеровской субретки! Здѣсь, Г-жа Дюпонъ совершенство безусловное во всѣхъ отношеніяхъ.

Передъ *Мнимымъ Больнымъ* была дана комедія *Женщины между, собою*, или *молодая смиренница*. Помнится, что она играется и у насъ, на Русской сценѣ, и вы, быть можетъ, припомните ее, когда узнаете, что въ ней нѣсколько дамъ, въ урокъ подругѣ ихъ, подругѣ, которая надоѣдаетъ имъ ложнымъ смиреніемъ, мистифируютъ эту притворную смиренницу; что одна изъ нихъ, переодѣвшись мужчиною, волочится за нею крайне успѣшно; и что наконецъ, дама, выведя проказы ея на чистую воду, заставляютъ ее согласиться на свадьбу племянницы

съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который вовсе не является въ піесѣ. Г-жи Алланъ и Александръ-Майеръ занимали въ ней первыя роли: Г-жа Алланъ-смиренницы, а Г-жа Александръ-Майеръ, дамы, переодѣвающейся въ мужское платье. Нужно ли хвалить этихъ артистокъ, нужно ли говорить, что, при игрѣ ихъ, публикѣ понравится всякая піеса? Кажется нѣтъ.

Содержаніе водевиля *Le Jettador* уже извѣстно читателямъ нашимъ изъ одной изъ книжекъ Репертуара за прошлый годъ, гдѣ разсказана она подробно. Зрители, по большей части, не досмотрѣли его и въ половину: ихъ не удержала въ театрѣ даже прекрасная игра въ этомъ водевилѣ Гг. Аллана и Верне.

а) Нѣмецкій спектакль.

Erste Liebelei und Erste Liebe (Первая любовь), комедія въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Французскаго; *Der Maurer und der Schlosser* (Каменщикъ и Слесарь), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба и Делавиня, музыка Обера. (Бенефисъ Г-жи Лиллы Лёве, 14 Января).

Прекраснымъ именемъ начинаетъ Репертуаръ свою хронику Нѣмецкаго Театра, — именемъ Г-жи Лиллы Лёве, этой перлы здѣшней Нѣмецкой труппы! Пусть же будетъ оно счастливымъ предзнаменованіемъ для смиреннаго труда лѣтописца!

Г-жа Лёве выбрала для своего бенефиса именно такія піесы, въ которыхъ она истинно хороша, въ которыхъ вполнѣ раскрывается ея милый талантъ: она выбрала умную, веселую комедію прелестную комическую оперу. Комедія *Первая любовь*, игранная въ бенефисъ ея, написана Скрибомъ и, если не ошибаемся, давалась прежде и на Русской сценѣ. Завязка ея проста, но ведена съ обыкновеннымъ Скрибовскимъ умѣньемъ, и состоитъ вотъ въ чемъ: Молоденькая, пятнадцатилѣтняя Эммелина и также очень молодой кузенъ ея, Карлъ, любятъ другъ друга, какъ любятъ многія пятнадцатилѣтнія дѣвушки и иные, очень молодые люди. Они вздыхаютъ глубоко и страстно; краснѣютъ, смотря другъ на друга; читаютъ вмѣстѣ чинные романы и, безпрестанно мечтая о будущемъ счастіи, о будущихъ радостяхъ, довольствуются робкимъ взглядомъ, да боязливымъ пожатіемъ руки. Но Карлу надобно ѣхать далеко, на долго, и любовники наши разстаются, обмѣнявшись колечками и выбравъ на небѣ одну свѣтлую звѣздочку, чтобы смотрѣть на нее во время разлуки, смотрѣть въ одинъ условленный часъ, грустно припоминая былое..... Проходятъ семь лѣтъ. Карлъ все еще живетъ на чужбинѣ; Эммелина все еще любитъ Карла. Она такъ живо помнитъ прошлое, что отказываетъ очень милому, молодому человѣку, Рейнгольду, который ищетъ руки ея и котораго она вовсе не видала. Къ счастію, Рейнгольдъ узнаетъ во время настоящую причину отказа, и рѣшается воспользоваться обстоятельствами: онъ выдаетъ себя за Карла, и подъ этимъ именемъ является къ Эммелинѣ и отцу ея. Старикъ принимаетъ его холодно, потому что до него дошли слухи о многихъ шалостяхъ Карла; онъ даже досадуетъ, что Эммелина предпочитаетъ Карла; но за то Эммелина въ восхищеніи отъ своего мнимаго кузена.... Слѣдуетъ нѣсколько забавныхъ сценъ, въ которыхъ Рейнгольду, благодаря его подложному имени, и хорошо и худо, и изъ которыхъ выпутывается онъ то удачно, то неудачно. Наконецъ пріѣзжаетъ настоящій кузенъ, но какой кузенъ, Богъ мой! Толстый, неуклюжій, страшно задолжавшій, страшно промотавшійся и, что всего хуже, женатый кузенъ! Увы! онъ пріѣхалъ вовсе не для Эммелины, вовсе не для то-

го, чтобы въ упоеніи припоминать съ нею блаженство ихъ первой, идилліческой любви: онъ пріѣхалъ для денегъ дяди, для того, чтобы признаться ему во всѣхъ своихъ проказахъ. Само собою разумѣется, что такой кузенъ не можетъ ужъ нравиться, и разочарованная Эммелина весело соглашается выйти за Рейнгольда.

Эта небольшая комедія была разыграна Г-жею Лёве и Гг. Германомъ, Голандомъ и Мюллеромъ — превосходно. Въ игрѣ ихъ не было ни тѣни принужденности, ни тѣни той — извините намъ выраженіе — той *накрахмаленности*, которая такъ непріятно поражаетъ васъ въ игрѣ многихъ Нѣмецкихъ артистовъ. За то и публика была приведена въ восторгъ *Первою Любовью*: она единодушно вызвала бенефиціантку, вмѣстѣ съ тремя названными выше артистами, и осыпала ихъ громкими рукоплесканіями.

Перейдемте, однако жъ, къ оперѣ. Музыка ея — но что сказать вамъ новаго о музыкѣ Обера? Оберъ знакомъ у насъ, всѣ слышали его чудныя созданія; всѣ оцѣнили ихъ по достоинству. Если жъ, по случаю, вы вовсе не знаете его *Каменщика и Слесаря*, то Репертуаръ скажетъ вамъ, что она отличается тою же граціею, тою же игривостію, тою же легкостію, которыми отличаются другія партиціи этого композитора. Мотивы его невольно остаются въ памяти: ихъ твердили, съ какимъ-то веселымъ одушевленіемъ, весьма многіе, когда выходили изъ театра, послѣ окончанія прекраснаго Михайловскаго спектакля 14 Января.

Исполнена была эта опера, судя по средствамъ нашей Нѣмецкой труппы, довольно удовлетворительно. Morceaux d'ensemble удались почти всѣ. Бенефиціантка была въ своей роли столько мила, сколько сама она мила. Ея нѣжный голосокъ не измѣнилъ ей ни разу; ея обдуманная игра была граціозна во все продолженіе піесы. Сцену ссоры ея съ Г-жею Альбрехтъ (M-me Bertrand) публика заставила повторить. Кстати о Г-жѣ Альбрехтъ: артистка эта у насъ весьма мало извѣстна, а между тѣмъ, у насъ теперь никто лучше ея не исполняетъ ролей пожилыхъ кокетовъ. Ни въ Русской труппѣ, ни во Французской нѣтъ актрисы, которую можно было бы сравнить съ нею въ этомъ отношеніи. Г-жа Нейрейтеръ — наша неизмѣнная Г-жа Нейрейтеръ, пѣла, какъ и всегда, *добросовѣстно*; отступленій отъ музыкальнаго текста, какъ и всегда, у ней замѣтно не было. Изъ артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи *Каменщика и Слесаря*, пальма первенства, безспорно, принадлежитъ Г. Ферзингу. Впрочемъ, нельзя не упомянуть съ особенною похвалою и о Г. Голандѣ, который сыгралъ роль веселаго влюбленаго Каменщика весьма хорошо. Это одна изъ лучшихъ ролей его.

Объ обстановкѣ этой оперы говорить много нечего: декорацій великолѣпныхъ здѣсь нѣтъ, костюмы въ ней простые. Но, упомянувъ о костюмахъ, нельзя не спросить, почему артистъ, занимавшій роль Леона Меранвиля, явился въ мундирѣ современнаго намъ покроя, въ эполетахъ современной намъ формы, въ трехугольной шляпѣ съ современнымъ бѣлымъ султаномъ, между тѣмъ какъ другіе были во Французскихъ кафтанахъ прошлаго столѣтія, и въ парикахъ, посыпанныхъ пудрою? — Въ заключеніе обратимся еще разъ къ той, имя которой стоитъ въ началѣ этого отчета о Нѣмецкомъ театрѣ, къ нашей бенефиціанткѣ: Г-жа Лёве была костюмирована съ большимъ вкусомъ; да и вообще на Нѣмецкой сценѣ ни одна артистка не одѣвается съ такимъ вкусомъ, какъ она.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Помнители вы старинную комедію *Подложный кладъ*, или *какъ опасно подслушивать у дверей*, переведенную съ Французскаго Ильинымъ? Право, она можетъ доставить удовольствія болѣе нашихъ водевилей. Если вы ее помните, то легко съ нами согласитесь, а если не видали въ ней Щепкина, то не можете понять наслажденія, которымъ мы были ему обязаны въ спектаклѣ 30-го Декабря. Щепкинъ, въ этой небольшой піескѣ — совершенство! Привыкнувъ видѣть, болѣе или менѣе, обыкновенную игру нашихъ артистовъ, можно прійти въ недоумѣніе, какъ можетъ быть высоко искусство великаго таланта! Грустно, что и Щепкинъ играетъ теперь почти во всѣхъ водевиляхъ, не имѣетъ новыхъ ролей, достойныхъ его таланта, а старый репертуаръ не привлечетъ нашу публику, требующую новизны Но какъ же не быть благодарнымъ Дирекціи, что она хотя изрѣдка даетъ милыя старинки, гдѣ Щепкинъ сильно напоминаетъ, *что такое искусство*. Въ этой же піесѣ, В. Степановъ хорошо выполнилъ роль Андрея. Упраздненное нынѣ амплуа слугъ-пройдохъ, въ прежнихъ комедіяхъ, имѣетъ у насъ въ В. Степановѣ очень хорошаго актера, Желательно бы было, чтобы кто нибудь взялся разсмотрѣть видимое паденіе Русской сцены. Мы сейчасъ говорили о старинныхъ комедіяхъ; ихъ смѣнили водевили Писарева, Хмѣльницкаго, Шаховскаго, комедіи Загоскина; за ними водевили Ленскаго, и Ленскій переводилъ премилыя піески, которымъ и теперь порадуемся, увидя ихъ на репертуарѣ. Но, замѣтьте, что кругомъ Ленскаго много передѣлывателей, и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, (конечно, есть исключенія) отъ которыхъ водевиль потерялъ умъ, весе-лость, простоту, и этотъ *мелкій* родъ сценическихъ произведеній *измельчалъ* еще болѣе. Наконецъ, водевили Г. Кони, съ своими неблагопристойностями, нашли своихъ, не только одобрителей, но и подражателей; извѣстно, что всякій великій писатель влечетъ за собою подражателей, такъ-то и Г. Кони. Теперь пошлости хотя и выводятся, но фарсъ овладѣваетъ видимо. Фарсъ проглядываетъ и въ драмѣ, и въ водевиляхъ, и во всемъ, что у насъ пишутъ для сцены, и въ самой игрѣ актеровъ. И кажется это дѣлается неумышленно, само собою, точно будто бы фарсъ въ воздухѣ, которымъ дышатъ и авторы и актеры: онъ прокрадывается не замѣтно, иногда противъ воли. Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову оттого, что мы видѣли на Московской сценѣ водевиль, возбудившій въ насъ, просто, — досаду. Водевиль этотъ: Ужасъ! Ужасъ! Ужасъ! Досаднѣе всего что онъ передѣланъ для Русскаго Театра Д. Т. Ленскимъ, который подарилъ публикѣ столько мелыхъ водевилей Скриба, кто прекрасно передѣлывалъ на Русскіе нравы множество хорошенькихъ піесъ, къ числу которыхъ присоединится и водевиль: *Барская спѣсь и Анютины глазки*, который данъ съ блистательнымъ успѣхомъ въ бенефисъ Ленскаго.—22 Декабря дебютировалъ въ операѣ *Женщина Лунатикъ* въ роли Амины, Г-жа Скибинская. Кажется, дебютомъ все и кончилось. *Фаворитка* опера Доницетти, съ каждымъ разомъ нравится болѣе и болѣе. Но все это принадлежности 1841 года, а вотъ и новости 1842.

Спекталь 9 Января въ Петровскомъ Театрѣ: *Князь Серебряный* драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ; антрактъ—*тан-*

цы; *Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису*, вод. съ Франц. *Комедія съ дядюшкой* вод.; *Дивертисементъ*. Всѣ эти піесы шли въ Петербургѣ въ бенефисъ Г-жи Самойловой, и, не смотря на приговоръ Сѣверной Пчелы, которому вѣрили всѣ благомыслящіе, театръ былъ почти полонъ. Спектакль *въ пользу дѣтей покойнаго Аврова!* И этого было довольно! Поблагодаривъ Дирекцію Императорскихъ Московскихъ Театровъ за назначеніе сего бенефиса, поблагодаривъ искренно публику за ея участіе, перемолвимъ о самомъ спектаклѣ. Всѣ піесы, какъ мы уже сказали, играны въ Петербургѣ прежде, и Репертуаръ Русскаго Театра сообщилъ о нихъ довольно подробный отчетъ, — стало, разсказывать ихъ содержаніе и достоинство—лишнее. На насъ лежитъ обязанность несравненно завиднѣе Петербургскаго рецензента: сказать объ успѣхѣ и исполненіи ихъ на нашей сценѣ. *Князь Серебряный* умре, при аплодисментѣ ровно двухъ здоровыхъ рукъ, въ лѣвомъ углу райка. Водевиль *Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису* милая, умная піеска, имѣла достойный успѣхъ, какъ сама по себѣ, такъ и по превосходной игрѣ Г-жи Орловой. Сцена, когда знаменитая *Дюмениль* разочаровываетъ *Адріана* была ведена Орловой, такъ мило, естественно, что вполнѣ вознаградила за нестерпимую драму. Два громкіе, единодушные вызова наградили нашу артистку. Потанчиковъ, въ роли Дюраля, былъ прекрасенъ. Странно, что публика рѣдко оцѣниваетъ игру этого умнаго артиста, всегда вѣрнаго своей роли. Все, что мы говорили о фарсѣ, избѣжало, кажется, одного Потанчикова. Вотъ еще замѣчаніе. Публика наша преимущественно обращаетъ все вниманіе на главное лице піесы, какъ оно исполнено; второстепенныя тогда только бываютъ ей замѣтны, когда въ самой піесѣ, у автора, обозначены какимъ нибудь оригинальнымъ характеромъ. Но развѣ сыграть благородно, хорошо сухую роль не заслуга? Иногда, можетъ быть, еще и большая!

За симъ, водевиль *Комедія съ дядюшкой*. Вѣримъ, что онъ написанъ по случаю, чтобы дать возможность бенефиціанткѣ показать разнообразіе своего дарованія, извиняемъ, что онъ не новъ по вымыслу, что это тѣ же *Оборотни*, съ меньшимъ смысломъ, но тривіяльныя сцены хохлалакея съ зеркаломъ и фортепіяно ясно показываютъ назначеніе ихъ для балагана, а не для театра, и удивляемся, какъ неизвѣстный авторъ самъ не догадался. Артисты выполнили роли свои прекрасно. Стрѣльская передала три характера очень вѣрно; П. Степановъ игралъ очень хорошо племянника, а Живокини смѣшилъ въ роли дяди. Антрактъ, между драмою и водевилемъ, былъ составленъ изъ танцевъ оперы *Тоска по родинѣ*, и доставилъ полное удовольствіе. Въ Петербургѣ такихъ антрактовъ не существуетъ, и очень жаль. Чѣмъ зѣвать, въ ожиданіи піесы, зритель пріятно проводитъ это скучное время, тѣмъ болѣе, что танцы послѣ піесы всегда доставляютъ удовольствіе и пріятное отдохновеніе. Спектакль заключился дивертисементомъ, непремѣнною принадлежностью почти всѣхъ нашихъ спектаклей, доказывающей, что національныя пляски и пѣніе никогда не надоѣдаютъ Москвѣ бѣлокаменной.

Въ бенефисъ актрисы Французской труппы Eugénie дана была, въ 1-й разъ, *La nouvelle M-lle Fanchon*, драма-водевиль въ 5-ти картинахъ, игранная въ Парижѣ 180 разъ сряду. Любопытство подстрекнуло насъ взглянуть на такую піесу, и точно, мы были въ восторгѣ. Не знаемъ, какъ она исполняется въ Парижѣ, не можемъ даже и вообразить себѣ этого, когда она у насъ, въ Москвѣ, идетъ очаровательно! Превосходно срепетированная, занимательная піеса, при совершенной игрѣ въ цѣломъ, съ прекрасными, свѣжими декораціями, съ таковыми же костюмами, съ милою музыкой, можетъ доставить всегда

истинное наслажденіе, но игра Г-жи Шамбери превзошла всѣ наши ожиданія. Признаемся, отдавая полную справедливость умной, опытной игрѣ Г-жи Шамбери, мы не раздѣляли безусловныхъ похвалъ о ней общаго мнѣнія, всегда поражаемаго невольно; мы видѣли ее прекрасною въ піесѣ Marquise de Prétintaille и слабою въ драмѣ Arthur, но въ нынѣшній спектакль увлечены, тронуты до глубины души, восхищены очаровательною игрою. Volnoy Walter Eugènie Mme Julien, Racon исполнили свои роли превосходно, и мы вынесли изъ театра полное, изящное наслажденіе. Позвольте намъ остаться при немъ до слѣдующей статьи.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВАРШАВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

На *Большомъ Театрѣ* въ первый разъ даны были переводныя драмы: *Обманщикъ высшаго общества*, *Бумажникъ*, *Жизнь-сонъ*, *Жена артиста* и *Шекспиръ въ родительскомъ домѣ*. Возобновлена драма Ифланда: *Игрокъ* и опера Россини: *Севильскій Цирюльникъ*. Поставлена опера Адана: *Престонскій Пивоваръ*, съ прибавленіемъ *дивертиссемента*. Поставлены также два новые балета: *Морской разбойникъ*, *Пажи Герцога Вандомскаго* и *Деревенскія шутки*. На *Театрѣ Разнообразія* (Rozmaitosci) даны *четыре* оригинальныя и *двѣнадцать* переводныхъ и передѣланныхъ піесъ, комедій и водевилей. Первыя суть: *Примѣта* (Znamie) (*) драма въ стихахъ, *Наказаніе*, комедія, соч. К. Кача, *Пусть и такъ будетъ*, шутка соч. Конст. Цѣлинскаго, и *Миніатюрный портретъ жены*, соч. Л. Сегѣтынскаго. На этотъ театръ приняты новый актеръ Зегопольскій, талантливая пѣвица Морисъ, дочь Варшавскаго балетмейстера, и теноръ Матушинскій. Вышелъ въ отставку заслуженый директоръ музыки Курпинскій, прославившійся своими сочиненіями, изъ которыхъ опера *Чертогъ Люцифера* имѣла, въ свое время, успѣхъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ.—Умеръ знаменитый трагикъ Веровскій, одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Въ Шекспировыхъ драмахъ и трагедіяхъ онъ былъ безподобенъ. — Директоръ странствующей труппы, Попіолекъ, давалъ представленія въ разныхъ городахъ, и въ Радомѣ далъ даже *Норму*.

(*) Znamie имѣетъ въ Польскомъ языкѣ нѣсколько значеній: Знамя, т. е. хоругвь, Примѣта, Пятно, родимое пятно, признакъ. Не знаемъ въ какомъ смыслѣ взято заглавіе драмы.

СТАТИСТИКА БЕРЛИНСКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Статистика всякаго театра можетъ, во многихъ отношеніяхъ, служить масштабомъ дѣятельности его въ продолженіе извѣстнаго, даннаго періода, а годичный статистическій календарь его могъ бы и еще лучше опредѣлить степень этой дѣятельности, потому что онъ обнялъ всѣ четыре времени года, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ большое вліяніе на каждый театръ. Лѣтомъ, напримѣръ, когда сирода такъ щедро, такъ пышно раскидываетъ дивныя красоты свои, когда вырваться изъ удушающей тѣсноты городской на благоуханный, свѣжій просторъ полей значитъ воскреснуть душею, когда лучи заходящаго солнца въ милліонъ разъ привлекательнѣе самой блестящей декораціи, — почти каждый театръ бываетъ пустъ. Берлинскіе Театры не подверглись, однако жъ, этой участи въ минувшемъ году. Берлинскіе Театры, въ прошлое лѣто, были точно такъ же полны,

какъ бываютъ они полны зимою, и притомъ, вообще, во все продолженіе 1841 года они были гораздо болѣе посѣщаемы, чѣмъ въ предъидущее время, что, безъ сомнѣнія, должно приписать прекрасному выбору піесъ, которыя давались на нихъ въ минувшемъ году, и отличной игрѣ артистовъ, участвовавшихъ въ этихъ піесахъ; въ противномъ же случаѣ, Берлинская публика, одаренная какимъ-то инстинктомъ изящнаго, навѣрное, не заглянула бы въ театръ. Нынче, видите ли, Берлинскіе Театры стали предпочитать хорошее старое плохому новому, между тѣмъ какъ прежде, они, подражая Кёнигстадтскому Театру, давали, каждую недѣлю, по двѣ новыя піесы. Это, натурально, вело къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ: піесы игрались какія бы то ни было, лишь бы онѣ были новыя; артисты не могли хорошо выучивать своихъ ролей, и исполняли ихъ какъ нибудь; авторамъ это было, по большей части, непріятно, потому что произведенія ихъ проходили передъ публикою такъ же быстро, какъ проходятъ передъ глазами зрителя изображенія въ волшебномъ фонарѣ. Наконецъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, столь частая мѣна піесъ не могла нравиться и публикѣ. Но теперь, въ Берлинѣ, повторяемъ, вовсе не то, и въ минувшемъ году тамошніе театры монтировали только 26 новыхъ піесъ, за то эти 26 піесъ выдержали 122 представленія! Вотъ, что значитъ разборчивость въ выборѣ.

Изъ числа 365 дней 1841 года, Берлинскіе Театры были закрыты только въ теченіе пяти дней. Три изъ этихъ дней Берлинцы посвятили драгоцѣнной для нихъ памяти покойнымъ Короля и Королевы; четвертый, Страстную Пятницу, молитвѣ; а пятый, канунъ Рождества, когда даже бѣдный Берлинецъ не можетъ не купить для дѣтей своихъ разукрашенной *елки*, провели они въ тихомъ семейномъ кругу. Въ теченіе же остальныхъ 360 дней было играно на Берлинскихъ Театрахъ 409 разъ, а именно: въ Оперномъ Театрѣ (Opernhaus) 190 разъ, въ Драматическомъ Театрѣ (Schauspielhaus) 219 разъ, на томъ и другомъ и въ одно и тоже время 49 разъ, въ Потсдамскомъ (Шарлотенбургскій не открывали) 19 разъ. Въ одинъ изъ дней Поста, спектакля не было, но разыгрывали, въ пользу бѣдныхъ, симфонію Моцарта и ораторію Самсонъ, Генделя.

Французскіе спектакли въ число упомянутыхъ 409 представленій не включены. Берлинская Французская труппа пользуется отдыхомъ въ Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ, а въ прочіе девять мѣсяцевъ прошлаго года. играла она три раза въ недѣлю (въ Берлинѣ 73, въ Потсдамѣ 2 раза).

Въ 1841 году, на каждые два представленія приходилось въ Берлинѣ только по двѣ піесы. Это доказываетъ, что многіе, спектакли состояли только изъ одной піесы. и служитъ къ большой похвалѣ Берлинскихъ Театровъ, потому что часто одну изъ такихъ піесъ бываетъ гораздо трудпѣе поставить на сцену, чѣмъ три, какія нибудь бездѣлушки, «передѣланныя съ Французскаго,» которыя прежде крайне надоѣдали Берлинцамъ. Всѣхъ же представленій, состоявшихъ изъ одной только піесы, было въ Берлинѣ 269. (Небольшія музыкальныя сочиненія, которыя исполнялись вмѣстѣ съ этими піесами, въ счетъ принимать нельзя). Но на Французскомъ Театрѣ, благодаря его скороспѣлому репертуару, было, напротивъ того, дано 156 піесъ въ 75 спектаклей; слѣдовательно, на большую часть прошлогднихъ спектаклей его пришлось по двѣ, а на нѣкоторые и по три піесы. Впрочемъ, дирекцію его упрекать за то не должно: причина этого заключается въ свойствѣ самаго репертуара его, девизъ котораго — новизна.

Начальство Берлинскихъ Театровъ заботилось, однако жъ, усердно, чтобы спектакли ихъ не были однообразны. Это

видно изъ того, что въ числѣ 562 піесъ, игранныхъ на нихъ, заключалось 52 трагедіи, 102 драмы (Schauspiel), 141 комедія, 69 фарсовъ, всего 364 *разговорныя* піесы; 69 большихъ оперъ, 80 малкихъ, 1 ораторія, еще 2 другихъ музыкальныхъ произведенія, всего 152 музыкальные спектакля; 41 балетъ и 5 сценическихъ живыхъ картинъ.

Но если публика должна благодарить начальство Берлинскихъ Театровъ за его прошлогоднія распоряженія, то и пишущіе для сцены должны быть также благодарны за нихъ. Чтобы доказать это, стоитъ только сказать, что число авторовъ и хореграфовъ, произведенія которыхъ игрались въ Берлинѣ въ продолженіе 1841 года, было весьма не велико въ сравненіи съ числомъ этихъ произведеній, а именно: всего 70 авторовъ и 2 хореграфа. Слѣдовательно, піеса каждаго изъ нихъ повторялась много разъ. Въ прежнія времена, это бывало на оборотъ: тогда, по примѣру Французовъ, у которыхъ нѣсколько человѣкъ пишутъ одинъ и тотъ же водевиль, насчитывалось въ какомъ либо данномъ году почти столько же авторовъ, сколько игралось въ тотъ годъ піесъ.

Вотъ исчисленіе, изъ котораго читатели увидятъ, кто именно изъ авторовъ и какія произведенія ихъ были въ минувшемъ году наиболѣе благосклонно приняты Берлинскою публикою: *Софоклъ*, «Антигона», въ переводѣ Доннера, (въ Потсдамѣ, 2 раза); *Шиллеръ*, 8 піесъ въ томъ числѣ 6 трагедій (17 разъ) и 2 драмы (15 разъ); «Вильгельмъ Тель» одинъ 14 разъ); *Гете*, 5 піесъ (21 р.), въ томъ числѣ, одинъ «Эгмонтъ» 14 разъ; *Лессингъ*, 2 піесы (5 разъ), въ томъ числѣ «Эмилія Галотти» 2 раза; *Шредеръ*, 2 комедіи (5 разъ), въ томъ числѣ, «Листокъ-то перевернулся» 3 раза; *Шекспиръ*, 5 піесъ (10 разъ), въ томъ числѣ «Венеціянскій Купецъ» 4 раза. Принцесса Сакисоская 7 піесъ, въ томъ числѣ двѣ новыя (11 представленій); *Раупахъ*, 14 піесъ (39 разъ), въ томъ числѣ новая трагедія Гоеолія (Athalia); *Альбини*, 1 песа; (3 раза); *Анжели*, 5 піесъ, (10 представленій); *Блумъ*, 13 піесъ (35 разъ), одни «Послѣдствія воспитанія» 8 разъ, въ томъ числѣ одна новинка; *Бауэрнфельдъ*, 4 піесы (5 разъ), въ томъ числѣ одна новая; *Бремель*, 1 п., (3 р.); *Бардтъ* 1 п.; *Бауманъ* 1 нов. п. («Два врача», 4 р.); *А. Космаръ* 3 піесы (22 предст.), въ томъ числѣ «Стаканъ воды» 17 разъ; *Кумберландъ* 1 піеса («Еврей», 5 представленій); Контесса 1 п. («Загадка»); *К. Девріентъ* 3 п. (11 разъ), въ томъ числѣ «Неизмѣнная любовь» 9 представленій; *Грильпарцеръ* 1 п. («Прародительница, 1 пред.); *Гуцковъ*, 4 п. (17 разъ), въ томъ числѣ политическая трагедія «Паткуль» 5 пред. и «Вернеръ» 10 пред.; *Германъ* (1 п.) «Voltaire's Ferien» 8 пред.; *Фр. Гальмъ* 1 п. («Гризельда», главная роль для Г-жи Гагнъ, 4 пред.); *К. Гольтей* 3 п. (8 разъ), въ томъ числѣ одна новинка; *Гольбейнъ* 1 п. («Измѣнникъ»); *Иммерманъ* 1 п. (Schelmische Gräfin); *Юнгеръ*, 1 п.; *Кохъ*, 1 п.; *Коцебу*, столь несправедливо порицаемый, 7 п., (16 пред.) въ томъ числѣ, «Das Landhaus an der Heerstrasse» 6 разъ. *Генр. Клейстъ*, Kätchen (3 пред.) и «Принцъ Гомбургскій» (4 пред.); *Кеттель* «Drei Frauen oder keine» (4 пред.); *Кларъ* «Лотерейный списокъ» (1 пред.); Лихтенштейнъ далъ одну новинка «Мачиха» (2 пред.); неутомимый передѣлыватель Французскихъ піесъ, *Лебренъ* 4 п. (7 пред.); *Лейтнеръ* «Сестры», (2 пред.); *Мальтицъ*, Leibrente», (3 пред.); *Мюльнеръ*, «Наперсники» (3 пред.); *Микшь*, «Ehestiften» (3 пред.); Нѣкто А. П. «die Cadetten» (5 пред.) и «Княжеское слово» (3 пред.); Актеръ и писатель *А. Шнейдеръ*, 3 п., (9 пред.), въ томъ числѣ, «Свадебное предложеніе» 6 разъ; сверхъ того, поставилъ онъ съ дѣв. Полинъ, такъ называемыя, «Картины» (5 пр.),

Шериданъ, «Школа злословія», (3 пред.); *Телли*, «Покойный» (8 пред.); *Тепферъ*, 4 п., (13 пред.); *Г-жа фонъ Вейсентурнъ*, 3 п. (7 пред.), въ томъ числѣ одна новая, «Уполномоченный», 5 разъ. — Сверхъ того пять неизвѣстныхъ авторовъ доставили 5 піесъ (10 пред.), въ томъ числѣ двѣ переведенныя съ Французскаго, которыя, впрочемъ, не имѣли успѣха, слѣдовательно 127 піесъ, соч. 50 авторовъ, выдержали 374 представленія: вотъ результатъ истинно утѣшительный! Въ числѣ этихъ 127 піесъ, находится только 22 фарса, между тѣмъ какъ драмъ заключается въ немъ 34, комедій 52, трагедій 18. Вообще же изъ нихъ: 90 оригинальныхъ (245 пред.), 21 переведена съ Французскаго (85 пред.), 10 съ Англійскаго (26 пред.), 3 съ Италіянскаго (7 пред.), 1 съ Датскаго (4 пред.), 1 съ Греческаго (2 пред.) и 1—какая-то смѣсь, (5 пред.)

Изъ этого обозрѣнія видно, что теперь проходитъ уже въ Берлинѣ страсть къ эфемернымъ передѣлкамъ съ Французскаго, и что мѣсто ихъ болѣе и болѣе заступаютъ произведенія оригинальныя, Прочія же иностранныя піесы, безпрерывно возобновляемыя, получили право гражданства на тамошнихъ театрахъ. Изъ оригинальныхъ самый большій успѣхъ имѣли: «Вернеръ» (10 разъ), и «Паткуль» (5 разъ), Гуцкова; «Неимѣнная любовь» (9 разъ), Девріента; «Старый баринъ» (Der Alte Herr) Принцессы Амаліи Саксонской, «Два врача», Баумана и «Уполномоченный, Г-жи Ф. Вейсентурнъ (5пред.), изъ переводныхъ: «Стаканъ воды» (17 пр.) А. Космара; «Путешественникъ и Путешественница» (17 пред.), К. Блума. Гольтея— «Онъ пишетъ самъ къ себѣ» выдержала 4 представленія. Новый балетъ Гоке «Робертъ и Бертранъ» былъ представленъ 18 азъ. «Антигона» была представлена только въ Потсдамѣ, во дворцѣ.

Теперь перейдемъ къ музыкальнымъ произведеніямъ. Наибольшій успѣхъ въ 1841 году имѣли: *Глукъ*, четыре большія оперы (9 разъ), въ томъ числѣ «Ифигенія въ Тавридѣ» 4 пред.; *Моцартъ* двѣ большія оперы (11 разъ), въ томъ числѣ «Донъ Жуанъ» 8 разъ; *Бетговенъ*, «Фиделіо» (3 раза); *Шпоръ*, «Іессонда» (2 пред.); *Веберъ*, четыре оперы (12 разъ), въ томъ числѣ «Фрейшюцъ» 7 разъ; *Спонтини*, Весталка» (пред.); *Мейерберъ*, «Робертъ діаволъ» (6 разъ); *Адамъ*, «Лонжюмоскій почталіонъ» 3 раза; *Оберъ*, три оперы, въ томъ числѣ «Озеро волшебницъ» 13 разъ; *Боаэльдье*, двѣ оперы (6 разъ); въ томъ числѣ «Бѣлая волшебница» 5 разъ; Беллини, четыре оперы (18 разъ), въ томъ числѣ Sonnanbuca 7 пред., «Норма» 6, «Ромео и Юлія—4; *Брейтенштейнъ*, «Венеціанскій капельм. 6 о.; *Доницзетти*, четыре оперы (10 разъ), въ томъ числѣ «Велизарій» 2 пред., «Паризина, на Итал. *Гутъ*, «Go'o et Jenoveva» 2 пред.; *Изуардъ*, «Нумеръ Лото», 2 пред., *Кюкенъ*, (*К. Блумъ*) «Бѣгство въ Швейцарію» 1 р.; *Лорцингъ*, три оперы (11 пред.); въ томъ числѣ «Гансъ Саксъ» 2 пред., *Россини* двѣ оперы (5 пред.), въ томъ числѣ «Семирамида» на Италіянскомъ языкѣ (Г-жа Паста) 2 пред.; *Шеферъ*, «Піемонтскіе пастухи» 3 раза. Всего 20 композиторовъ, 38 оперъ и 135 представленій; сверхъ того нѣсколько оперетокъ Блума и другихъ любимыхъ композиторовъ, всего же 44 музыкальныя произведенія и 149 представленій. Французскихъ водевилей вовсе даваемо не было. Слѣдовательно, еще успѣхъ!

Должно еще упомянуть, какъ о превосходномъ созданіи, объ одной музыкально-драматической вечеринкѣ, въ которой изобразили развитіе Нѣмецкой оперной музыки, въ двухъ отдѣленіяхъ отъ 1741—91 и отъ 1801—41 г. Подобнаго произведенія, сколько извѣстно, небыло ни на какой другой сценѣ. Сверхъ того, въ Берлинѣ отпраздновали, въ про-

шломъ году, 50-ти-лѣтній юбилей всѣми любимой тамъ и уважаемой артистки, Г-жи Вольфъ. Для этого юбилея, Королю угодно было назначить бенефисъ, что въ Берлинѣ принадлежитъ къ числу особыхъ, рѣдкихъ милостей. Большихъ концертовъ было тамъ 12 (исполненій 17); наиболѣе замѣчательны изъ участвовавшихъ въ нихъ суть: Г-жа Паста и Г. Эрнетъ. Артистовъ, посѣтившихъ Берлинъ въ 1841 году, *въ качествѣ гостей:* было, драматическихъ артистовъ 10 (3 женщ. и 7 мужчинъ) и 25 артистовъ лирическихъ (24 пѣвицы и 1 пѣвецъ). Изъ нихъ Г-жи Тукцекъ (изъ Вѣны) и Генель (изъ Кёнигштадта) и Г. Лавальядъ (изъ Франкфурта на Майнѣ), ангажированы къ Берлинскимъ Театрамъ.

Въ заключеніе, представляемъ таблицу, изъ которой читатели увидятъ, какое вліяніе имѣли на Берлинскіе Театры времена года. Въ этой таблицѣ, какъ и слѣдуетъ, Мартъ, Апрѣль и Май отнесены къ веснѣ, Іюнь, Іюль и Августъ—къ лѣту, Сентябрь, Октябрь и Ноябрь—къ осени, а Декабрь, Январь и Февраль — къ зимѣ. Числа означаютъ представленія.

Было преставлено.	Весною.	Лѣтомъ.	Осенью.	Зимою.	1841
Трагедій	7	16	10	19	52
Драмъ и комедій	58	55	71	59	243
Фарсовъ	24	18	15	12	69
Оперъ и пр.	41	37	41	33	152
Балетовъ	13	9	13	11	46
	143	135	150	134	562

Изъ этого видно, что зимою особенно нравятся трагедіи (19), осенью—драмы и комедіи (71), весною—фарсы (24); а танцы и пѣніе почти равно нравится во всѣ времена года.

IV. СМѢСЬ.

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ОБЕЗОРУЖИТЬ КРИТИКУ.

Одному изъ величайшихъ Германскихъ композиторовъ, Веберу, пришла разъ странная мысль притвориться мертвымъ. Вотъ что разсказываетъ объ этой оригинальной затѣѣ одинъ короткій его пріятель.

Веберъ, какъ извѣстно, еще въ молодости, умѣлъ занять почетное мѣсто между лучшими композиторами своей родины и даже между всѣми современными ему композиторами. Творенія его, ознаменованныя печатью генія, доставили ему, еще въ молодыхъ лѣтахъ, большую извѣстность и уваженіе всѣхъ извѣстныхъ знатоковъ музыки. Но — какъ и всегда случается съ людьми талантливыми—чѣмъ болѣе мужало его дарованіе, чѣмъ громче становилась его извѣстность, тѣмъ сильнѣе возставали на него посредственность и зависть. Веберъ чрезвычайно неравнодушно переносилъ нападки критиковъ. Правда, онъ старался показывать видъ, что его нисколько не трогаютъ невыгодные отзывы рецензентовъ, однако жъ, было замѣтно, что онъ въ тайнѣ оскорблялся ими, что его мучили выходки самаго плохаго фельетониста.

Впрочемъ, мало по малу, онъ пересталъ страшиться своихъ критиковъ, за исключеніемъ только одного изъ нихъ, Мюллера, который писалъ для *Лейпцигской Газеты* статьи о лирическихъ театрахъ. Сужденія этого Мюллера имѣли въ то время большой вѣсъ, какъ между любителями, такъ и между самыми артистами. Довѣренностію этою Мюллеръ пользовался отчасти по праву: не отличаясь отъ толпы собратій своихъ вѣжливостію тона, онъ рѣзко отличался отъ нея и литературнымъ талантомъ своимъ и основательностью, своихъ музыкальныхъ сужденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, въ приговорахъ своихъ, былъ иногда строгъ до несправедливости, и нерѣдко съ ожесточеніемъ, съ пристрастіемъ нападалъ на самыхъ знаменитыхъ своихъ современниковъ. Къ числу этихъ жертвъ его принадлежалъ и Веберъ: Мюллеръ, по особенному расположенію къ какому-то вовсе неизвѣстному композитору, который завидовалъ славѣ Вебера, безпрестанно старался унижать этого знаменитаго маэстро.

Веберъ долго не зналъ, какъ избавиться отъ безпрерывныхъ, ожесточенныхъ преслѣдованій Мюллера. Отвѣчать ему печатно, значило завести преніе безконечное и, что еще хуже, сознаться, что критикъ достигъ своей цѣли, что ожиданія его доходятъ до сердца. Попытаться подкупить Мюллера — значило сдѣлать неудачную попытку, потому что Мюллеръ слылъ критикомъ неподкупнымъ. На что жъ рѣшиться? Къ чему жъ прибѣгнуть? Положеніе было, въ самомъ дѣлѣ, затруднительное. Веберъ, однако жъ, выпутался изъ него слѣдующимъ образомъ.

Во время пребыванія своего въ одной деревнѣ, находящейся въ окрестностяхъ Мюнхена, онъ разослалъ въ редакціи всѣхъ Нѣмецкихъ газетъ подробное извѣстіе о смерти своей, собственноручно имъ написанное. Хитрости этой повѣрили, и извѣстіе, съ присовокупленіемъ біографиче-

скихъ статеекъ, исполненныхъ похвалъ было напечатано во всѣхъ газетахъ: наиболѣе же восторженныя похвалы Веберу появились тогда — въ *Лейпцигской Газетѣ*. Статья, въ которой превозносили Вебера до небесъ, была написана и подписана Мюллеромъ: онъ наконецъ, отдалъ этому маэстро должную справедливость, и торжественно назвалъ его царемъ Германскихъ композиторовъ.

Спустя нѣсколько дней, Веберъ принялъ мѣры къ опроверженію слуха о смерти своей, и чтобы неоспоримо убѣдить, что онъ живъ, пріѣхалъ въ Лейпцигъ.... Съ той поры Мюллеръ пересталъ унижать Вебера; мало того: послѣ представленія *Фрейшица*, который вскорѣ потомъ былъ игранъ въ первый разъ, онъ сталъ въ ряды самыхъ жаркихъ поклонниковъ своего прежняго врага.

БЮСТЪ СКРИБА.

Мастерская Дантана, который прославился своими карикатурными статуэтками, служитъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ Парижскихъ знаменитостей, нерѣдко впервые встрѣчающихся въ ней лицемъ къ лицу. Не такъ давно, Скрибъ вздумалъ заказать Дантану свой бюстъ, съ тѣмъ однако же, чтобы во время *сеансовъ*, въ мастерской не было никого, кромѣ Дантана и его самого. Однажды, когда Скрибъ обѣщался быть въ два часа пополудни, явился въ мастерскую, около этого времени, другой драмитическій авторъ, пріятель Дантана. Художникъ попросилъ его удалиться, зная, что встрѣча съ нимъ будетъ непріятна для Скриба. Драматургъ отвѣчалъ, что ему необходимо переговорить съ Скрибомъ о планѣ новой піесы, но Дантанъ все таки требовалъ, чтобы онъ удалился. Вдругъ, въ эту минуту, звонъ колокольчика возвѣстилъ прибытіе Скриба, и Дантанъ поспѣшилъ на встрѣчу къ своему новому, знаменитому гостю. Когда художникъ и Скрибъ вошли въ мастерскую, пріятеля Дантана въ ней уже не было. Дантанъ подумалъ, что онъ вышелъ въ другія двери.

Сеансъ длился уже около четверти часа. Скрибъ, сначала чрезвычайно унылый, веселѣлъ мало по малу, благодаря живому, остроумному разговору Дантана, и наконецъ, при какой-то забавной выходкѣ художника, расхохотался. Но вслѣдъ за тѣмъ они взглянули другъ на друга съ изумленіемъ, потому что въ одномъ углу мастерской также захохотала кукла, прикрытая пунцовою тканью, изъ-подъ которой виднѣлся одинъ только шлемъ ея, во вкусѣ Среднихъ Вѣковъ.

Дантанъ бросился къ куклѣ, сорвалъ съ нея шлемъ, и увидѣлъ — увидѣлъ лице пріятеля своего, драматурга, который прибѣгнулъ къ этой хитрости для того, чтобы, имѣть случай переговорить съ Скрибомъ. Хитрость его удалась. Развеселившійся Скрибъ охотно выслушалъ планъ новой піесы драматурга, и даже согласился написать ее вмѣстѣ съ нимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, піеса эта была представлена подъ названіемъ *Клермонъ, или жена Артиста*, и заслужилъ самый блестящій пріемъ. Имя драматическаго писателя, который такъ оригинально познакомился съ Скрибомъ — Эмиль Вандеркъ.

ДАРОВОЙ ВХОДЪ.

Во Франціи есть много людей, которые промышляютъ—чѣмъ бы вы думали?—похищеніемъ именъ, заслужившихъ извѣстность въ литературномъ или художественномъ мірѣ. Съ нѣкотораго времени, этотъ родъ мошенничества распространился во Франціи до того, что теперь тамъ каждый извѣстный писатель и художникъ рискуетъ, пріѣхавъ куда либо въ провинцію, или даже и въ самомъ Парижѣ, встрѣтиться лицемъ къ лицу съ двойникомъ своимъ. Впрочемъ, промышленность эта не очень нова во Франціи, и благодаря ей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитый композиторъ Боаэль-

дье находился разъ въ довольно странномъ положеніи. Это было вотъ какъ: Боаэльдье, получивъ дозволеніе безденежно посѣщать Парижскій Театръ Водевилей, вздумалъ однажды воспользоваться своимъ правомъ. Когда онъ, явясь въ кассу этого театра, назвалъ себя по имени, кассиръ посмотрѣлъ на него насмѣшливо, и сказалъ въ отвѣтъ: «Вы, сударь, изволили опоздать немножко: Г. Боаэльдье ужъ девятнадцать лѣтъ бываетъ у насъ каждый вечеръ.... я имѣю честь очень хорошо знать его». Добрый композиторъ улыбнулся и заплатилъ за свой билетъ, ни сколько не потревоживъ наглеца, который столь долгое время назывался его именемъ.

—

Г-жа Бауеръ, которою мы восхищались въ Петербургѣ, на нашей Нѣмецкой сценѣ, навсегда оставляетъ сцену. Говорятъ, что она выходитъ замужъ. Во всякомъ случаѣ, это такая утрата для Дрезденскаго Театра, которую трудно будетъ заставить забыть, потому что теперь, во всей Германіи, быть можетъ, только три актрисы также хорошо играютъ роли дамъ высшаго круга, какъ играетъ ихъ Г-жа Бауеръ. — Между тѣмъ, однакоже. изъ послѣднихъ заграничныхъ газетъ видно, что она играетъ теперь, *какъ гостья*, на Кельнскомъ Театрѣ. Она заслужила тамъ самый благосклонный пріемъ въ роли Донны Діаны, и предполагала явиться въ роляхъ Гризельды, Баронессы — въ Bal zu Ellerbrunn (и для своего бенефиса) Розы — въ Герценкроновой трагедіи того же имени. Талантъ Г-жи Бауеръ, ея красота и любезность приводятъ въ восторгъ жителей Кёльна, а театру тамошнему готовятъ блистательный сборъ.

— Изъ Милана ѣдетъ къ намъ, въ Петербургъ, знаменитая пѣвица Финкъ-Лоръ (Fink-Lohr). Огромная извѣстность, которою пользуется Г-жа Финкъ-Лоръ, ручается, что артистка эта доставитъ намъ много музыкальныхъ наслажденій.

— Вильгельмъ Кунстъ праздновалъ, въ Кенигсбергѣ, 18-го прошлаго Декабря, свой двадцатипяти-лѣтній артистическій юбилей. На этомъ празднествѣ, происходившемъ въ тотъ самый день, когда Кунстъ, за 25 лѣтъ предъ тѣмъ, впервые дебютировалъ на Гамбургскомъ Театрѣ, присутствовало множество литераторовъ, артистовъ и другихъ лицъ. Праздникъ Г. Кунста, котораго вообще хвалятъ Нѣмецкія газеты, отличался особеннымъ гостепріимствомъ и изяществомъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Дюваль.

Недавно скончался въ Парижѣ извѣстной Французскій драматическій писатель, Александръ Дюваль, избранный, за услуги, оказанныя имъ театру, въ члены Академіи. — А. Дюваль родился въ Роннѣ, въ 1767 году, и въ молодости своей ни сколько не помышлялъ о литературномъ поприщѣ, потому что, окончивъ образованіе свое, поступилъ во флотскую службу и сдѣлалъ вѣсколько морскихъ кампаній. Затѣмъ, по окончаніи войны, онъ перешелъ въ инженеры Путей Сообщенія, но не находя и въ этой части достаточной пищи своему дѣятельному и наблюдательному уму, занялся архитектурою, изучилъ ее и даже получилъ должность при королевскихъ строеніяхъ.

Въ такомъ положеніи находился онъ при наступленіи переворотовъ 1789 года, измѣнившихъ всѣ общественныя отношенія во Франціи. Дюваль, уступая влеченію своему къ театру, вступилъ, въ 1791 году, піяво Французскій Театръ, но черезъ годъ послѣ того, когда вся Европа угрожала Франціи, онъ, внявъ призыву отечества, поступилъ волонтеромъ въ военную службу, и участвовалъ въ первомъ походѣ революціонныхъ войнъ. Въ страшномъ 1793 году раздѣлялъ онъ заточеніе со всѣми прочими актерами Французскаго

Театра, и по освобожденіи, предался вполнѣ изученію сцены, какъ актеръ и драматическій писатель; слабость здоровья принудила его бросить званіе актера, и ограничиться литературными занятіями, которымъ онъ посвящалъ все свое свободное время.

Дюваль написалъ болѣе пятидесяти театральныхъ піесъ. Совершеннымъ знаніемъ сцены, искусствомъ, рѣдкимъ въ наше время, связывать интригу піесы, легкимъ слогомъ, комисмомъ въ разговорѣ, философіей въ мысляхъ, имя Дюваля красуется на почетномъ мѣстѣ между драматическими писатетями. Замѣчательнѣйшія изъ его піесъ: le Tyran domestique, la Fille d'Honneur и la Jeunesse de Henri V.

А. Дюваль избранъ въ Члены Академіи въ 1812 году, по смерти драматическаго писателя Легуве.

Александръ Космаръ.

Изъ Берлина пишутъ, что тамъ умеръ, 22-го Января (пов. ст), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Германскихъ писателей, Александръ Космаръ. Онъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность своими удачными, многочисленными передѣлками піесъ и оригинальными драматическими произведеніями; сверхъ того, онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій фельетонистъ и издатель газеты *Der Modenspiegel*. Космаръ умеръ отъ нервической горячки; боленъ же онъ былъ весьма недолго.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Хотя концертное время у насъ еще не наступило, мы уже имѣемъ его предвкусіе. Г-жи Даморо-Чинти и Корнелія Фальконъ, прославившіяся на сценахъ Парижской Оперы, давали уже одинъ концертъ, познакомившій насъ съ ними съ самой выгодной стороны. Онѣ назначаютъ еще концерты, на которые соберутся всѣ любители музыки, не имѣвшіе случая слышать ихъ въ первомъ концертѣ. — У насъ теперь, сверхъ того, находится единственной ученикъ великаго Паганини, Г. Сивори, который произвелъ въ своемъ концертѣ невыразимый восторгъ своею игрою, совершенно сходною, въ механисмѣ, съ игрою и звуками его знаменитаго учителя. — На дняхъ услышимъ мы знаменитаго кларнетиста Бласа, которому Парижская Консерваторія присудила первую золотую медаль, и отъ котораго въ восторгѣ всѣ Европейскіе журналы. — Для любителей Русской удалой пѣсни, Московскіе Цыганы, хоръ извѣстнаго Ильи Соколова) даютъ по два раза въ недѣлю концерты, привлекающіе многочисленную публику.

— Парижскіе меломаны какъ безъ ума отъ новаго музыкальнаго произведенія Россини — величественнаго Stabat Mater, исполняемаго тамъ на Италіянскомъ Театрѣ всѣми лучшими артистами этой труппы.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Théâtre de l'Opéra Comique. *Le diable a l'école*, опера въ одномъ дѣйствіи, слова Скриба, музыка Буланже. Основная идея этой оперетки не могла не возбудить во всей силѣ изобрѣтательнаго воображенія неутомимаго Скриба. Діаволъ, по прозвищу Бабиласъ, или Вавила, какой-то простачекъ, котораго Сатана посылаетъ на землю для изученія своего ремесла. Бабиласъ является для этого во Францію, гдѣ навѣрное онъ изощрится во всѣхъ возможныхъ хитростяхъ и плутняхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ Сатана, не будучи, впрочемъ, въ томъ совершенно увѣренъ, потому что Бабиласъ глупъ до такой степени, что даже при жизни Плутона не могъ бы служить у него вмѣсто Цербера. Для начала изученія чертовскихъ продѣлокъ, Бабиласъ откупаетъ должность прокурора — во Франціи. Изъ этого уже видно, что онъ еще не совсѣмъ глупъ. Путешествія сильно содѣйствуютъ къ образованію юношества, но по несчастію онъ встрѣчается съ женщиною, и притомъ разумѣется кокеткою: нашъ прокуроръ разоренъ! Но — крайность и бѣдность, пробудившія геній Горація, пробуждаютъ умъ и у демона: въ самомъ дѣлѣ, Бабиласъ дѣлается разумнымъ въ ту самую минуту, какъ его ведутъ — на висѣлицу. Бабиласъ отъ этого опять таки безъ ума. Но, вѣдь чорта вѣшай сколько хочешь, ему это ни по чемъ, и нашъ Бабиласъ, высвободивъ голову изъ петли, отправляется прямо въ игорный домъ. Тутъ застаетъ онъ моло-

даго Венеціянскаго дворянина Стеніо, который, въ крайней невинности, ставитъ все свое имущество на карту, противъ сорванца съ висѣлицы. Бабиласъ обыгрываетъ его, и Стеніо, въ отчаяніи, хочетъ утопиться; но Бабиласъ предлагаетъ ему сдѣлку, за которую Стеніо обязуется предаться ему въ жертву. — «Отдаю тебѣ все свое имущество,» говоритъ ему Бабиласъ, «и награжу тебя еще болѣе, если черезъ годъ, считая отъ нынѣшняго числа, ты отдашь мнѣ жизнь твою!» — Стеніо принимаетъ это предложеніе, и вступаетъ вновь во владѣніе богатыми палатами своими, въ которыхъ находитъ молодую и прелестную собою камеристку, Фламму, ожидавшую его со слезами. Фламма любитъ, въ тайнѣ, своего господина. Проходитъ годъ, и Бабиласъ является за своею жертвою. Но Фламма, знающая про страшную сдѣлку съ чортомъ, предлагаетъ Бабиласу свою душу, въ замѣнъ души Стеніо. Предложеніе это нравится черту, и въ ту самую минуту, какъ онъ уже готовится торжествовать, вострушка Фламма вывертывается хитрою выдумкою, и чортъ принужденъ бѣжать на легкѣ, безъ всякой жертвы. — Сюжетъ, обработанный съ обычнымъ искусствомъ Скриба, представлялъ композитору богатое поле для развитія музыкальнаго воображенія. Въ этой піескѣ есть и слезы и смѣхъ, и сила и грація; въ ней соединены всѣ роды, всѣ контрасты, и молодой композиторъ умѣлъ воспользоваться этими преимуществами съ такимъ искусствомъ, что съ перваго произведенія своего сталъ на почетное мѣсто между нынѣшними музыкантами.

Second Théâtre Français (Odéon). *L une pour l'autre.* (*Одна за другую*) — небольшая комедія безъ претензій, но полная веселости. Дѣло идетъ, разумѣется, о двухъ женщинахъ, изъ которыхъ одна вдова, а другая замужемъ; разумѣется также, что въ это дѣло замѣшаны и двое мужчинъ. Между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ строитъ куры *одной*, другой любезничаетъ съ *другою*. *Одна* изъ нихъ сестра Г-на Бернара, *другая* его жена. Добрый Г. Бернаръ прекрасно принимаетъ у себя пріятеля жены своей, полагая, что онъ влюбленъ въ сестру, и охотно, изъ любви къ женѣ своей, выпроводилъ бы другаго, настоящаго вздыхателя по сестрѣ, если бы ему только то позволили. Это маленькое *имбролio*, развязывающееся очень натурально самопожертвованіемъ *одной за другую*, понравилось публикѣ.

Théâtre du Panthéon. *Les Physiologies.* Кому не извѣстны *физіологіею?* Подъ этимъ заглавіемъ выходятъ въ Парижѣ крошечныя книжки, украшенныя бойкими гравюрами на деревѣ, и заключающія въ себѣ характеристическіе очерки. Чего? спросите вы. Всего. Съ тѣхъ поръ, какъ въ литературномъ мірѣ обратили на себя вниманіе *Физіологія вкуса*, соч. Брилья Саварена, и *Физіологія Женитьбы*, соч. Бальзака, все на свѣтѣ сдѣлалось предметомъ физіологіи. Есть физіологія влюбленыхъ, физіологія гризетки, физіологія женатаго человѣка (написанная Поль-де-Кокомъ), физіологія національнаго гвардейца, портнаго, школьника, и пр. и пр. Такой успѣхъ физіологій не могъ не обратить на себя вниманія поставщиковъ піесъ на Парижскіе Театры, и, по счастію, попался въ руки людей умныхъ, которые расточили въ этой піескѣ болѣе остроумія, нежели его находится во всѣхъ скороспѣлыхъ физіологіяхъ, продающихся у насъ, въ магазинахъ Исакова и Лури.

Théâtre des Variétés. *La Chaine électrique.* (*Электрическая Цѣпь*). Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Гг. и Габріеля Фредерика Тома. — Не задолго предъ симъ, одинъ молодой талантливый писатель несъ въ редакцію одного изъ политическихъ журналовъ литературный фельетонъ столбцевъ въ двѣнадцать. Дорогою встрѣчаетъ онъ водевилиста. — «Что у тебя въ боковомъ карманѣ? Проза или стихи?» — Повѣсть, любезнѣйшій! отвѣчаетъ ему литераторъ. — «Разскажи мнѣ ее, я люблю слушать.»

— По счастію, нашъ писатель любилъ разсказывать, и разсказалъ водевилисту, что въ его повѣсти живутъ мужъ съ женой, наслаждаясь семейнымъ счастіемъ; бѣда только въ томъ, что муженекъ любитъ иногда приволокнуться. Счастье ихъ разрушаетъ востроглазая фигурантка, на которую онъ началъ заглядываться. Весьма естественно, что это не нравится женѣ, и она, съ прозорливостью умной и любящей женщины, спрашиваетъ у легкомысленнаго мужа, вѣритъ ли онъ въ магнитисмъ? — Нѣтъ. — А я, такъ вѣрю; вѣрю даже, что между мужемъ и женою существуетъ родъ электрической или въ магнитической цѣпи, имѣющей странныя качества: она, напримѣръ, до того связываетъ ихъ взаимныя существованія, что сливаетъ ихъ во едино, особенно когда они въ разлукѣ. Тогда, все, что ощущаетъ одинъ, ощущаетъ и другой, что дѣлаетъ одинъ, тоже самое исполняетъ другой. — Я не понимаю тебя, возражаетъ ей мужъ. — Если бы ты могъ понять, оно болѣе не было бы могнитисмомъ! — Вотъ, мужу должно ѣхать въ Нормандію. Въ Руанѣ знакомится онъ съ Совѣтницею, супругою Совѣтника, и начинаетъ любезничать съ нею: онъ цѣлуетъ ея ручку, беретъ у нея букетъ, проситъ о свиданіи..... Берегись, бѣдный Совѣтникъ!.... Свиданіе обѣщано, и нашъ волокита уже готовится летѣть къ назначенному мѣсту, какъ вдругъ получаетъ письмо отъ отсутствующей жены. Читаетъ:— признаніе; покинутая жена, плача, сознается, что позволила себѣ поцѣловать ручку, позволила взять букетъ, у нее просили свиданія, и она — вообразите себѣ — назначила часъ! — Вотъте и разъ! восклицаетъ мужъ, и вспоминаетъ про электрическую цѣпь. Онъ дрожитъ отъ ожидающаго его счастія: если явиться на свиданіе совѣтницы—жена моя явится также; небольшая непріятность, которую я подготовляю Совѣтнику, угрожаетъ и мнѣ отъ жены моей!... Между тѣмъ, совѣтница уже является на свиданіе... Что прикажете дѣлать?

«Хорошо, хорошо! Довольно!» кричитъ водевилистъ, прерывая разскащика; «вижу чувствую, понимаю..... Хотите, по-поламъ. Какія прелестныя сценки, какую миленькую піесу можно склеить изъ вашей повѣсти, не обнародывайте ее, и передѣлаемъ-те ее вмѣстѣ... И такъ за дѣло! »

Молодой авторъ повѣрилъ водевилисту, и поступилъ очень хорошо, потому что піеса ихъ имѣла блистательный успѣхъ.

Théâtre des Folies-Dramatiques. *Marie*. Вотъ піеска прелестнѣйшая, веселая и живая въ началѣ, печальная и трогательная въ срединѣ, нравоучительная въ развязкѣ, и во все продолженіе интересная. Дѣло идетъ о женитьбѣ, о несчастной женитьбѣ, которая разстроивалась уже нѣсколько разъ, и, въ концѣ піесы, опять устроивается — отъ шляпки. Нѣкто Бенуа нашелъ, въ комнатѣ невѣсты своей, наканунѣ свадьбы, мужскую шляпу, щегольскую мужскую шляпу — какая послѣ этого свадьба! Но, по счастію, все устроивается къ лучшему, и Марія совершенно невиновна.

Théât e de l'Ambigu-Comique. *La St. Lundi*, водевиль въ трехъ актахъ—сотое повтореніе волокитствъ, бывшихъ въ модѣ во времена Регентства! Маркизъ де Люссакъ, достойный сподвижникъ Лозена, Ришелье и братіи, наскучивъ любезничать съ придворными дамами, отправляется на любовныя похожденія въ Сентъ-Антуанское Предмѣстіе, и влюбляется въ Луизу, сестру простаго ремесленника Роберта, добраго малаго, но до такой степени преданнаго спиртовымъ напиткамъ, что посвящаетъ имъ не только Воскресенье, но и Понедѣльникъ; по этому-то его и прозвали Св. Понедѣльникомъ. Люссакъ пользуется Понедѣльникомъ, и переодѣвшись также поденщикомъ, съ товарищами своими поитъ Роберта и увозитъ его сестру. У одного изъ этихъ товарищей, заснувшаго въ трактирѣ подлѣ

Роберта, находятъ списокъ заговорщиковъ противъ Регента, и въ главѣ ихъ вписанъ Люссакъ. Робертъ спѣшитъ къ Люссаку, и предлагаетъ на выборъ Бастилію или возвращеніе сестры своей. Люссакъ, разумѣется, предпочитаетъ послѣднее. Піеса очень понравилась.

Théâtre du Palais-Royal *La tante mal gardée*, водевиль Баяра—составленъ изъ воспоминаній старыхъ водевилей и между прочимъ піески l'Article 960, представленной и на Петербургской сценѣ. Племянникъ, расчитывающій на наслѣдство послѣ стараго и дряхлаго дяди, страшится, чтобы молодая супруга его дяди не порадовала дядюшку прямымъ наслѣдникомъ; и для этого употребляетъ величайшія старанія для удаленія отъ дражайшей тетушки своей всѣхъ вздыхателей и любезниковъ. Піеса не нова, но все таки забавна, хотя и длинновата.

— Г-жа Жирарденъ написала піесу: *Жидовка*. Это новое ея произведеніе скоро будетъ представлено въ Парижѣ. Главную роль въ немъ исполнитъГ-жа Рашель.

— Между прочими новостями Парижскихъ Театровъ можно упомянуть о довольно важной, не мало поразившей всѣхъ — что Рашель освистана въ роли Химены, въ трагедіи Корнеля: Сидъ. И такъ звѣзда Рашели меркнетъ. Свистъ въ Парижѣ, на сценѣ Французскаго Театра — не бездѣлица. На томъ же театрѣ играли, въ первый разъ по возобновленіи, комедію Седена: le Philosophe sans le savoir.

— Послѣдніе театральные журналы извѣщаютъ еще о слѣдующихъ новыхъ піесахъ, игранныхъ въ Парижѣ, въ послѣднихъ числахъ Января: на Театрѣ Водевиля: le Grand Palatin, вод. въ трехъ дѣйствіяхъ, весь основанный на каламбурахъ Арналя и Лепентра мл,; на Театрѣ des Variétés: le Bas-bleu, въ одномъ актѣ, въ которомъ комикъ Левассоръ играетъ четыре роли; на Театрѣ Ambigu: Nicolas Nickleby, мелодрама въ шести картинахъ, взятая изъ моднаго романа Ч. Дикенса.

— На Лондонскихъ театрахъ, въ послѣднее время, были играны въ первый разъ и заслужили наиболѣе благосклонный пріемъ слѣдующія піесы: *Jack Cadeo Lord of London Stone*, пантомима, въ которой дѣлаютъ смотръ замѣчательнѣйшимъ прошлогоднимъ происшествіямъ; *Guy, Earl of Warwik, or Harlequin and the Dun Cow*, тоже пантомима, особенно отличающаяся великолѣпіемъ своихъ декорацій; *The World of Dreams, or the man of the moon*; *Barnaby Rudge*, содержаніе которой изложено въ статьѣ, Лондонскихъ Театрахъ, напечатанной въ нынѣшней книжкѣ Репертуара и Пантеона; *Riddle*, пантомима же, которую Лондонскія газеты называютъ «достойною столицы»; *Madame Lafarge*, драма съ эффектными сценами и *Harlequin and the King of the Aerian Islands*, пантомима.

— Въ Берлинѣ была дана, въ началѣ Января трагедія К. Вердера, *Колумбъ*. Берлинскія періодическія изданія, однако жъ, не очень хвалятъ ее. «Фоссова Газета» утверждаетъ, что этотъ Колумбъ новаго драматическаго міра не откроетъ.

— Рейсигеръ написалъ новую оперу. Она называется Adèle de Foix. О постановкѣ ея еще ничего не слышно.

— Новая опера Конрадина Крейцера, *Два Фигаро* была дана въ Кёльнѣ съ большимъ успѣхомъ. Многіе нумера ея были приняты съ величайшимъ восторгомъ и, по общему требованію, повторены. Композитора вызвали и осыпали рукоплесканіями. Либрето этой оперы — оно написано Г. Трейтчке (Treitschke)—отличается правильнымъ, живымъ языкомъ. Слышно также много хорошаго о другой новой оперѣ Крейцера, *der Edelknabe und das Armband*, которая будетъ скоро представлена въ Кёльнѣ.

— *Кавалеръ де Сенъ-Жоржъ*, драма, которую даютъ и на здѣшней Французской сценѣ, была играна, недавно, въ переводѣ на Нѣмецкій языкъ, подъ заглави-

емъ *Der Mulatte*, въ Вѣнѣ. Она имѣла тамъ успѣхъ.

— На Іозефштадскомъ Театрѣ въ Вѣнѣ было дано недавно Г-мъ Розе (изъ Мона) представленіе, состоявшее изъ *подвижныхъ группъ*. Изъ числа ихъ особенно понравились публикѣ: Похищеніе Сабинянокъ, Ромулъ и атлетическія группы. Г. Розе и сотрудники его, скульпторы, были единодушно вызваны, по окончаніи спектакля.

— Въ Вѣнѣ, на Леопольдштадскомъ Театрѣ, давали, не безъ успѣха, въ первый разъ, фантастическую піесу съ пѣніемъ, подъ названіемъ *Живыя Розы, или необыкновенное приключеніе*. Особенно хвалятъ декорацію этой піесы.

— Въ Вѣнѣ, 31-го прошлаго Декабря (н. ст.), была дана въ первый разъ комедія Бульвера *Деньги*, переведенная на Нѣмецкій языкъ Фридрихомъ Кейзеромъ. Піеса эта была принята Вѣнскою публикою съ большимъ одобреніемъ. Г. Кейзера вызывали послѣ каждаго акта.

— Изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій видно, что въ Вѣнѣ становятъ на сцену драму (съ прологомъ) *Землетрясеніе*, выдержавшую 120 представленій въ Парижѣ. Надъ переводомъ этой піесы на Нѣмецкій языкъ трудилась рука опытная; роли въ ней розданы въ Вѣнѣ лучшимъ артистамъ; слѣдовательно и въ этомъ городѣ ожидаетъ ее блестящій успѣхъ.

— Въ Мюнхенѣ даны недавно, въ первый разъ, и приняты весьма благосклонно: *Смерть, или Чудный докторъ*, сценическая шутка К. Гафнера, и *die Macht des Augenblicks*, драма въ двухъ отдѣленіяхъ, А. Гейгеля.

— Лудвигъ Тикъ объявилъ, что комедія *Рококо*, доставленная дирекціи Дрезденскаго Придворнаго Театра отъ Генриха Лаубе, произведеніе превосходное. Она скоро будетъ представлена.

— Въ Штутгардскомъ Королевскомъ Театрѣ царствуетъ величайшая дѣятельность. Репертуаръ его нынѣ весьма богатъ классическими піесами. Недавно былъ игранъ на немъ *Путешествующій сынокъ*, Л. Фельдмана. Этотъ же писатель отдалъ на сцену его свои *Вишни*, которыя имѣли успѣхъ, равно какъ и піески *На здоровье!* (Zur Gesundheit), Бенони, и *Несчастія*, Рингера. Молодая пѣвица Миттермайеръ, весьма любимая въ Карлсруэ, приглашена въ Штутгардтъ на нѣсколько ролей.

— Сабина Гейнефеттеръ играетъ теперь, als Gast, роли въ Гамбургѣ; первымъ дебютомъ ея въ этомъ городѣ была роль Ромео, въ Капулетти и Монтеки, Беллини.

— Новая піеса Девріента, *Неизмѣнная любовь*, была играна недавно въ Гамбургѣ, и имѣла большой успѣхъ.

— На Италіянскихъ Театрахъ, въ послѣднее время, имѣли успѣхъ слѣдующіе балеты: въ Бресчіи *Il naufragio felice* (Счастливое кораблекрушеніе), Фабри; въ Наварѣ — *I riti indiani* (Индѣйскія религіозныя обыкновенія), Фурки; и въ Піаченцѣ — *Il Duca di Argyle*, Сканавино.— Балетъ Віотти *Maria dInghilterra*. (Марія, Королева Англійская), недавно представленный въ первый разъ въ Венеціи, большаго успѣха не имѣлъ.

— Во Флоренціи теперь пять театровъ, находящихся въ полной дѣятельности. На четырехъ изъ нихъ даются только оперы, а на пятомъ трагедіи и комедіи. Флорентинцы теперь съ ума сходятъ отъ Доницзетти: они называютъ его вѣчнымъ.

— Миланскій Карнавалъ начался съ 26-го Декабря, новою оперою Доницзетти, написанною именно для Милана. Опера эта составляетъ 63-ю драматическую партицію этого композитора. Для этого новаго произведенія была ангажирована лучшая пѣвица Германіи, Софія Лёве. И маэстро и пѣвица заслужили общее, несомнѣнное одобреніе. Новая опера, *Марія-Падилья* (Maria Padilla), уже имѣла, до 30-го Декабря, три представле-

нія, въ которыя вызывали композитора по четырнадцати и по семнадцати разъ. Сверхъ того, ему пожалованъ новый знакъ отличія, уже третій орденъ.

— Донидзетти пишетъ нынѣ, сверхъ того, новую оперу для Вѣнскаго Италіянскаго Театра. Въ этой оперѣ будетъ дебютировать на тамошней сценѣ Парижскій пѣвецъ Деривисъ, изучающій нынѣ въ Миланѣ Италіянскую методу пѣнія у лучшаго учителя пѣнія, Ламперти.

— На Мадритскомъ Театрѣ del Principe имѣла огромный успѣхъ опера Испанскаго композитора Эславы, *Il solitario* (пустынникъ). Въ *Castelano*, въ которомъ отдаютъ подробный отчетъ о представленіи этой оперы, предсказываютъ ей самый блистательный пріемъ на заграничныхъ сценахъ.

VI. АФИША.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842. Январь.	Въ какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
1 Четв.	Алекс.	Ревизоръ — Новички въ любви — Дѣдушкины Попугаи.	850	4	25
	Больш.	Любовное Зелье, опера.	245	8	16
	Мих.	Une faute — Les deux Voleurs — Mon ami Pierrot.	240	42	18
2 Пятн.	Алекс.	Велизарій, др., Мужъ, Жена и знатный другъ, вод.	950	8	15
	Больш.	1-е дѣйств. оперы Женни — Воспитанница Амура.	535	83	29
	Мих.	Die Jäger, kom.	440	29	18
3 Суб.	Алекс.	Пурсоньякъ Фалалей, вод. — Въ людяхъ ангелъ — не жена, вод. — Комедія съ дядюшкой, вод.	850	43	23
	Больш.	Die Familien Capuletti und Montechi, опера	125	16	9
	Мих.	Le Chevalier de St. Georges, dr.-v. — Les Saltimbanques.	460	70	19
4 Воск.	Алекс.	Параша Сибирячка, др. — Жена Кавалериста, вод. — Елена, или Она за мужемъ, вод.	1450	15	23
	Больш.	Аскольдова Могила, опера.	675	27	35
	Мих.	Die Kreuzfahrer, Schauspiel.	580	9	19
6 Втор.	Алекс.	Сардамскій корабельный мастеръ; др. — Мнимый больной, ком. — Его Превосходительство, вод. — Хороша и дурна, вод.	750	17	11
	Больш.	1-е, 2-е, и 3-е д. оперы Аскольдова Могила.	275	7	31
	Мих.	Le Conseiller rapporteur, com. — La Meunière de Marly, vaud. — Un Monsieur et une dame, vaud.	460	95	35
7 Сред.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, или Онъ у ней первый, а она у него вторая, ком.-вод. — Эсмеральда, или Четыре рода любви, драма.	1550	30	20
	Больш.	Дая, или Португальцы въ Индіи, балетъ.	615	50	30
	Мих.	Das Majorat von Rossitten, dram. Gedicht.	230	6	17
8 Четв.	Алекс.	Отецъ и дочь, др. — Стрячій подъ столомъ, вод..	850	40	18
	Больш.	Robert der Teufel, gr. Oper.	265	11	17
	Мих.	Les deux manières, com.-vaud. — Bocquet père et fils, ou Le chemin le plus long, vaud.	330	43	20
9 Пятн.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, или Онъ у ней первый, а она у него вторая, ком.-вод. — Эсмеральда, или Четыре рода любви драм. — Алый башмачекъ.	1500	31	40
	Больш.	Озеро волшебницъ, балетъ	785	74	36
	Мих.	Le Bourgeois gentilhomme, com. — Deux pages de Bassompierre, vaud	740	125	37
10 Суб.	Алекс.	Тартюфъ, ком. — Комедія съ дядюшкой, или Новые портреты съ натуры, оригин. опер.-вод.	960	15	70
	Больш.	Fra Diavolo, oder das Gasthaus zu Terracina, kom. Oper. — Донъ Жуанъ, или Пораженный безбожникъ, бал.	655	34	76
	Мих.	Le jeune mari, com. — Le Cabaret de Lustucru, vaud. — Une Passion, ou La romantismomanie, actualité.	490	80	46

1842. Январ.	Въ какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
11 Воск.	Алекс.	Недоросль, ком. — Дѣдушка Русскаго флота. Ист. быль. — Чиновникъ по особымъ порученіямъ, вод.	850	21	46
	Больш.	Аскольдова могила, оп.	650	18	9
	Мих.	Der Fabrikant, Sch. Frohlich.	730	16	19
12 Понед.	Алекс.	Отецъ и дочь, драма. — Катерина, или золотой крестикъ, ком. вод.	750	33	40
	Больш.	Влюбленная баядерка, опера	726	40	90
	Мих.	Die Ahnfrau, Trausp.	135	3	12
13 Втори.	Алекс.	Кеттли, оп. — Урокъ дочкамъ, ком. — Знакомые незнакомцы, вод. Два отца и два купца, вод	525	3	12
	Мих.	Le Caporal et la Payse, vaud. — Les Deux Pages de Bassompierre, vaud. — Tiridate, vaud. — Moiroud et Compagnie, vaud.	460	37	23
14 Сред.	Алекс.	Двумужница, или За чѣмъ пойдешь, то и найдешь, драма, Дѣдушкины попуган, водевиль	650	14	17
	Больш.	Озеро волшебницъ, балетъ.	750	70	18
	Мих.	Erste Liebelei und erste Liebe, Lust. — Der Maurer und der Schlosser. komische Oper.	670	32	30
15 Четв.	Алекс.	Сбритая борода, ком. — Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, вод. — Мирандолина, ком.	650	29	36
	Больш.	Аскольдова могила, оп.	275	14	26
	Мих.	Le Gamin de Paris, vaud, Mérinos, vaud.	360	71	35
16 Пятн.	Алекс.	Отецъ и дочь, др. — Жена, какихъ много, и мужъ, какихъ мало, вод. — Хочу быть актрисой, вод.	950	33	10
	Больш.	Влюбленная баядерка, опера.	725	83	17
	Мих.	Тартюфъ, ком. — Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, вод. — Семейныя дѣла, вод.	340	13	27
17 Суб.	Алекс.	Гамлетъ, Принцъ Датскій, драма.	825	16	20
	Мих.	Le Malade imaginaire, comédie. La Cérémonie latine. Le Femmes entr'elles, ou La jeune prude, comédie Le Ietador, comédie.	460	90	40
18 Воск.	Алекс.	Разбойники, тр. — Пурсоньякъ Фалалей, вод.	750	10	13
	Больш.	Тоска по родинѣ, опера.	215	7	10
	Мих.	Michel Perrin, Lust. Die Müllerin von Marly, Oper	440	7	16
19 Понед.	Алекс.	Симонъ Сиротинка, вод. — Римскій боецъ др. Павелъ Павловичъ съ супругой, ком.	1450	47	32
	Больш.	Гитана, бал.	615	45	71
	Мих.	Erste Liebelei und erste Liebe, Lusts. Der Maurer und der Schlosser, Oper.	540	20	19
20 Втори.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, вод. Комедія съ дядюшкой, вод. — Знакомые незнакомцы, вод. — Счастіе лучше богатства, вод.	750	26	45
	Больш.	Сорока воровка, опера	275	11	18
	Мих.	Les femmes entre' elles, La famille Riquebourg, vaud. Le Ietador, Passé minuit.	420	95	39
21 Сред.	Алекс.	Римскій боецъ, траг. Чудакъ покойникъ, вод.	850	30	12
	Мих.	Don Carlos, Infant von Spanien, Trauersp	130	9	7
22 Четв.	Алекс.	Отецъ и дочь, драма. — Любовныя записки мужа, в. Мельничиха въ Марли вод.	980	28	30
	Мих.	Les deux valeurs, op. La Meunière de Marly, vaud. Trois coeurs de femmes vaud.	507	160	40
23 Пятн.	Алекс.	Эдипъ въ Аѳинахъ, траг. — Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод.	650	19	14
	Мих.	Мизантропъ, ком. — Артистъ, вод.	640	55	18
24 Суб.	Алекс.	Римскій боецъ, траг. — 17 и 50 лѣтъ, вод.	622	28	31
	Мих.	Une Chaine, com. — L'aveugle et son bâton, vaud.	540	73	41
25 Воск.	Алекс.	Честь или Смерть, др. — Смѣлый по приказу, вод.	750	17	48
	Больш.	Аскольдова могила, опера.	470	13	27
	Мих.	Die beiden Galeerensklaven, dram. — Fröhlich vaud.	534	12	7

1842. Январь.	На какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
26 Понед.	Алекс.	Пожилая дѣвушка, вод. — Павелъ Павловичъ съ супругою, ком. — Симонъ Сиротинка, вод. — Приключеніе на Искуственныхъ водахъ, воденвль. .	600	19	20
	Больш.	Герта, повелительница Эльфридъ, бал. 1-е дѣйствіе оперы: Любовный напитокъ.	1117	151	75
	Мих.	Заколдованный домъ, траг. Покойная ночь, воде. .	280	13	10
27 Втори.	Алекс..	Римскій боецъ, трагедія. Недоросль. комед. . . .	950	35	13
	Мих.	Une Chaine, com. Manche à Mauche, vaud.	340	97	35
28 Сред.	Адекс.	Юрій Милославскій, романтич. представленіе. . .	625	6	18
	Больш.	Герта, бал. 1-е дѣйствіе оп. Любовный Напитокъ.	1135	115	59
	Мих.	Die Vorleserin, Schau. Das Fest der Handwerker, Vaud.	280	12	25
29 Четв.	Алекс.	Мизантропъ, ком. Военные граждане, водевиль. .	625	19	41
	Мих.	La fille de Dominique, vaud. — L'aveugle et son bâton vaud. — La Permission de dix heures — La mère et l'enfant se portent bien, vaud.	363	57	32
30 Пяти.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, вод. Студентъ, артистъ и пр. вод. — Первая любовь, вод. Кумъ Иванъ. др.	625	23	30
	Больш.	1-е дѣйствіе изъ оперы Цампа. — Герта, бал. . .	1175	140	38
	Мих.	Кинъ, ком. — Ложа перваго яруса, вод.	430	27	12
31 Суб.	Больш.	1-е дѣйствіе оперы Fra-Diavolo. — Герта, балетъ.	2011	93	40
	Мих.	Le Malade imaginaire, com. — Trois oeufs dans un panier, vaud. — Le Commis et la Grisette. vaud. .	936	49	23

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842. Январь.	На какомъ театрѣ.	Спектакли.
1 Четвер.	Больш.	Фаворитка, опера въ 4 дѣйст. Волшебная флейта, бал. въ 1 дѣйст.
2 Пяти.	—	Каспаръ Гаузеръ, драм. въ 4 дѣйст. — Женихъ на расхватъ вод. въ 1 дѣйст. — Имянины помѣщика, инт. въ 1 дѣйст.
	—	Возстаніе въ Сералѣ, 18 пред. бал. въ 3 дѣйст. — Узкіе башмаки вод. въ 1 д.
3 Собот.	Мал.	Un premier amour vaud. 3 act. Sans tambour ni trompette, vaud. 1 act.
4 Воскр.	Больш.	Двумужница, драм. въ 3 дѣйст. — Татьяна прекрасная, инт. въ 1 дѣйс.
	Мал.	La nouvelle Fanchon, vaud. 3 act. La chatte, vaud. en 1 act.
6 Втори.	Больш.	Аскольдова могила, опера въ 4 дѣйст.
7 Сред.	—	Безумная, драм. въ 1 дѣйст. — Русскій человѣкъ добро помнитъ, драм. въ 1 дѣйст. — Синичкины, вод. въ 3 карт.
	Мал.	Manche à manche, vaud. 1 ac. Elle est folle, vaud. 2 act. Les économies de Cabochard, interm. 1 act.
8 Чертв.	Больш.	Стрѣлокъ. опера въ 3 дѣйст. — Ужасъ, вод. въ 1 дѣйст.
9 Пяти.	—	Князь Серебряный, драм. въ 4 дѣйст. — Антрактъ. — Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, вод. въ 1 дѣйст. — Комедія съ дядюшкой, вод. въ 1 дѣйст. диверт.
10 Суботт.	Мал.	La nouvelle Fanchon, vaud. 3 act. — L'amour en commandite, vaud. 1 act.
11 Воскр.	Больш.	Король Лиръ, траг. въ 5 дѣйст. — Зятюшка, вод. въ 1 дѣйст. — Цампа, опера въ 3 дѣйст.
12 Понед.	—	
13 Втори-	—	Два Учителя вод. въ 1 дѣйст. — Симонъ Сиротинка. вод. въ 1 дѣйст. — Гусар. стоянка, драм. въ 1 дѣйст.

1842. Январь.	На какомъ театрѣ.	Спектакли.
	—	Куплен. дитя, не влюбляйся въ актрису. Ком. съ дядюшкой.
14 Сред.	Мал.	Mme de Croustignac, vaud. 2 act. La chatte, vaud. 1 act. — Un bal du grand monde, vaud. 1 act.
15 Четв.	Больш.	Маріл, опера въ 3 дѣйст. — Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 дѣйст. — Барская спѣсь, вод. въ 1 дѣйст. — Фортункинъ, вод. въ 1 дѣйст. — Приключеніе на водахъ, — Возвращеніе изъ Франціи.
16 Пятн.	—	
17 Субот.	Мал.	Arthur, vaud. en 2 actes — La dette à la bamboche, vaud. 1 acte.
18 Воскр.	Больш.	Костром. лѣса, драм. въ 2 дѣй. — Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 дѣйств. — Праздникъ жатвы, дивер.
19 Понед.	—	Мельникъ, ком. въ 1. дѣй. Синичкинъ, вод. въ 3 дѣй. Дивер.
20 Вторн.	—	Въ людяхъ англ., вод. въ 3 дѣй. Фортункинъ, вод. въ 1 дѣй. Танцы.
21 Сред.	—	Возвращ. изъ Франціи, др. въ 1 дѣй. Барская спѣсь, вод. въ 1 дѣй. Приключеніе на водахъ, вод. въ 2 дѣй.
	М л.	Франц.
22 пер.	Больш.	Дѣва Дуная бал. въ 2 дѣй. — Нѣмой по неволѣ, вод. въ 1 дѣй. — Кумъ Иванъ, др. въ 2 д. Жизнь за жизнь, др. въ 4 дѣй. — Чудакъ покойникъ, вод. въ 1 дѣй. дивер.
23 Пятн.	—	
24 Субот.	Мал.	Франц.
25 Воскр.	Больш.	Смерть или честь, драм. въ 3 дѣй. Дивер.
	Мал.	Фран.
26 Понед.	Больш.	Фаворитка, опер. въ 4 дѣй.
27 Вторн.	—	Мужъ мальчикъ, вод. въ 2 д. — Въ тихомъ омутѣ, вод. въ 1 дѣйст. Комедія съ дядюшкой, вод. въ 1 д.
28 Сред.	—	Кумъ Иванъ, др. въ 2 дѣй. Жизнь за жизнь, др. въ 4 дѣй. Чудакъ покойникъ, вод. въ 1 дѣй.
	М л.	Франц.
29 Четвер.	—	Фра-Діаволо, опер. въ 3 дѣй Дивер.
30 Пятн.	Больш.	Новый Отелло, ком. въ 1 дѣй.
	Мал.	Вотъ такъ шалюли! вод. въ 3 дѣй.
31 Субот.		Франц.

ПОПРАВКИ.

По отпечатаніи первыхъ листовъ нынѣшней книжки «Репертуара и Пантеона» замѣчены слѣдующія опечатки:

На стр. 9-й, во второмъ столбцѣ, въ строкѣ 23-й, послѣ словъ: «Въ операхъ», должно прибавить слова: «Мой другъ!»

На стр. 11-й, во второй строкѣ, вмѣсто:

«Если черезъ письмо, черезъ побѣду,» должно читать: «Если этимъ письмомъ, этою побѣдою.»

На стр. 12-й, во второмъ столбцѣ, въ 18-й строкѣ, вмѣсто: «литература,» читай: «литература.»

На стр. 21-й, при означеніи декораціи втораго дѣйствія, читай не *Жанъ-Жерменское Предмѣстье*, а *Сенъ-Жерменское Предмѣстье*.